

ВОЕННЫЕ 1918
МЕМУАРЫ 1919

Генерал-майор
М.Г. Дроздовский

ДНЕВНИК

Военные мемуары (Вече)

Михаил Дроздовский

Дневник

«ВЕЧЕ»

1923

Дроздовский М. Г.

Дневник / М. Г. Дроздовский — «ВЕЧЕ», 1923 — (Военные мемуары (Вече))

Воспоминания легендарного генерала М. Г. Дроздовского (1881–1919) рассказывают о событиях Гражданской войны в России и охватывают 1918–1919 гг. Особенно интересны впечатления автора о знаменитом походе дроздовцев – марше по маршруту Яссы – Дон. В качестве приложения к дневнику приводятся отрывочные записи за 1915–1917 гг., ярко характеризующие личность генерала, который стал легендой Белого движения.

© Дроздовский М. Г., 1923

© ВЕЧЕ, 1923

Содержание

Р.Г. Гагкуев	6
Предисловие	10
Введение	11
Дневник 1918–1919	17
Приложения	67
Приложение 1	67
Приложение 2	74
Приложение 3	75
Приложение 4	76
Приложение 5	78
Иллюстрации	80
Комментарии	

Михаил Дроздовский

Дневник

© Гагкуев Р.Г., предисловие, составление, комментарии, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Р.Г. Гагкуев Михаил Дроздовский и его «дневник»

Михаил Гордеевич Дроздовский (07.10.1881–01.01.1919)¹ относится к числу наиболее известных военачальников Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Если посмотреть на его краткую биографию², то на первый взгляд это обстоятельство может показаться даже странным. Дроздовский никогда не занимал ключевых постов в Белом движении и не одерживал громких и ярких побед над Красной армией. Более того – он скончался от ранения 1 января 1919 г. – перед началом решающих сражений в Гражданской войне. И тем не менее Дроздовский был и остается во многом знаковой фигурой для характеристики русского офицерства первой четверти XX в.

Такому положению способствует его роль в развитии событий Гражданской войны на Юге России. Формирование Дроздовским отряда добровольцев на распадающемся Румынском фронте в конце 1917 – начале 1918 г., а главное – приход этого отряда на соединение с Добровольческой армией на Дон в апреле 1918 г. – имели большое значение в расстановке сил на Южном фронте Гражданской войны. Добровольческая армия, во главе которой с апреля 1918 г. стоял уже генерал-лейтенант А.И. Деникин, благодаря слиянию с отрядом полковника М.Г. Дроздовского не только увеличилась численно почти вдвое. Возможно, даже большим было моральное значение этого соединения противников советской власти, обозначившее переход Гражданской войны на Юге России от локальных столкновений сравнительно небольших отрядов к полномасштабным боевым действиям.

Впрочем, дальнейший ход Гражданской войны в рядах деникинской Добровольческой армии не принес Дроздовскому какой-либо дополнительной славы или известности. И хотя вес и значение его 3-й пехотной дивизии в успехе Второго Кубанского похода и занятии белыми всего Северного Кавказа в июне – декабре 1918 г. трудно переоценить, в истории Гражданской войны Дроздовский навсегда останется прежде всего командиром отряда добровольцев, совершившего сложный 1200-верстный поход Яссы – Дон.

Поход Яссы – Дон к настоящему времени изучен довольно подробно, чему способствовала публикация ряда новых источников³. Однако первым и наиболее значимым документом об этом событии был и остается дневник самого М.Г. Дроздовского, в котором зафиксированы события начиная с периода подготовки к выступлению в поход (20 февраля 1918 г.) и почти до его окончания (21 апреля 1918 г.). Как источник по истории Гражданской войны документ во многом уникален. Оставленный Дроздовским дневник – это единственные опубликованные дневниковые записи одного из наиболее знаковых офицеров Белого движения, посвященные к тому же самому важному этапу его биографии. Дневник неоднократно публиковался как в русской эмиграции, так и в современной России, однако о самом документе до сих пор не известно ничего, кроме того, что сказали его первые публикаторы.

¹ Даты в предисловии приведены по старому стилю (Юлианскому календарю).

² Подробная биография М.Г. Дроздовского приведена во введении к публикуемому ниже «Дневнику». В комментариях к написанному неизвестным офицером-дроздовцем введению сделаны необходимые дополнения и уточнения, не известные его автору к моменту его создания (начало 1920-х гг.). См. также: *Абшякин Р.М.* Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Белое движение: исторические портреты / Сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 224–263; *Гагкуев Р. Г.* Последний рыцарь // Дроздовский и дроздовцы: [сб. док. и воспоминаний] / Сост. и ред. Р. Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 9–125 и др.

³ О походе Яссы – Дон подробнее см.: *Колдобский С. Н.* Формирование Сводного морского добровольческого полка и спасение знаменного Андреевского флага 1-го морского полка Балтийской дивизии // Дроздовский и дроздовцы. С. 425–440; *Колтышев П.В.* Поход дроздовцев Яссы – Дон. 1200 верст. Воспоминания дроздовцев. 26 февраля – 25 апреля 1918 г. // Дроздовский и дроздовцы. С. 238–224; *Поход дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский.* М., 1993 и др.

О том, что М.Г. Дроздовский оставил после своей смерти дневник, стало известно почти сразу после его смерти. В некрологе, опубликованном газетой «Великая Россия» 6 января 1919 г., указывалось, что «...после генерала Дроздовского остался дневник, который он вел в походах и который он предполагал подготовить к печати»⁴. Очевидно, что публикация дневниковых записей самим Дроздовским почти неизбежно привела бы к определенной редакционной правке, не позволившей бы узнать о многих деталях его жизни периода похода Яссы – Дон.

Тем не менее, выпущенное в 1923 г. берлинским издательством «Отто Кирхнер и К^о», первое издание «Дневника» Дроздовского⁵ не дает нам почти никаких сведений о составе и объеме сохранившихся записей. Оставшийся неизвестным составитель издания (или, возможно, составители) привел лишь самую краткую информацию об имевшемся в его распоряжении документе. Дневник, по его словам, состоял «из двух небольших записных книжек», в которые Дроздовский заносил «ежедневные заметки во время исторического похода с Румынского фронта». Исходя из предисловия публикатора, мы также знаем, что эти «заметки остались в необработанном виде». Велась ли все-таки какая-то редакционная работа над этими «необработанными записями», осталось ли что-то за пределами первой публикации – неизвестно. До настоящего времени мы ничего не знаем ни о возможной сохранности дневника Дроздовского, ни о его местонахождении непосредственно перед первой публикацией. Можно предположить, что личные документы Дроздовского какое-то время находились в распоряжении его сестры – Юлии Гордеевны Дроздовской, с которой его связывали наиболее близкие личные отношения. Тяжело больная Ю.Г. Дроздовская, проживавшая в годы Первой мировой и Гражданской войн в Чернигове, в октябре 1919 г. после занятия города белыми была эвакуирована на юг страны в сопровождении сестры милосердия Дроздовского полка. В 1920 г. Дроздовская была вывезена за рубеж, прожив за пределами России совсем не долго: 7 января 1922 г. она скончалась в Пирее (Греция). Копии с писем М.Г. Дроздовского к сестре Юлии, оказавшиеся позднее в распоряжении генерал-майора В.Г. Харжевского⁶, датированы 1930-ми гг. и сняты в одном месте – болгарском городке Мездра (недалеко от Софии). Судьба же документов самой Ю.Г. Дроздовской остается пока неизвестной.

Очевидно, что в распоряжении неизвестного публикатора находился довольно большой массив личных документов Дроздовского. Издание 1923 г. позволяет нам сделать вывод о том, что ведение дневника для Дроздовского было делом привычным и, вероятно, такие записи он вел на протяжении по меньшей мере части своей жизни. Об этом свидетельствуют, прежде всего, опубликованные в качестве приложения к основному документу отрывочные записи из его дневника за 1915–1917 гг. Кроме того, во введении к первой публикации дневника неизвестный составитель не раз приводит цитаты как из писем Дроздовского, так и из его «записей», сделанных до начала похода Яссы – Дон. Составитель не имел точной информации о причине отсутствия в дневнике записей после 21 апреля 1918 г., предполагая, что продолжать его Дроздовскому помешали «тяжелые бои» или же приведенные «в порядок» законченные записки были позднее утеряны.

Для понимания личности Дроздовского крайне важен не только опубликованный в 1923 г. «Дневник», но и уже упоминавшееся введение к нему. Несмотря на сравнительно небольшой объем, в нем содержится немало подробностей о жизни Дроздовского, без ссылок на которые не обходится сегодня ни один биографический очерк. Автором введения, по всей видимости, был неизвестный офицер-дроздовец, вероятно, участник похода Яссы – Дон, прошедший в составе дроздовских частей всю Гражданскую войну. В пользу такого предположе-

⁴ Великая Россия. Ростов-на-Дону. № 18–106. 6 января 1919 г.

⁵ Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин: О. Кирхнер и К^о., 1923.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5895. Харжевский Владимир Григорьевич. Д. 16 (письма М.Г. Дроздовского к сестре Юлии, а также фрагменты его дневников за разные годы опубликованы в сборнике «Дроздовский и дроздовцы». М., 2012. С. 139–169).

ния говорят как знание им многих подробностей из жизни отряда Дроздовского и Добровольческой армии в 1918 г., так и личное, основанное на собственных впечатлениях отношение к генерал-лейтенанту И.П. Романовскому. Начальник штаба сначала Добровольческой армии, а затем – Вооруженных сил Юга России, представлен во введении к дневнику как «злой гений» южнорусского Белого движения, пагубному воздействию которого был подвержен главнокомандующий генерал-лейтенант А.И. Деникин.

Незнание автором введения судьбы части дневниковых записей, которые, по его словам, могли быть «потеряны», может свидетельствовать о том, что на момент смерти Дроздовского он находился на фронте и лишь по окончании войны (уже в эмиграции) получил возможность познакомиться с личными документами своего командира. Введение к дневнику во многом представляет собой самостоятельный источник, который помогает не только составить мнение о жизни и деятельности Дроздовского, но и сформировать представление о добровольческом офицерстве в целом и окружении Дроздовского в частности. В издании 1923 г. был также впервые опубликован знаменитый рапорт М.Г. Дроздовского от 27 сентября 1918 г. и фрагменты его переписки, а составителем «Дневника» была впервые озвучена версия об убийстве (заведомо неправильном лечении, приведшем к смерти) своего командира.

Для понимания важности публикации дневника М.Г. Дроздовского и того резонанса, который он вызвал в среде русской военной эмиграции, отметим, что этот источник увидел свет раньше большинства крупных работ, написанных о Гражданской войне ее участниками. В 1923 г. еще не было опубликовано ни одной значимой работы, которая бы подробно рассматривала историю формирования отряда Дроздовского и походе Яссы – Дон. «Дневник» долгое время оставался единственным источником о действиях Дроздовского в первой половине 1918 г. Даже генерал А.И. Деникин, не обошедший вниманием в «Очерках русской смуты» ни одного из значимых вопросов Гражданской войны на Юге России, подробно рассказал о Дроздовском, его отряде и сложившихся с ним взаимоотношениях только в 4-й книге своего капитального труда «Очерки русской смуты», увидевшего свет в 1924 г.⁷ Использовал он при этом вышедший ранее дневник Дроздовского, попутно не упуская возможности ответить на ряд содержащихся в нем нападок на себя, а главное – на И.П. Романовского (в частности, Деникин рассказал об истории появления резолюции своего начальника штаба на рапорте Дроздовского).

За прошедшее со времени первой публикации время дневник Дроздовского неоднократно переиздавался. Как правило, переиздания не включали в себя какой-либо дополнительной информации к основному тексту. Уже в 1926 г. дневник был переиздан в Советском Союзе в составе сборника «Начало гражданской войны» (том 3 серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев»)⁸. В сравнении с текстом первоисточника он был несколько сокращен хронологически (события начинаются с 9 марта), при этом все дополнительные материалы к нему опущены. Составители сборника оговаривали, что дневник Дроздовского «заполнен главным образом описаниями военной стороны его похода. Мы вынуждены были, однако, за недостатком места все такие описания оставить в стороне и ограничиться лишь теми выдержками из дневника, где характеризуется политический смысл и значение предприятия его автора». Вышедшее в 1963 г. в Нью-Йорке переиздание дневника⁹ полностью (вместе со всеми дополнительными материалами) воспроизводило выпуск 1923 г. Большая часть дневника Дроздовского, дополненного другими воспоминаниями о походе Яссы – Дон, была опубликована

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии: май – октябрь 1918 г. Париж, 1924.

⁸ Дроздовский М.Г. Дневник // Начало гражданской войны / Сост. С.А. Алексеев; Под ред. и с предисл. Н.Л. Мещерякова. М. – Л.: Гос. соц. – экон. изд-во, 1926. С. 109–125.

⁹ Дроздовский М.Г. Дневник. Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1963. 205 с.

ликована в 1973 г., в первом томе подготовленного штабс-капитаном В.М. Кравченко издания «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи»¹⁰.

В современной России дневник М.Г. Дроздовского воспроизводился дважды. Впервые он был опубликован С.В. Карпенко в составе одного из томов серии «Белое дело» в 1996 г.¹¹ Несомненным достоинством этого издания стало наличие в нем научных комментариев, в существенной степени дополняющих содержание и проясняющих описываемые в источнике события. Очевидно, формат серии не позволил научному редактору воспроизвести в издании не только сам дневник, но другие материалы из выпуска 1923 г. Второе издание дневника состоялось в рамках серии «Россия забытая и неизвестная. Белое движение» под общей научной редакцией С.В. Волкова. В томе «Первые бои Добровольческой армии» был опубликован дневник Дроздовского¹², но вновь без дополнительных материалов первоисточника. Научные комментарии к документу составили в основном биографические справки участников Белого движения.

Предлагаемое вниманию читателей новое издание дневника М.Г. Дроздовского – его первое полное воспроизведение в современной России. Текст публикации 1923 г. дополнен предисловием, подробными комментариями и примечаниями, в существенной степени дополняющими основной текст и позволяющими по-новому взглянуть на уже известный исторический источник. Текст дневника и дополнительных материалов приведен в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, вместе с тем, максимально сохранены особенности авторского стиля. Приводимые в сборнике краткие биографические справки, как правило, освещают деятельность упоминаемых в книге персоналий в годы Первой мировой и Гражданской войн и не претендуют на полноту.

¹⁰ Кравченко В.[М.] Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973. С. 30–100.

¹¹ Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 7: Добровольцы и партизаны / Сост., науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М.: Голос; Спальхи, 1996. С. 5–75.

¹² Дроздовский М.Г. Дневник // Первые бои Добровольческой армии / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001. С. 419–492.

Предисловие

«Дневник» генерала Дроздовского состоит из двух небольших записных книжек, в которые заносились ежедневные заметки во время исторического похода с Румынского фронта на Дон в феврале – апреле 1918 года. Несмотря на то что заметки остались в необработанном виде, они, благодаря своей непосредственности и безыскусственной записи ежедневных впечатлений, не лишены выдающегося значения.

Насколько известно, до настоящего времени не появилось в печати воспоминаний участников этого похода и связанного с ним любопытнейшего периода формирования Добровольческой армии; в частности, в вышедших мемуарах деятелей этой эпохи имя М.Г. Дроздовского упоминается только вскользь или совсем обходится молчанием. А между тем поход «дроздовцев» заслуживает не меньшего внимания, чем походы первого периода Гражданской войны, и заметки главного вдохновителя, организатора и начальника приобретают таким образом огромный интерес.

Только благодаря выдающейся энергии, отваге и упорству начальника удалось это исключительное предприятие, когда горсть русских людей, не утративших веры в спасение родины, окруженная врагами, посреди всеобщего развала не только пробилась на Дон, но и сохранила характер спаянной воинской части. Небольшой отряд «полковника» Дроздовского послужил затем кадром для создания одного из крупнейших соединений Добровольческой армии – доблестной «Дроздовской» дивизии.

Будучи одним из основателей и организаторов Добровольческой армии, как армии народной, проникнутой чистым сознанием борьбы за право и государство, за великую, свободную Россию, – М.Г. Дроздовский до самой своей смерти сохранил глубокую веру в идею, в правоту своего дела. Этой идеей он горел, и она роднила его с великим русским патриотом Л.Г. Корниловым. Идея белой армии, при ее основании, в чистом своем виде, – идея борьбы правды с ложью, справедливости с насилием, честности с низостью, и идея эта остается чистой и незапятнанной, в какие бы уродливые формы она порой ни выливалась, в чьих бы слабых и неумелых руках она ни очутилась, какие бы разочарования ни внушали ее отдельные исполнители. Ложь, узкий эгоизм, преступная небрежность и неумение присосались к великой идее и погубили ее. И покойный М.Г. Дроздовский прекрасно сознавал всю опасность вырождения великих порывов. В рапорте, поданном им незадолго до смерти генералу Деникину^[1], чувствуется горечь разочарования в руководителях и исполнителях, указывается на необходимость прочной организованности борьбы, оздоровления тыла, грозно звучит предостережение... Увы, оно оказалось роковым...

И теперь, когда Добровольческая армия побеждена – «горе побежденным», – когда все наперерыв торопятся помянуть недобрым словом эту когда-то здоровую, светлую и доблестную силу^[2], – образ идеалистов-организаторов ее становится особенно дорогим и близким. Пусть обломки армии на чужбине, пусть невыносима, тяжела их крестная ноша. Но идея не умерла, она не может погибнуть. И люди, связанные ею, спаянные пролитой за нее кровью, вместе делившие труды и лишения, сомкнутся еще тесней и дождутся и лучших дней, и счастья увидеть родину возрожденной.

Пусть же эта маленькая книга будет скромным памятником на могилу погибшего патриота.

Д.

Введение

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в Киеве 7 октября 1881 года^[3]. Его отец – генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский – был участником Севастопольской обороны^[4]. В раннем детстве Дроздовский лишился матери и его воспитание легло всецело на старшую сестру – Юлию Гордеевну, которая была на 15 лет старше своего брата^[5]. Будучи самым младшим в семье и единственным сыном, Дроздовский с детства был баловнем всей семьи, но это баловство не отразилось на его характере. Юлия Гордеевна отмечает, что брат отличался ранним развитием самостоятельности, наряду с необычайной любознательностью, впечатлительностью и крайней нервностью. Вращаясь в кругу военных, ребенок, естественно, пристрастился к военным играм, переодеванию в солдаты, игре с саблями и воображаемыми револьверами, сделанными им самим из палок. Также в раннем еще детстве выступила ярко и отчетливо одна черта Дроздовского, нитью прошедшая через всю его жизнь – это одиночество, скрытность и замкнутость. Товарищей детских игр у него не было; он предпочитал общество денщиков отца, заслушивался их рассказов о деревне, о войнах, о полковой жизни. Позже, к 7 годам, у мальчика появляется любовь к рисованию, а также и к поэзии; излюбленными стихами его были боевые, яркие описания войн. Декламируя их, он представлял сцены в лицах, заставляя сестер выслушивать его.

В 1892 году Михаил Гордеевич был отдан в Полоцкий корпус, но вскоре переведен в Киевский кадетский корпус, который он окончил в 1899 году.

Воспитатели ученических лет Дроздовского отмечают его выдающиеся способности, наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей. Однокашники Михаила Гордеевича вспоминают постоянный окрик воспитателя (полковник Гаас^[6]): «Дроздовский, под арест!» Прирожденная правдивость и бесстрашие внушали всегда юноше необходимость признания своей вины и заставляли постоянно терпеть наказания. В старших классах он увлекается рисованием, проявляя недюжинные способности, но, к сожалению, все его этюды и наброски утеряны.

По окончании корпуса Михаил Гордеевич вышел в Павловское военное училище в Петербурге, где дисциплина была особенно строга и карцер являлся почти постоянным местопребыванием непокорного Дроздовского. Так, однажды, он решил вывесить свою визитную карточку на дверях карцера, уверяя, что ему предоставили отдельную комнату в училище. За эту выдумку ему, разумеется, пришлось понести усиленное наказание. Одно время жизнь в училище показалась юноше настолько тяжелой, что он написал отцу о своем решении уйти, так как ему не под силу было справиться со своим характером: он не мог покорно, а главное без противоречий, выслушивать окрики начальства, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные. Только авторитет отца, его убедительные письма и просьбы закончить раз начатое образование принудили Дроздовского покориться, остаться и одним из первых окончить училище.

В 1901 году Михаил Гордеевич вышел в Варшаву в лейб-гвардии Волынский полк^[7], пребывание в котором окончательно отшлифовало его характер и наложило отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Тут небезынтересно отметить систему воспитания, которую проводили в Волынском полку старшие офицеры по отношению к молодежи. Первое и главное требование всякого военного – дисциплина – была очень строга; также исполнительность и аккуратность в службе. Воспитывалась любовь к родине, к полку, к его традициям, любовь и забота о солдатах, корректное и сдержанное отношение к однополчанам. Но здесь не было строгого окрика начальников, а если делалось замечание, то в форме совета старшего младшему; вот почему те же требования и та же строгость, что и в училище, но вылитые в другие формы, были так легки и незаметны для Дроздовского. Скромная жизнь полка, постоянная строевая

работа, занятия с солдатами и непрестанное внушение старших, что своею жизнью офицер должен показывать пример солдатам, не допускали кутежей и разгула. Здесь не было принято, как в других полках среди молодежи – хвастовство кутежами, пьянством, развратом, жизнью не по средствам, долгами, и даже такие разговоры считались неприличными и странными. В такую здоровую и бодрую атмосферу посчастливилось попасть Дроздовскому, и понятно, что Волынский полк как нельзя более подходил к замкнутому его характеру, развил выдержку и привил ему необходимое умение повиноваться и управлять подчиненными, да и характер взаимоотношений офицерства был необыкновенно близок взглядам Дроздовского. В полку была прекрасная библиотека, выписывались журналы, и офицеры могли следить за литературой и наукой. Михаил Гордеевич много читал, интересовался литературой, вопросами философии, новыми открытиями, и в свободное время его можно было всегда видеть за книгой. Он увлекался шахматами, следил за шахматными турнирами. Но избрав военную карьеру, посвятив свою жизнь любимому делу, Дроздовский считал свое специальное образование крайне скудным и под влиянием деятельной переписки с отцом, находившим, что необходимо дальнейшее военное образование, он в 1904 году поступил в Академию Генерального штаба^[8]. Не раз впоследствии Михаил Гордеевич говорил, что он обязан всем своему отцу, его влиянию, а также родному Волынскому полку.

По объявлении Японской войны Дроздовский немедленно прикомандировался к 34-му Стрелковому Сибирскому полку и, будучи убежденным строевиком, на практике изучил военное дело, участвуя с полком в боях. На этой войне он получил все боевые знаки отличия^[9]. В бою под Ляояном был ранен в ногу^[10]. К сожалению, все письма с войны, его личные впечатления, подробно изложенные отцу, – утеряны.

По окончании войны М.Г. Дроздовский вновь возвратился в Академию, которую окончил в 1908 году. Полагающийся ценз командования ротой он отбывал в Волынском полку и впоследствии, в чине капитана, был назначен в штаб округа в Харбине. С этого времени начинается неудовлетворенность работой в штабе, его действительная натура не могла примириться с чисто канцелярской работой, связанной с его маленьким чином, и эта невозможность проявлять инициативу заставляла страдать Михаила Гордеевича. К счастью, в феврале 1912 года он был переведен в штаб Варшавского военного округа, где общение с волынцами давало ему отдохновение и скрашивало жизнь. Когда вспыхнула Балканская война, Дроздовский ожил; мысль о возможности попасть в бой, снова услышать свист пуль, быть в действии, вырваться из сидения в Отчетном отделении штаба побудила его просить о командировании на войну. Однако желанию его не суждено было сбыться. Вот что он писал 22 ноября 1912 года: «Моя мечта принять участие в Балканской войне почти облеклась в реальные формы, я почти торжествовал, но вчера все рухнуло – категорически воспрещены поездки, и я должен сидеть смиренно. До каких же пор»...

В этот период времени Михаил Гордеевич начал большой труд по стратегии о будущей русско-германской войне. Бывая в Петербурге, он посещал Публичную библиотеку, где собирал нужные ему материалы. «Может, и хватит характера докончить», – говаривал он и, действительно, закончил свою работу, но труд этот погиб^[11].

В 1913 году Дроздовский добился командировки в Севастопольскую авиационную школу, где изучил наблюдения с аэропланов^[12].

Европейская война застала Михаила Гордеевича в Варшаве, откуда он был назначен в штаб главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Вот что мы читаем в его письме от июля 1914 года: «Я далек от боевой линии, это угнетает меня, но начальство не пускает меня пока вперед. Здесь, правда, больше в курсе дела, но зато не услышишь свиста пули, а без этого разве война – война!!! Ничего, пойдут убитые и раненые, а также ищущие места побезопаснее, будет и мне замена. Эта война, величайший исторический момент – моя великая, самая страстная мечта, и я принужден оставаться в стороне, разве можно сказать, что я участвую в

ней. Если бы хоть нести ответственные, требующие самостоятельной деятельности обязанности, а то должность помощника начальника отдела в таких крупных штабах – роль писарская. И это тогда, когда решается судьба моей родины, я должен исполнять бесцветную работу, вне опасности. Такая жизнь угнетает меня, положительно любое дело валится из рук».

Стремление Дроздовского к более активной роли, наконец, после долгих хлопот получило свое осуществление, он был назначен в штаб 27-го армейского корпуса.

Вновь обращаемся мы к письму Дроздовского по поводу этого назначения:

«Наконец-то мне удалось вырваться из штаба Главкомандующего, здесь только в штабе дивизии или корпуса я буду иметь возможность проявить инициативу, с моим маленьким чином (капитана) принести большую пользу, конечно, все будет зависеть от личностей начальствующего персонала, но хуже не будет... Поймите, что пришлось мне пережить последнее время: на северо-западном фронте неудачи, их я предсказал до войны в бесконечных разговорах и спорах в штабе. В своем дневнике я указывал на печальные последствия нашей стратегии, я предвидел все и ничем не мог помочь, предотвратить тяжелые последствия. Ведь в наших руках была яркая, блестящая победа, при наличии тех обстоятельств, с которыми мы вышли на войну, а во что ее превратили?..»

В приложении приведены отрывки записок из полевой книжки Дроздовского, относящиеся к этому периоду.

Осенью 1915 года Михаил Гордеевич был произведен в подполковники и назначен начальником штаба 64-й дивизии. Наконец он смог в более широком масштабе проявить свою инициативу.

Следующий факт, характеризующий Дроздовского, произошел в бытность его начальником штаба 64-й дивизии.

Во время ночного отступления Н-го корпуса переправу через мост внезапно захватила немецкая конница, чем поставила не успевшие переправиться наши части в безвыходное положение. Неожиданно раздались крики «ура», и на мосту появился подполковник Дроздовский с группой солдат. Впоследствии выяснилось, что получив донесение о захвате немцами переправы, Михаил Гордеевич сразу учел положение, наскоро собрал находившихся вблизи штаба солдат и кинулся к мосту. После короткой схватки немцы бежали, и до утра подполковник Дроздовский занимал отбитую им переправу, а утром возвратился в штаб и приступил к своей обычной работе.

Настроение Дроздовского сильно изменялось в связи с обстановкой на фронте.

Из письма М.Г. Дроздовского от апреля 1916 г.:

«У меня громадная работа, не говоря уже о текущем бумагомаранье; иногда целыми днями пропадаю на позиции; приходится делать организационные работы, требующие большого напряжения, но совершенно необходимые, чтобы быть во всеоружии перед случайностями. Я давно старался добиться у своего генерала той плановости, с которой он никак не может мириться. Теперь сверху крепко нажали, и мне удалось получить руководство в свои руки, и надо торопиться все сделать, пока не вставят очередной палки в колесо». К лету, в ожидании боев Дроздовскому приходилось усиленно работать; вот что он пишет в июне:

«Я по горло завален делами, целыми днями на позиции, возвращаюсь с обходов усталым и зарываюсь в бумагу, без конца сидишь и пишешь, позднее разбираю телеграммы – это пачка в добрый роман Золя.

Вполне понятно, почему у нас сейчас огромная, лихорадочная работа, приходится напрягать все силы, чтобы не быть неподготовленным к событиям. Всюду нужен контролирующий глаз, предусмотрение и организация. Конечно, мало 24 часов в сутки. Все это ничего, если бы не это наводнение бумаги; я не только не видел ничего подобного, но даже не предполагал, что может существовать такое море бумаги; это все подлая привычка отписываться. Если бы

старшие и высшие действительно побольше работали и чаще посещали части, не нужно было бы этой мертвящей, душащей бумаги.

Кругом наблюдается подъем духа. Нельзя не признать, что наши Луцкий и Буковинский прорывы были удивительно чистой работы, по крайней мере во внешней их форме – видно, что наконец кое-чему научились и у нас. Положение на всех фронтах считается благоприятным; будут конечно и неудачи, придется за них не раз расплачиваться, но инициатива уже вырвана из немецких рук, немцы отбиваются, но удары наносим везде мы. Надо полагать, что так останется до конца, но еще конца войны не предвидится, нужно запастись большим терпением».

В начале сентября, во время атаки Дроздовский был тяжело ранен в правую руку, нормально владеть которой он уже не мог до конца жизни. Вот что рассказывает офицер 64-й дивизии об обстановке, в какой был ранен Михаил Гордеевич:

«К началу сентября в числе прочих частей 64-я дивизия была переброшена на Юго-Западный фронт и вошла в 9-ую армию в составе 18-го армейского корпуса. Насколько положение 9-й армии было серьезно (частично в направлении Мармарош – Сигет), указывает тот факт, что части дивизии с похода были посажены на грузовые автомобили и в спешном порядке двинуты на помощь отходящим под давлением австро-германцев мелким казачьим отрядам.

Район сосредоточения дивизии была Молдава. Не имея возможности войти на месте в связь с отходящими по горным тропинкам казачьими разъездами, а следовательно, не имея никаких сведений о противнике и его расположении, решено было послать вперед разведку из батальона 254-го пехотного Николаевского полка. Разведкой принял на себя руководство начальник штаба дивизии Дроздовский. К утру эта разведка определила линию фронта всего корпуса для перехода в контрнаступление против австро-германцев. По занятии Николаевским полком позиции остальные части дивизии были поставлены вправо и влево от него, заполнив таким образом образовавшуюся брешь, соприкасаясь правым флангом с уссурийцами, левым же с 37-й пехотной дивизией.

Подошедшими нашими свежими силами было предпринято частичное наступление, которое начало успешно развиваться на обоих наших флангах. Нам же необходимо было преодолеть сильнейшее естественное препятствие в виде местного горного хребта с тактическим ключом – горой Капуль, за которой находился очень важный для нас Кирлибабский проход. Для взятия Капуля была назначена 64-я дивизия, части которой ночной атакой в короткой штыковой схватке сбили противника и закрепились, послав донесение в штаб дивизии, что Капуль взят, о чем было немедленно сообщено в ставку Главнокомандующего. В связи с этим донесением, ночью же стали выработать план дальнейшего наступления, когда с рассветом выяснилось, что нашими частями занята не гора Капуль, а лишь ее восточное плато. Было необходимо исправить эту ошибку и, главное, сгладить неловкость по отношению к Ставке. Взятие Капуля было назначено на 5 сентября. Этой атакой взялся руководить подполковник Дроздовский, подтянув для этого весь свободный резерв. Мне кажется, что подполковник Дроздовский чувствовал, что его присутствие и личное руководство внушало строевым начальникам – от командиров полков до младших офицеров – уверенность в успехе, а для солдат казалось необычайным присутствие начальника штаба их дивизии. Атака носила характер стремительного, безудержного натиска. Но когда передовые цепи под действием смертоносного огня в упор, захлебнувшись, залегли перед проволокой, подполковник Дроздовский, приказав двинуть на помощь новый резерв, поднял залегшие цепи и с криком «Вперед, братцы!», с обнаженной головой бросился впереди атакующих. Мы были у цели, я – командир роты – бежал рядом с подполковником Дроздовским, все это происходило в какие-то короткие мгновения, но злая судьба не дала возможности довести Михаилу Гордеевичу так блестяще начатую атаку, – он был ранен^[13]. Ворвавшись в окопы противника, мы смогли продержаться там только до вечера, так как тщетно ждали поддержки со стороны соседних участков. Но там не было таких руководителей, которые готовы были с такой энергией до конца служить своему делу, как подпол-

ковник Дроздовский. Я не знаю, как на этот подвиг посмотрело высшее начальство, но мнение всех строевых офицеров и солдат было одно – не потеряй мы Дроздовского в этом бою, к вечеру мы бы уже спускались в Кирлибабский проход».

Только в январе 1917 года мог вернуться в строй Михаил Гордеевич и, произведенный в полковники, был назначен начальником штаба 15-й пехотной дивизии. Его мечта получить полк, быть самостоятельным начальником и, пока оставалась лишь мечтой. Там застала его революция, которая, по мнению Дроздовского, вела к гибели России. Вот его первое письмо после всех происшедших событий: «Вы положились на армию, а она не сегодня-завтра начнет разлагаться, отравленная ядом политики и безвластия. Когда я первый раз услышал о “рабочих и солдатских депутатах” – для меня ясен стал дальнейший ход событий: история – это закон. Что я переживаю? Я никогда в жизни не был поклонником режима беззакония и произвола, на переверот, естественно, смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию. Но хирургический нож оказался грязным, смерть неизбежна, исцеление ушло. Весь ужас в том, что у нас нет времени ждать, перед нами стоит враг с армией, скованной железной дисциплиной, нам нечего будет противопоставить его удару. Так что же я переживаю? Оборвалось и рухнуло все, чему я верил, о чем мечтал, для чего жил, все без остатка... в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только поэтому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа».

Долгожданная мечта Дроздовского получить полк наконец осуществилась, 6 апреля он был назначен командиром 60-го Замосцкого полка, но в революционных условиях это командование не принесло радости, не дало поля для широкой творческой работы и было для Дроздовского непосильным крестом^[14].

Несмотря на общий развал армии, боевые действия продолжались. 20 ноября Дроздовский по давнишнему представлению получил Георгиевский крест 4-й степени, а представление к Георгию 3-й степени осталось безрезультатным (представление штаба Румфронта за № 125411)^[15].

24 ноября он был назначен командиром 14-й пехотной дивизии, но ввиду полной невозможности командовать дивизией при все усложнявшейся обстановке, 11 декабря Дроздовский сложил с себя это звание и уехал в Яссы, где было задумано формирование Добровольческого корпуса.

С захватом власти большевиками и фактическим прекращением войны наступил полный развал русской армии. Один лишь Румынский фронт, находившийся в иных условиях, благодаря присутствию румынских войск, границы, отделяющей его от хаоса в России, и т. д. кое-как сохранял внешний порядок^[16].

Еще в декабре 1917 года установилась связь между генералами Алексеевым^[17] (Дон) и Щербачевым^[18] (Яссы). Тогда же в Румфронте зародилась мысль об организации особого корпуса русских добровольцев для отправки его на Дон в помощь генералам Алексееву и Корнилову^[19]. Эта идея встретила сочувствие и поддержку со стороны союзников; французы дали на организацию предполагаемого похода несколько миллионов франков.

Главнокомандующий Румынским фронтом генерал Щербачев поручил организацию добровольческого корпуса генералу Кельчевскому^[20]. Было выпущено воззвание к офицерам и солдатам Румынского фронта (см. приложение 1), с поступающих добровольцев требовалась подписка (см. приложение 3)^[21].

Одним из самых деятельных и талантливых организаторов по подготовке предполагавшегося похода был полковник М.Г. Дроздовский, к тому времени сложивший с себя обязанности начальника 14-й пехотной дивизии. В начале января он был командирован в Одессу, где организовал Бюро для записи добровольцев.

Тем временем осложнения росли; к середине февраля положение на юге России, через который лежал путь следования предполагаемого корпуса, находился в состоянии полной анархии. «Бескровная» русская революция начала выражаться в исступленной безудержной войне всех против всех. Море крови, пытки, насилия и грабежи на фоне страха, угнетенности и пассивности масс – вот картина царившего там хаоса.

Связь с Доном была порвана.

Видя кругом распад, не веря в возможность какой бы то ни было борьбы с большевиками, генерал Щербачев, его штаб, а за ним и испуганное офицерство отказались от своей первоначальной идеи. Проще было сидеть в Румынии и в безопасности выжидать дальнейшего хода событий. Приказом штаба Румфронта задуманный ранее поход был отменен, и добровольцы, давшие ранее подписки в Добровольческий корпус, освобождались от взятых на себя обязательств^[22].

Гибнущую идею решил спасти полковник Дроздовский. На фоне растерявшейся среды людей, долг которых был руководить и поддерживать в такие критические минуты, когда их опыт и авторитет могли бы поднять дух и объединить всех для борьбы с большевизмом, – встает скромная фигура полковника Дроздовского, объявившего прямо, что так скоро от начатого дела он не отречется. «Я иду – кто со мной». Это решение вызвало резкое осуждение окружающих его: мысль о походе называли безумием, авантюрой, – она вызывала насмешки и возмущение. Из всего Румынского фронта на смелый призыв Дроздовского отозвалось и поступило в организуемую им 1-ю бригаду Русских Добровольцев всего 800 человек, не побоявшихся всех опасностей, которые стояли на намеченном пути, доверяя вполне водительству Дроздовского.

Только незадолго до выхода из Румынии генерал Щербачев изменил свое недоверчивое отношение к походу и стал помогать Дроздовскому; генерал же Кельчевский^[23] до конца где было возможно тормозил дело^[24]; Дроздовский называл его предателем.

Ярким примером отношения к проекту Дроздовского может служить следующее: в Одессе председатель Союза офицеров генерал-лейтенант Л.^[25] в резкой форме отказал в содействии отряду по формированию, пополнению и распространению среди офицеров его идей, не желая принимать участие и брать на себя ответственность в «этой аванюре».

Румынское правительство, помогавшее вначале, впоследствии ставило всяческие препятствия организации отряда, требуя его разоружения.

Несмотря на чинимые препятствия, Дроздовскому удалось организовать свой отряд, который и выступил под его начальством в поход, описанию которого посвящен приводимый ниже дневник.

Дневник 1918–1919

20 февраля 1918 г.

Утром 19 шел Геруа^{13[26]} передать доклад Совета¹⁴. Встреча с Алексеевым^{15[27]}, решение уходить. Тревожные вести – разоружение. Все по моему предсказанию за последние 10 дней. Мое решение – пробиться. Распоряжение Лесли^{16[28]} подготовить помещение и об уходе; поездка в Скентею¹⁷ и распоряжение. Ночной переход с 20-го на 21-е. Приступил к составлению очерка затруднений, творимых румынами. Запрещение выдачи из складов имущества и снарядов, оружия, пропусков, неотпуск лошадей в Бельцах. Распубликование в Бессарабии о том, что в Яссах ничего нет¹⁸; затруднения, творимые в Бессарабии – еще хуже. Официальная любезность, тайные запрещения, итальянская забастовка. Наша борьба с Синедрионом^{19[29]} за выход на Днестр; бесконечно нервное напряжение последних 10-ти дней, 20-го утром записка Одона^{20[30]} о наряде 3-х эшелонов: Разрешение на вывоз оружия и артиллерии. Днем обещание отпуска недополученного снаряжения, снарядов и патронов. Подача записки Презано^{21[31]} (все это результат давления Щербачева, увы, позднего; вообще Презано шел охотно, тормозило правительство с Авереску^{32]}).

22 февраля

Разрешение министра на перевозку – в руках. Весь день те же мытарства: румыны водят за нос, нет до сих пор допуска к бензину, нет разрешения на снаряды, инженерное имущество, снаряжение – все время только и делают – ездят к Презано и в главную румынскую квартиру. Галиб²² пакостит, просил Авереску нас обезоружить. Составы есть, но нет еще разрешения грузить, а уже больше 18 часов. Очевидно, погрузимся только завтра. Да и не могли бы – не хватает запряжи взять все имущество. Страшный кавардак и хаос, над всем царит страх отмены нашего выпуска с оружием (румынам верить нельзя) или занятия австрийцами Дубоссар.

Весь день мечусь как угорелый, ездил в Соколы, нервы раздергались, становлюсь невыдержанным в разговоре. Обещались завтра примкнуть от 70 до 110 человек чехословаков и человек 60 запорожцев.

23 февраля

Вчера до поздней ночи читал описание района предстоящего перехода – страшно; время разлива, ряд речек, мостов нет. Через Днепр у Берислава они могут быть разведены. Трудность предприятия колоссальна.

Узнал утром о пожаре складов в Скентее. Назначено расследование.

10½ утра – запрет румынским кабинетом министров перевозки и вообще выхода с оружием. Мотивы: предстоящий мир Румынии^{33]}, а главное – Украина заключила мир и объявила нейтралитет^{34]}; без ее разрешения нельзя. Кельчевский поехал немедленно к Главнокомандующему^{35]}. Мое решение – в 10–11 вечера отправить в Унгени 3 роты (на подводах), эскадрон,

¹³ Геруа – генерал-майор – бывший командир лейб-гвардии Волынского полка, начальник штаба генерала Щербачева. Здесь и далее сноски под римскими цифрами воспроизводятся по изданию: Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин, 1923. Сноски под арабскими цифрами подготовлены Р.Г. Гакуевым и помещены в конце книги.

¹⁴ Совет – конспиративный совет по организации добровольческого движения.

¹⁵ Генерал Алексеев, при штабе Румынского фронта, впоследствии начальник штаба Войска Донского.

¹⁶ Лесли – полковник Генерального штаба, совершивший поход с Дроздовским.

¹⁷ Скентея – местечко в 60 верстах от Ясс.

¹⁸ Румыны распустили, что в Яссах нет никаких добровольческих формирований.

¹⁹ Синедрион – штаб генерала Кельчевского.

²⁰ Одон – французский полковник.

²¹ Презано и Авереску – румынские генералы.

²² Галиб – украинский посол от Петлюры.

легкую батарею и взвод (горную бросить – снаряды подмочены), пулеметные команды, штатный обоз; колебания некоторых начальников – офицеры 26 артиллерийской бригады. Идти силою через мост – в кармане пропуски и разрешение министра, способ – сам в голове колонны и на огонь – огонь.

Румыны всячески оттягивали отход, а полковник Дроздовский спешил, так как наступала весенняя распутица и прошли глухие слухи о предполагаемой оккупации немцами Украины. В случае дальнейших препятствий со стороны румын полковник Дроздовский решает прорываться силою.

Предположение, что перевозка была ловушкой – всего можно ожидать.

Румыны предлагали перевезти отряд к границе по частям. Не доверяя румынам, полковник Дроздовский отказался, опасаясь разоружения.

Весь день беготня по ликвидации вещей.

В 6 вечера – перемена, разрешение; подали новый список подлежащих выходу частей, вооружение материальной части, требование на снаряды, патроны и оружие новое, прежние аннулированы. Разрешение Авереску. Не верю, опять игра. А время бежит, нужны спешные распоряжения. Добавление артиллерии в расчет на кишиневцев²³. Им придется идти пешком – нужно увеличить обоз.

Прибытие двух рот румын днем в Соколы. Демонстрация – узнав, приказал ответить тем же.

Разговор с Бологовским^{24[36]}.

Обед в миссии. Опять бессонница.

23 февраля

Переделка мешка вещевого. Предложение 60-ти сербов. Поездка в Соколы. Погрузка – отсебятина, много лишнего. 48-линейных снарядов еще нет. Возвращение. История с деньгами – нам 600 000²⁵, а 200 000 кишиневцам за февраль и март; их запрос об активной группе: острый разговор с Алексеевым в раздраженном тоне, с моей стороны – горькие истины, накипевшие в душе.

Обед в миссии; весть о движении немцев^[37] – Болград прошли – двигаются на автомобилях и конно на Бендеры: положение становится крайне тяжелым, время идет, эшелоны еще не начали ухода. Вероятно, румыны нарочно тянут, чтобы немцы обезоружили сами.

Опять плохо спал. Вернулся около двух; встал в 8.

24 февраля

Надо ускорить перевозку – набросал новый план – тот сделали без моего утверждения. Опять караул не дает бензина; на остатки еду с штабс-ротмистром Преображенским. Выбираем 4 эшелона. Артиллерия пойдет походом кроме мортир. Эскадрон и часть обоза под командой Федулаева. Остается 3 эшелона – почти мой расчет. Издевательства продолжаются – не дают ни снарядов, ни инженерного имущества, ни оружия, ничего; что Главная румынская квартира разрешила – не дают караулы. Прямо саботаж; эшелоны погружены, стоят, вечером спрашивали, можно ли ехать, но так и не тронулись. Сегодня уезжают миссии – опять жди. Весь день состояние озлобления, нервность крайняя, офицеры все издерганы; решение горняков^[38].

Опять пишем в румынскую главную квартиру, а также о пропуске федулаевской колонны – только к чему пропуска, не пропускающие! Около 8 вечера бензин и инженерное имущество даны; снаряды и пропуски обещаны. Эшелоны двинутся завтра – поживем – увидим. Распоряжение Синедриона о праве не идти²⁶. Положение у нас.

²³ В Кишиневе должна была быть сформирована 2-я бригада добровольцев.

²⁴ Бологовской – капитан конно-горной артиллерии.

²⁵ Из 57 миллионов, полученных от французов на организацию добровольческого корпуса, Дроздовскому было выдано 600 000 румынских лей.

²⁶ Приказ генерала Кельчевского, что давшие ранее подписку о вступлении в ряды Добровольческого корпуса имеют право

25 февраля

Поездка в Соколы около 2½ часа дня. Все по железной. Утром узнал, что в Александрии всего 6 эшелонов. Наконец все выдано – днем получали снаряды, патроны, гранаты ручные, ружья и т. п. Конец. В полдень отошел один эшелон. Сегодня должны отойти еще два. Разговор с Яцевичем (движение немцев), около 300 офицеров у него в районе Галаца, спрашивал, как присоединиться. Поздно!! Конная дивизия идет – части Грикопуло должны присоединиться; разговор с ним – указал сбор в районе Устья.

Сведения с Дона большевистских искрограмм: Ростов и Новочеркасск пали^[39]. Какие же у нас тогда цели, как искать соединения? Страшная трудность задачи. Время покажет, а пока по намеченному пути, лишь бы немцы пропустили.

26 февраля

Утром в 10½ – в банке, в 2 часа в управление. Горные снаряды разрешены. С поездом сегодня трудно, но ответ в 5 часов. Разговор с Алексеевым – освобождение офицеров от обязательств идти. Раскол среди офицеров. По какому праву эти случайные люди – генералы делают такие распоряжения; он обиделся, назвал мой проект фантазией.

В 2 часа поехал в Соколы. Встреча автомобиля с броневиками – пришли румыны (взвод роты) обезоруживать; разговор с румынским капитаном – предложение спросить по телефону свою главную квартиру или того же Стефанеско (предписание было штаба местной дивизии); пошли разговаривать.

5 часов. Все письменные разрешения в руках: броневая батарея, аэропланы, автомобили. Поезда: сегодня в 18, 27-го числа в 11 часов и в 16 часов. Каждый по 30 крытых и 15 платформ. Поездка с Василеско в Соколы для получения разрешения на горные снаряды. Оказалось напрасно, уже все соглашено; однако застряли – не хватило бензина. Попытка поехать на «Пакаре»²⁷ броневинов.

Лейтенант Василеско много и энергично работает.

Хлопоты с автомобилями – все стремятся недодать, офицеров не известили, что никто потом догонять не будет, штаб и роты остаются – когда все это разъяснилось, – большинство роты уходит. Завтра получка денег и завтра же, и послезавтра – поход. Погода сухая и жаркая. Немцы не идут пока на Бендеры, у Лейпцигской оказался взорван или поврежден путь, сильно полагаем, что это румыны для облегчения ухода французов.

27 февраля

В начале 15-го часа еду в Соколы – еще ни 4-й, ни 5-й эшелоны не ушли и даже не кончили погрузки: румыны ли поздно, мы ли медленно грузились – черт знает, а время идет – несомненно, причина неправильное соотношение платформ и вагонов. Румыны выдали не то, что мы просили; это задержало погрузку. В 16 часов 6-й эшелон еще не начинал грузиться. Арест самозванца в горной батарее. Распоряжение продать лишние автомобили в броневом взводе. Бензину мало – предназначалось 400 пудов, а Преображенский все старается недодать. Гаражные комбинации, торговля автомобилями (тайная). Вообще последние дни (2–3) сплошная борьба с нашей авточастью за бензин и машины, затягивание выдачи денег, задерживающее офицеров, хотя может быть и не нарочно.

Вообще страшно изнервничался за последние две недели: борьба с начальством, румынами, а под конец и авточастью.

На душе тяжело – если правда потеря Ростова и Новочеркаска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все более и более тяжелой. Как ни мрачно –

остаться и от подписки освобождаются.

²⁷ Автомобильная марка.

борьба до конца, лишь бы удрать от немцев за линию Слободка – Раздельная и дальше сохранить в целости полную организацию отряда, а там видно будет – может, и улыбнется счастье. Смелей вперед!

Успеем ли, сумеем ли проскочить?

Около 19 часов получил телеграммы от 26-го числа. 2-й эшелон прибыл, Войналовича^{28[40]} нет, не знают – что им делать. Сильно встревожен. Недавно пропал автомобиль с 3-мя офицерами неизвестно где, а тут у Войналовича все инструкции, сам по себе он очень нужен и трудно заменим, да с ним интендант с 50 000 рублей.

После 20 часов разъяснилось, приехал офицер из Кишинева за деньгами для 2-й бригады – он уже видел там Войналовича, очевидно выехав на ночь, где-нибудь застрял.

Завтра в 14 решил уходить с автоколонной, – задерживает получка офицером денег для 2-й бригады – надо взять его с собой.

До 3-х часов ночи писал письма.

28 февраля

Около 12 приехал в Соколы. Одну броневую сдали румынам, продали три броневых машины, но дешево за бензин и деньги. Зато имеем не менее 200 пудов запаса только в батаре. Эшелоны 4 и 5 ушли, грузится 6-й. По-видимому, не все поместится в эшелон – дал указание все худшее и менее нужное продать. Вернулся в 12½ в управление – сведение, что немцы заняли Раздельную и станции дороги; украинцы пристально следят – сказал Федоров. Просил распустить завтра слух, что, сосредоточившись на северо-восток от Кишинева, пойду на Рыбницу, Балту, Ольвиполь на соединение с поляками. Авось надую немцев, хотя сомнительно, положение в общем тяжелое – слишком поздно уходить. Офицер 2-й бригады не может сегодня ехать, и чтобы не задерживать уход, взял 75 тысяч рублей за 120 000 лей для уходящих с собой. – Выехали из общежития в 2½ часа. Мигай остался, чтобы взять «Лаурин-Клемент»²⁹, – будет нагонять. Я с Невадовским^{30[41]}, Храповым и помощником шофера пошли вперед на «Пирсе»³¹. До границы раза три останавливали с пропусками. В Унгенах нагнали броневиков на переправе; возня с комендантом, детально проверяющим машины. Ступин, наскочив на «Пакаре»³² на переднюю машину, разбил фонари, помял крыло; с машиной что-то не в порядке – ее буксировали; остался сзади еще и грузовой «Пакар». Погода хмурится, начинает накрапывать. Дорога дрянь, ухабы.

От Унген на «Пирсе» ушли значительно вперед. Хотели сегодня попасть в Кишинев (остальные решили ночевать в дороге), но остановки с пропусками; две лопнувших шины и плохая дорога – задержали – уже темнело, часов в 8 часов приехали в Калараш; фонари не горят, ночевать в Кишиневе негде. Решили искать приюта у священника (благочинный), там ликвидационная комиссия 27-го тяжелого дивизиона; напоили чаем, покормили, устроили на ночлег на походных кроватях. Разговоры на темы пережитого, хозяйничанье большевиков, приход румын.

Дождик, дорога немного грязнится.

²⁸ Начальник штаба отряда Дроздовского.

²⁹ Автомобильная марка.

³⁰ Генерал-лейтенант Невадовский, приехав в Яссы, когда отряд был уже сформирован, получил предложение от Дроздовского идти с ним рядовым артиллеристом, дал немедленно свое согласие, но сейчас же выяснилось, что ранее назначенный начальник артиллерии остается в Яссах и генерал Невадовский занял этот пост.

³¹ Автомобильная марка.

³² Автомобильная марка.

1 марта

Насморк и бессонница продолжают изводить. Хозяева артиллеристы напоили чаем. Выехали около 11. На подъеме в Калараше долго возились по скользкой мокрой дороге, буксовали колеса, долго надевали цепи, в остальном добрались до Кишинева без приключений около 2 часов дня. Прямо в штаб 2-й бригады. Сдал деньги, по-видимому, присоединится мало – несколько десятков – результат работы руководителей и прямо отговаривающих, и затрудняющих и всячески работающих против (особенно, говорят, Асташев^[42] и Ракитин^{33[43]}); вообще состав оставляет желать лучшего – распушены, разболтаны. В 6-м часу узнал о прибытии горного и кавалерийского эшелона – было столкновение на одной станции, кажется, Калараше с румынами, высланными роты, выставившие пулеметы; у нас ответили тем же выставлением пулеметов с лентами; одному румынскому офицеру дали затрещину, разошлись миром, румыны ушли и больше не занимались провокацией.

2 марта

В это время в Кишиневе находилось много офицерства. Дроздовский произнес там прекрасную речь о целях похода, предлагал подчиниться с отрядом генералу Белозору^[44], лишь бы скорее пойти на помощь генералам Алексееву и Корнилову. Но генерал, основываясь на приказе штаба Румфронта, освободил всех от обязательств по подписке, называя этот поход авантюрой. Он уговаривал не идти, не доверяться безумному плану Дроздовского. Из всех бывших в Кишиневе – присоединилось всего 60 человек. Амуниции, бывшей в большом количестве, не выдали отряду Дроздовского.

Утром в 11 в помещении 4-го полка собрались офицеры – говорил о том, что обязаны прийти все, но что не гонюсь за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место; кто идет – пусть поторопится присоединиться сегодня и завтра утром.

К утру собрались на вокзале все эшелоны окончательно. Вчера вечером пришли автомобили, сегодня днем броневой взвод. Заглянул к автокоманде представитель Сфатул-Церия^[45], хотел реквизировать – указали, что первая добровольческая бригада и выставили. Шакалы!

Войналович уехал днем на Пирсе (Кейс неисправен), боюсь, чтобы без него не вышло скандала. Кажется, под давлением румын должны были первые роты (1-я и 2-я) перейти в Дубоссары при неизвестной обстановке и могли быть отрезаны немцами, а мост закрыть румынами. Сказал во что бы то ни стало сидеть на переправе верхом, обеспечив обратный уход передовой части через мост.

На вокзале склад имущества; не на чем вывозить; продовольствие, обмундирование, оружие, боевые припасы; распоряжений ясных не оставлено, вообще с грузами хаос; приказал, что возможно, поднять, отобрать необходимейшее, прочее уничтожить или продать, поручить это старшему из оставшихся при обозах офицеров, капитану Соболевскому. Некогда тут заниматься устройством складов и их перевозкой в несколько оборотов.

Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов; вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга.

Только неодолимая сила должна останавливать, не ожидание встречи с сей. А все же тяжело. К 5-ти часам все части, кроме обоза, ушли вперед. Завтра повоюю с уходом местных офицеров, увозом грузов, а там утром 4-го и сам вперед.

3 марта

³³ Генералы Асташев и Ракитин близко стояли к делу формирования 2-й Добровольческой бригады в Кишиневе.

Вечером разговор у Кейданова с офицерами 2-й бригады и Трахтенбергом, что много, почти все пошли бы, если бы приказали, но когда начальство объявило, что подписки уничтожаются^[46], свободны не идти с нами, а одиночно – пошло очень мало... Все наделал главным образом наш штаб и штаб 2-й бригады; впрочем, все к лучшему – рвани не нужно. Сильная мысль – всех на подводы, а на многих подвод не хватит. Получил донесение, что Дубоссары заняты нами. Об австро-германцах ни слуху. Большевики бежали, 4-х захватили из комитета, один из коих раньше хвастался, что убил 10 офицеров и 1 архиерея. Верстах в 45 севернее Дубоссар есть сведения – поляки. Пошел разыскивать, чтобы связаться. Днем хлопоты с отправкой обоза, Румыны требовали в 12, ругался, злился, выторговал в 2 часа. Остатки продуктов и вещей продаем.

Часов с 5 шла нагрузка камионов^[47] (грузовиков), кончившаяся в темноте. Завтра будет окончательная продажа оставшегося.

Вечером собираюсь быть в оперетке, отдохнуть, «Цыганская любовь»^[48]. Когда еще придется!

А сомнения грызут, чем бодрее дух идущих офицеров, чем больше обрисовывается разница между нашими и кишиневцами, тем больше жжет ответственность. Туда ли и так ли веду их.

Можно возгордиться – как бояться нас и румыны и Сфатул-Церий – смешно: мы кучка людей, никогда нельзя бы подумать.

4 марта

С утра заботы о ликвидации запасов – интендант заболел, поручил его помощнику, поездка на вокзал, приказ снять караул и присоединяться. Продали «Пакар» и «Кейс» за 12 000 рублей.

Только в 16 часов выступила колонна. Минеры³⁴ с помощником интенданта и тремя чинами караула нет. Вытянув колонну, ушли вперед. Прибыли в Дубоссары в 18 – здесь все части отряда, на правом берегу ничего. В Криулянах обогнал наш обоз (6-й эшелон) и скот. В Дубоссарах разместились хорошо. О немцах ни слуху. Несколько большевиков арестовано. Жители довольны, из Григориополя накануне присылали от сельского управления с просьбой их освободить; послали несколько человек – большевики бежали. Настроение хорошее, и себя чувствую бодрей – бодрей смотрю на будущее.

В 11 – ужин. Артиллеристы чествовали Невадовского, своего училищного офицера – засиделись до 2-х часов.

5 марта, Дубоссары

Проснулся рано, яркое солнце. Австрийцев нигде не обнаружено. Все улыбается. В 11 часов собрание старших начальников для реорганизации отряда, обоза (все на повозки); сокращение числа автомобилей – командировка продать часть и на это купить бензин; пьянство офицеров, попытки насилий, самочинные аресты; сепаратистические течения: в артиллерии, у конно-пионеров^[49] и т. п. – непривычка, вернее отвычка повиноваться.

На этом собрании была окончательно установлена конструкция отряда, который был подразделен на: пехотный полк под командой генерала Семенова^[50], впоследствии отставленного от командования и даже удаленного из отряда полковником Дроздовским; два эскадрона конницы под командой ротмистра Гаевского^[51] и артиллерию под командой генерала Невадовского.

Конно-пионеры под командой ротмистра Двойченко принадлежали ко 2-й бригаде русских добровольцев; присоединились в Кишиневе.

³⁴ Автомобильная марка.

К вечеру вести о разъездах австрийцев, человек в 20–25, в Ягорлыке и у Окны. Положение затрудняется нежелательностью столкновений. Сведения от жителей – (может и врут), – но про разъезд у Ягорлыка очень достоверное изложение факта. Около 23 часов приказал послать взвод на Ягорлык немедленно. В бой не ввязываться, а если пойдут в Дубоссары, – заманить. Решил приготовить все к выступлению 6-го вечером. Поживем, увидим – утро вечера мудренее.

6 марта

Услали в Кишинев обе легковых и два грузовика продавать и достать бензин. Два грузовика продали здесь за 6 т.

Утром уехал Козлов – долго вчера с видом побитой собаки объяснял, что он не боится, а только ему с нами нечего делать и стыдно брать жалованье, а из Ясс он поедет в Сибирь с той же идеей, что и наша. Не огорчен – и слава Богу. Говорил с ним кисло, и он это чувствовал.

Весь день сборы, организация обозов. Удрал Борзаков. До поздней ночи танцы в здании кино с местным обществом – вид местных здорово демократичный. Наши в походной форме. Наблюдал до 1 часа ночи.

7 марта

В третьем часу донесение от Гаевского – ничего серьезного, стал на ночлег.

Выступление затянулось, сборный пункт Семенов назначил в стороне, в Лунке; тронулась колонна в 9.20. Неслаженность движения, страшная растяжка, вообще чудовищный обоз надо энергично сократить, чем займемся на дневке; крутые подъемы и спуски также увеличивали растяжку и разрывы. На привале голова колонны пришла около 4 часов. На привале двух отправили в дальнюю командировку³⁵.

Погода почти жаркая, солнце светит во все лопатки, дорога хороша. Донесения от конницы утешительные – из Окны ушли на север.

Выступили с привала в 6.

Только в 11-м часу голова колонны прибыла в деревню, почти 3 часа шли при луне; поэтично, но неприятно и невыгодно: опрокинули один ящик 48-линейных и две или три повозки поломались.

Штаб в именье Анатра и в деревне Кошарка приняты очень любезно; легкая батарея и обозы в Слободке, прочие в Кошарке.

Прочли о себе в одесских газетах о Дубоссарах – беглые евреи пропечатали и все наврали – ни слова правды.

Побег поручиков Ступина и Антонова на «Пакаре»; украли 10 пуд. бензина.

8 марта

В 7 часов на ногах, устал сильно и хотелось спать – полубессонные ночи сказались – увы, теперь некогда высыпаться. Выступление назначено на 10 часов в три колонны.

Выступили около 10. Крутые подъемы с горы на гору, колонна растягивалась страшно, mortarы никак не шли, обоз растягивался, автомобилям часто помогали руками. Средняя колонна при переходе дважды пересекалась австрийскими эшелонами – мирно. Один офицер сломал ногу, отправил на Мардаровку, сказав, что из ликвидационной комиссии в Баделове, австрийцы спрашивали – не из проходившей ли колонны. Рассказывали, что австрийцы кричали – счастливой дороги – они там пересекали колонну у самого разъезда, австрийские офи-

³⁵ Генералом Дроздовским периодически посылались надежные офицеры для пропаганды и вербовки офицеров в добровольческие части.

церы приветствовали отдаванием чести. На разъезде до встречи с эшелонами получены донесения, что в Вальгоцулове австр. батальон с пулеметами. Решил остановить и сосредоточить колонны в Николаева Зарница – новая (на карте нет) и в Борисове, где ждать дальнейшего от разведки. Получение донесения по прибытии в деревню, что австрийцы ушли. Остановка на ночлег – устали, уже было около пяти, ждать точных донесений еще часа 2. Получил донесение об украинцах. Решение завтра идти в Вальгоцулово всем, где дать дневку. Решение расформировать мортиры и сократить обозы. Ходатайство командира мортирного дивизиона – решение сократить вдвое ящики и за их счет 8-ю упряжку и заводных.

Хозяева чудно приняли, заботились, накормили лошадей даром. Деревня тихая, хорошая, избы хорошие. Присоединились к коннице два офицера-добровольца, сыновья соседнего помещика.

9 марта, Вальгоцулово

Выступили в 9 часов, правая по большой дороге на Вальгоцулово, левая со мной по кратчайшей на западную окраину; пехота пешком. Вскоре по прибытии разъезда на Мардаровку в Плоское обстрелян австрийцами, легко ранившими одного; по получении донесения решил выслать броневик, усилить заставу и приказал собрать подводы для приготовления к походу, это было часа в 2. Вскоре прибыли оставшиеся в Дубоссарах кавалеристы и грузовой автомобиль, все вооруженные. Австрийцы их любезно пропустили, говорили, что ранили двух большевиков, которые грабили жителей, – оказывается – это реквизиция моею конницей, потом долго шли с австрийцами разговоры по телефону с Мардаровской, из коих выяснилось, что они нас не преследуют, но им жалуются жители на насилия и они, как прибывшие для защиты, должны принимать меры. Зная, что мы нейтральны (мы это им говорили), они против нас ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей; много лжи, больше все евреи клеветают, но много самоуправствует конница. Сегодня я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательного прекращения реквизиций. Австрийцы обвиняли также, что наш разъезд первый открыл огонь – возможно; эта буйная публика может только погубить дело, пока налаживающееся ввиду нейтралитета немцев. Из Ананьева прибыли 4 офицера узнать, что у нас – говорят: там много офицеров, и решили вернуться с группой желающих присоединиться; австрийцев там нет. Броневик по выяснении дела возвратился. В связи со всем решил пока, тщательно охраняясь, если возможно, сохранить дневку, а потом сразу быстро уходить. Приказал во всяком случае ликвидировать все лишнее в обозе спешно, завтра утром посылаем еще 2 грузовика в Ананьев для продажи и один за бензином. Таким образом, опять целый день волнений – слишком близко австрийцы; евреи крайне враждебны, крестьяне за нас, озлоблены на евреев, приветствовавших австрийцев, и недоброжелательны последним.

Успокоимся, когда вглубь заберемся.

А тут еще уже поздно вечером по телефону говорил комендант Мардаровки, прося не стрелять по их отдельным небольшим группам, если будут проходить – не ловушка ли, – накопление... Войналович все считал пустяками, был против моего желанья отмены дневки, а теперь и сам поколебался, теперь я все же склоняюсь подождать сведений, а при первых тревожных признаках – уходить. Послезавтра же во всяком случае начать спешный уход. Распускаю слухи, что здесь останемся еще дня 4–5, а потом перейдем в Ананьев.

Прибыли три замосца³⁶ из Одессы: Ляхницкий, Кулаковский^[52] и Чупрынов. Отчет о положении дела в бюро, Кулаковского решил послать в Одессу, закрыть бюро и взять кого можно, ловить нас в пути, ожидая посыльного в Кантакузенке.

³⁶ 60-м Замосцким пехотным полком командовал на войне полковник Дроздовский.

Погода все время чудная, сегодня хорошо было идти, не жарко – ветерок; вся природа, казалось бы, улыбается, а на душе тревога за отряд.

Подлость масс, еще вчера буйных и издававшихся, сейчас ползающих на коленях при одной угрозе; снимают шапки, кланяются, козыряют – вызывают в душе сплошное презрение.

Остановились у С.; приняли очень любезно, кормили, поили, заботились. Газетная травля (еврейская) «Одесских Новостей» и других социалистических листков (прапорщик Курляндский) – желание вооружить всех – впереди нас идет слава какого-то карательного отряда, разубеждаются потом, но клевета свое дело делает, создает шумиху и настораживает врагов. А ведь мы – блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!!

Трудно и тяжело! И тревога живёт в душе, нервит и мучает.

10 марта, местечко Святотроицкое

Около 2-х донесение Мардаровского разезда о том, что около 18 часов в Мардаровке высадилось два эшелона австрийцев, которые как будто ожидают боя с нами; в 3-м часу донесено, что якобы жителям Плоское приказано оставить их деревню, так как ожидается бой; сведение довольно странное – почему Плоское, ведь не мы же будем вступать в бой... Во всяком случае решил выступить, как только успеем, и отдал приказ немедленно собираться в поход. Обоз впереди.

К выступлению луна зашла – темно, запряжка и кормежка лошадей трудна, уход затянулся, только в 7 хвост колонны (арьергард), конница и горная артиллерия вышли из деревни; утро холодноватое, туман – все равно наблюдение австрийцам, бывшим далеко, – невозможно, только секретные агенты могли видеть.

Шли спокойно, на 18 версте привал – покормить и напоить лошадей, частью некормленных и непоеных. В 18 часов прибыли в Святотроицкое. Ехали довольно хорошо, жители-крестьяне благоприятны; наша хозяйка и хозяин хаты очень радушны, заботливы, даже сахар выставили. Холодновато только в хате, спали на кроватях – крестьяне состоятельные – взяли за все недорого, по-божески. Страшно устал, глаза смыкаются, волнения и бессонные ночи сказывались еще на походе, не раз начинал засыпать в седле; часам к 22 сон совсем разобрал – улегся и как камень в воду.

11 марта

День тоже пасмурный, холодный ветер! Выступление в 9 часов. Дорога среди степи, на десятки верст ни селенья, только изредка отдельные хутора. Довольно крутые овраги, дорога гладкая, твердая – но тучи грозили не раз перейти в дождь, а тогда – невылазная грязь вместо асфальта. Начинало накрапывать, но ветер, дувший как сумасшедший, – до боли в глазах, разогнал тучи: когда пришли в Веселое в 5-м часу, уже было голубое небо.

Пыль и ветер стали угнетать на ходу.

При уходе из Святотроицкого арестовали солдата (уволенного) из местных, агитировавшего в нашем обозе против офицеров; в Новопавловке арестовали еще 6 человек из большевистских заправил, список коих был получен полковником Лесли в Ананьеве от местной офицерской организации. Сидят пока у нас под арестом. Нескольких, однако, не успели захватить – удрали заблаговременно. Крестьяне посOLIDнее очень довольны арестами. Чем дальше на восток, тем, видимо, сильнее дух большевизма – уже не так радушно встречают, замечается иногда враждебное отношение – «буржуи, на деньги помещиков содержатся, отбирать землю пришли». Есть, однако, очень немало и на нашей стороне, но они терроризированы; например, хозяин нашей избы, даже не из богатых, подтвердил все данные леслевского списка, жаловался на террор большевиков, указал и на новых, передал, что наш конюх (штабной) собирается сегодня бежать, что он сочувствует большевикам (сам проговорился перед женой хозяина), но

все это говорил наш хозяин шепотом, умоляя его не выдавать. И вообще нередко являются с петициями – убрать большевиков – увы, не можем много шуметь, дабы не губить свое дело соединения с Корниловым.

Конюха пока арестовал. Отряд стал в д. Веселая, автомобили в соседней деревушке (не имеется на карте), а конница в колонии Веселая, 3 версты восточнее деревни. Там, между прочим, произошел комичный эпизод; в имение, что рядом, приехал наш офицер-фуражир, а в это время туда явилось 8 франтов пограбить, – очевидно еще не слышавших о нашем прибытии в здешние края. Наш фуражир, закупив фураж у помещика и увидев, что эти 8 франтов желают грабить, заставил их всех грузить им закупленное на подводы, доставить в эскадрон, выгрузить, а потом крепко друг друга выпороть... Потом их выгнали; жаль...

В 23 часа кончали ужин, явился офицер от Жебрака^[53], тот идет из Дубоссар, более чем со 100 добровольцами и массой (чуть не втрое) лошадей, и с обозом; 10-го должен был выступить из Дубоссар^[54]. Это очень ценное прибавление, сам Жебрак очень ценный, как человек воли; решил задержать свой марш на правой стороне Буга лишних 1–2 дня, выждать присоединения. Вот люди, которые хотят прийти! Начинаю бояться за погоду – уж больно много зависит от нее и проходимость дорог и, главное, глубина бродов, а погода капризничает и зловеще...

12 марта, деревня Веселая (на реке Столбовой)

Дневка.

Шли работы по проверке, организации и сокращению обоза: пока все совершается в частях, а затем проверено будет особой комиссией.

Вели стрельбу из пулеметов, бросали ручные гранаты, производили ученье – рассыпной строй. С погодой нехорошо – ветер по-прежнему дует изрядный, тучи бродят угрожающе – того и жди, будет дождь. Решил еще один день стоять – тут спокойнее ждать Жебрака. Высланы шесть тайных разведчиков в Контакузенку, Акмечеть и Константиновку^[55]. Вечером узнал у искровиков тяжелую вещь: немцы сообщают о большой победе на Западном фронте – 45 тысяч пленных, 600 орудий и массы запасов; указывают пункты, представляющие прорыв фронта^[56]. Поддействовало ужасно – ведь только победа союзников могла быть для нас надеждой на спасение. Тоска, безнадежность, тоска...

13 марта, деревня Веселая

Ночью приехал Жебрак – его отряд должен ночевать сегодня в Новопавловке. С ночи погода испортилась вполне, ветер стих, но пошел дождик, потом мокрый снег. Путь, начавшийся под таким благоприятным знаком, стал осложняться; трудности переправы велики, только броды, и вероятно не мелкие (а тут дождь), вода холодная; в Вознесенске несомненно австрийцы – трудно будет проскользнуть через этот рубеж – по боевым условиям трудней, пожалуй, чем через Днепр (потом выскажу свои соображенья – почему). Но надо всем доминировать вести с запада – это, пожалуй, уже катастрофа, угнетающая меня до основания; неужели Россия погибла?! И все-таки вперед; потеряно все, остается только возможность выиграть, помочь несчастной стране. Нам осталось только – дерзость, наглость и решимость.

Около 16 часов поехал в Новопавловку, куда на ночлег прибыл отряд Жебрака; переговоры с Жебраком – соединение не состоялось, опять наследие^[57]. Завтра выступаем; дорога хотя и не вязкая, но верхний слой подмок и уже труден для автомобилей и неприятен пешеходам, на полях редкий снег, к ночи определенно холодно, подмерзает: тяжелые условия для переходов вброд, если даже последние окажутся довольно мелкие. В общем, переход Буга, один из самых трудных барьеров.

14 марта

Все вокруг в белом саване – за ночь выпал снег, окна замерзли, определенно холодно – мороз 2–3 гр. и холодный ветер: земля подмерзла. Условия переправы складываются все суровее и труднее.

Колонна выступает в 9 часов.

Вначале было холодно идти, постепенно к концу марша потеплело, мороз окончился. На большом привале зашли в соседнюю избу пообедать молоком и яйцами, солдатка – муж в плену, она и ее квартиранты жалуются на современные «свободы», «раньше было лучше» – приходится слышать очень часто, но полная неспособность бороться, одни сетования; запуганность, забитость, а охотно сообщают имена зачинщиков и комитетчиков, если только рассчитывают, что их не выдадут. Пришли в Домашевку часов в 5. История с квартирами 2-й роты – в ее район посадили сестер, начальствующих лиц, всем хорошие квартиры. Это недовольство высказывал генерал Семенов.

Вернулась разведка (тайная) и разъезды.

Сведения о переправах – хороший паром у Акмечети, бродов нет; у Кантакузенки мост не охраняется, но в Вознесенске батальон австрийцев с 4-мя орудиями – проходившие большевистские части через брод Мертвоводы были ими обстреляны – я этого не хочу!

15 марта, Домашевка

Утром собрал все донесения – принял окончательное решение: переправляться у Александровки с автомобилем – паром подъемностью 800 пудов. Делает рейс в одну сторону 3–4 минуты; переправу начать сразу с подхода, ночью, когда спят, для чего выступить в 18 часов, причем конница с конно-горной вперед переменным аллюром для начала переправы. За ними вся пехота с пулеметами, затем артиллерия, потом обозы; автомобили в конце, так как нужно особое оборудование парома. На всякий случай легкая батарея при начале переправы будет оставлена на правом берегу на позиции (опять же практика).

Все время до похода прошло у меня в налаживании отношений старших начальников к добровольцам – по устранению впредь квартирных трений, по ликвидации сестер, из коих оставлено пока только 4 (из 11-ти); указал, чтобы, не исключая и жены Лесли, все жили вместе при отрядном лазарете – это не свадебное путешествие; пришлось выдержать сильную атаку ликвидируемых сестер, но устоял, разрешив довести только до Александровки, откуда ближе к железной дороге. Наладил связь с ожидаемым Кулаковским – все благополучно, он прибыл еще с 4-мя; отличный, редкий офицер.

Днем работала комиссия по проверке и сокращению обоза – некоторые результаты дала.

В Домашевке по авточасти крупная удача – у местной помещицы в соседней экономии купили до 250 пудов бензину, который она охотно продала и недорого: по 20 рублей за пуд. Она сильно опасалась, что большевики или иная нечисть заберут даром. А нам торжество – на все машины теперь бензину хватит верст на 500, если не больше.

Выступили в 18 часов.

Семь человек отправлено в дальнюю командировку.

В дороге мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих; нет-нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествует над несознательным движением сердца... Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуизм и контрреволюционность». Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ядом преступления?! Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся воля, ибо этими дикими разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: «око за око», а я скажу: «два ока за око, все зубы за зуб». «Подъявшийся меч...»

В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану ровень с этим страшным звериным законом – с волками жить^[58].

И пусть культурное сердце сжимается иногда произвольно – жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большеви-

ками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист.

Холод усиливается – почти мороз; полная луна холодным светом освещает пустынные, ровные пашни, изредка прорезанные узкими полосками снега. Большинство идет пешком почти весь переход. Слезли с подвод – все же теплее. Холод проникает всюду...

12-й час, вот и река.

16 марта, Александровка

В половине двенадцатого, когда голова нашей колонны подошла к парому, уже началась переправа горной батареи; эскадрон был уже на левой стороне. Переправа тянулась долго – только в 6 часов переправил части, и началась переправа обозов.

Чем дальше к утру, тем становилось холоднее – усиливался ветер, грелись у костров из камыша, соломы, сухой травы и бурьяна – дров нет; в домике паромщика битком набито греющимися.

Вернувшись в штаб, пил чай. Почти совсем не заснул. Днем от заставы донесение о приходе на станцию Трикраты эшелона – донесение, до крайности не вязавшееся с обстановкой; по выяснении оказалось мифом – пришел поезд с товарными вагонами.

День опять ветреный и холодный.

Бессонная ночь сказалась, устал, хочется спать – лег в начале 10-го.

17 марта, Петропавловка

С утра пурга; с выступлением задержались, и колонна двинулась только в 8 вместо 7-ми. Ветер восточный – северо-восток, холодный, гнал тонкую снежную пыль, резал лицо, коченели руки, отмораживались уши, лед нависал на усах и бороде, на ресницах и бровях. Может, дорогу плохо видно. Снег слепит чем дальше, тем больше. Идти очень тяжело, в особенности артиллерии и кавалерии – мерзнут руки и ноги. Мортирщики стонут, много добровольцев полумальчишек, ясно, что 45 верст им было бы не под силу в таких условиях. Сократил переход, остановившись в Спасибовке и Петропавловке вместо Еланца. Бежал прапорщик, летчик Бербеко, со своим приятелем – не усмотрела конно-горная.

Как разнообразно отношение жителей – масса во многих деревнях очень благоприятно настроена, так в Акмечети и Александровке. Акмечетских трех убийц полковника, которых выдали нам сами жители, сегодня расстреляли. Акмечетские особенно помогали переправе, их комитет сам прислал своих плотников и техника направить паром для броневигов. Дали доски для усиления и вообще оказывали всякое содействие.

Приходится выслушивать много жалоб, просьб о разборе разных ходатайств о защите от одних и видеть злобу и косые взгляды других; иные бегут, только слыша о нашем приходе. Наши хозяева среднего достатка, боятся грабежей, лучшее имущество хранили в бочке в стоге соломы, при нас только вынули пересмотреть и проверить!

Сломалась на походе ось горной пушки – слава Богу, починили.

18 марта, местечко Еланец

Настоящая зима, хотя не холодно. Ветер сильный. Кругом бело. По дороге снега немного, но все же для автомобилей плохо.

Бросили автомобиль с пушкой – что-то сломалось, кажется, шестерня. Суток 3 надо для починки, если вообще можно, но по внешним признакам нельзя – а ждать невозможно. Взяли, что можно: запасные части; машину и орудие испортили.

Выступили в 9 часов. Дорога до Сербуловки была очень тяжелая – от таяния тонкого слоя снега верх дороги загрязнился. Стало скользко и липко. А тут еще перед выходом на тракт немало поблуждали целиной по степи – проводник плутал. На ногах налипали комья грязи...

Головной броневик, который должен был идти с конницей, положительно надрывался. Конечно, за конницей не поспел. Колеса буксовали; даже одев лапы, шел с трудом; кое-как добрался до Сербуловки, по деревне не смог пройти, так как мост через ручей был крайне ненадежен... Тут мы его и оставили. Я приказал ему ждать остальные автомобили и выступить всем вместе, ночью, когда подмерзнет. После Сербуловки, в общем, дорога была хороша – почти везде сухая. Через первый встречный ручей пройти не удалось, так как пародия на мостик была разрушена. На переезде через ручеек увязали даже телеги. Пришлось дать версты две крюку на обход...

Вообще из-за дороги переход оказался достаточно неприятным – воображаю, что здесь делается, когда получается настоящая грязь.

Большевиков нет нигде, говорят, что они бегут при первых вестях о нашем приближении и давно уже покинули наш район; вообще о нас ходят самые дикие вести: то корпус, то дивизия, то 40 000, буржуи, нанятые помещиками, старорежимники^[59]. Жители разбираются, в общем, слабо; нередко спрашивали: «Вы украинцы?» – «Нет». – «Австрийцы?» – «Нет». – «Большевики?» – «Нет». – «Так кто же вы?» – «Мы – русские». – «Значит, большевики – русские ведь все большевики». В общем, массы довольны. Просят защиты, установления порядка: анархия, дезорганизация измучила всех, кроме небольшой горсти негодяев. Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне. В Еланце просят навести порядки, если не можем репрессиями, то хоть напугать... Постоянные налеты, грабежи, убийства терроризировали население, а виновных боятся называть из страха мести. Наши хозяева евреи, ограбленные вчера на 900 рублей, встретили нас крайне радушно. «Хоть день будем покойны!»

К интенданту привезли, собрав по домам, три воза хлеба и очень удивились, что он заплатил. Посылали в виде откупного, так привыкли, что проходящие части грабили и отбирали даром. Это углубление революции после большевистского переворота гастролерами, наезжающими в деревню – грабежи имений и экономий под угрозой пулеметов; иногда, впрочем, сопротивляются, дают отпор, защищая помещиков (Доманевка, Трикраты). Самое зло – пришлые матросы и солдаты-красногвардейцы.

В Еланце пришлось дать дневку, поджидая автоколонну – еще день пропал против расчета, еще промедление... Начинается полоса неудач, пока еще не очень значительных. Погода здесь – великий фактор.

19 марта, Еланец

Вынужденная дневка – поджидал автомобили. Последний добрался только часов в 14. Уже сильно чувствуется необходимость хорошего ремонта, а потому решил бросить отдельно автоколонну на два перехода вперед, где ей и ждать соединения с нами. Тогда они вместе с двумя днями дневки получают 3–4 дня на ремонт; автомобильная искровая станция будет нас связывать при раздельном расположении. Погода слегка пасмурная, ветра нет, подсыхает, но очень боюсь дождя...

От грабежей и налетов стон стоит. Понемногу выясняем и вылавливаем главарей, хотя главные заправилы умудряются заблаговременно удрать; в штабе сосредоточиваются показания всех квартирохозяев, также помогла очень посадка своего переодетого вместе с арестованными – те ему сдуру многое порассказали. Жители боятся показывать на формальном допросе, только три-четыре дали показания под условием, что их фамилии останутся неизвестными. Наш хозяин, еврей, говорил, что местные евреи собирались послать делегацию просить оставить какое-нибудь угрожающее объявление о поддержании порядка, а то их перед нашим приходом грозили громить, а теперь грозят расправиться, когда мы уйдем. А ведь они не рискнули назвать ни одной фамилии. Бумагу, конечно, приказал написать. Авось страх после нас придаст ей силу, но только видеть себя в роли защитника евреев – что-то уж чересчур забавно – это я-то, рожденный, убежденный юдофоб!.. Кстати, к бумаге приписали о сдаче арестуемых за

грабежи и хулиганство украинским властям – много смеялся, поймут ли украинцы все глумление в этих строках...

Забавно, до чего грозная слава окружает нас. Наши силы иначе не считают как десятками тысяч... В этом диком хаосе что может сделать даже горсть, но дерзкая и смелая. А нам больше ничего не осталось, кроме дерзости и смелости... Когда посмотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь – в силах ли будешь выполнить свое дело. Целый океан земли впереди и враги кругом...

20 марта, Софиевка (Графская)

Немного пасмурно, холодновато. Погода обещает быть хорошей. Беспокойство за погоду, от которой так много зависит, отражается на сне. Хотя условия прекрасные, плохо спал. Выступление в 8 часов. Вскоре после движения погода изменилась – небо сплошь серо, пошел мокрый мелкий снег; дорога разгрязнилась. Липкая грязь висела гирями на ногах, облепляла колеса, лошадям очень тяжело. Только после привала, на половине остального пути, снег остановился, но небольшой северный ветер заохолодил. Сыро, холодно. Некоторые лошади едва вытягивали. Горные снаряды, не доходя 5 верст, пришлось перегрузить на вызванные обывательские подводы. Наши лошади стали. Автомобили стали у Васильевки на трети пути, не говоря уже о намеченном двойном переходе, когда-то присоединятся. Прямо несчастье...

Прибыли головой колонны в Софиевку в 19 часов. Это даже хорошо. Легенда о Николае Николаевиче в массе народа (движение его на Екатеринослав и Николаев). Вывод – симптоматичность (борьба за освобождение под вождением Великого Князя!). Устал сильно. Лошадь слабая, много шел пешком по ужасной размокшей почве. Да и ехать шагом все время несладко.

21 марта

Ночью будили два раза – один раз Гаевский жаловался, что не может идти – я ответил, что идти нужно, пусть больше шагом да в поводу, да облегчить обоз перекладкой на обывательские повозки. Второй раз прибыл офицер из автоколонны – просят двухдневную остановку там, где стали; для чистки машин. Осталось согласиться. Чистое горе с этими автомобилями.

Несколько раз просыпался, ворочался. Плохо спалось на подушках, посланных на кровать. Сегодня угорели насмерть один доброволец-солдат интенданта, другой болен от угара, угорели сильно Войналович и Понкин – так хорошо натопили. В связи с усталостью конного состава, плохой дорогой, остановкой автомобилей – решил перейти пока в Новый-Буг, а не делать сразу 50 верст – рискованно. Еще одна вынужденная потеря дня. Бологовской и Кудряшев^[60] едут к Корнилову.

Выступил в 10. Погода как будто разгулялась, но грязища была невылазная. В Новом-Буге местный комитет последние дни перекарасился и ведет борьбу с грабителями, организовав вооруженную охрану из 50 человек. Два дня перед тем трех расстреляли; во главе стоит прапорщик, учитель, еще недавно, когда проходили большевики – настоящий большевик; такое уж время цвета changeant^[61], нас, собственно, это мало касается, и раз что комитет не косится на нас, а наоборот, по тем или иным соображениям идет параллельно, решили его оставить в силе и даже поможем, пока здесь, – шире ликвидировать преступные элементы. Свою часть местечка охраняем сами, а в остальной оставили их охрану и патрулирование, сохранив им оружие.

Мы (четверо) остановились у дьякона на площади, штаб у священника. Местечко неизменно грязное. Много учебных заведений: женская гимназия, шестиклассная мужская прогимназия, учительская семинария и еще какая-то школа, но, в общем, удивительно убогое впечатление местной интеллигенции – учителей, священников, чиновничества, убогая, вся погрязшая в тине жизненных будней... да еще под знаком вечного страха перед насилиями.

Ввиду мирного настроения местечка решил использовать его кузницы и вместо двухдневной остановки во Владимировке один день задержаться в Новом Буге – разведчики же все равно едут отсюда... В разведку на Берислав поедут прапорщики Беспалов и Дмитриев.

Погода обманула, часов с 4-х начало мелко моросить, и так почти всю ночь шел мелкий и упорный дождь – что будет с автомобилями. Ведь так если еще два, три дня, придется их бросить – я не могу их ждать – и так уже сколько времени потеряно; между тем бросить сейчас жаль, а уйдешь еще дальше, оставив их дожидаться лучшей дороги и погоды, пожалуй, и команду их потеряешь – прямо драма. Переговоры по радио не наладились, от них утром начали принимать, а передать не могли: оказалась наша повозочная станция испорченной умышленно (как может испортить только специалист) бежавшим еще в Кишиневе добровольцем-слухачом... Поставили польскую, свою будем исправлять, а пока остались без разговоров. Все это мучает, злит и нервит. С проклятой дорогой и разведчикам не удалось отправиться сегодня: выслал я их немного поздно, и они, задержанные грязью, застигнуты были темнотой верстах в 10-ти от местечка. Под дождем мрак был полный, дороги не видно, вернулись назад – выйдут завтра с рассветом.

Спали в гостиной на полу – мне попался тонкий войлочный тюфячок. Только Невадовский спал на диване – была его очередь. Однако выпались прекрасно.

22 марта, местечко Новый Буг

Утром прибыл в 10 часов штабс-капитан, начальник одного из летучих партизанских отрядов – их 7 офицеров совместно с хуторянами одного из хуторов севернее деревни Малеевки организовались и вели борьбу с бандами; вчера сделали налет на Малеевку (11 человек с чучелом пулемета!), сплошь большевистскую, захватили их пулемет и удрали благополучно. Малеевцы собираются их бить, и они, укрепившись на хуторе, просят помощи – обезоружить Малеевку; это почти нам по дороге – послал отряд: 3-ю роту, конно-горный взвод и 2-й эскадрон, все под командой Невадовского. Обещают, что часть офицеров поступят к нам добровольцами. Отряд выступил только в 3 часа. Войналович оттянул отдачу приказанья, не сочувствуя экспедиции! А предполагали выступить в 12 часов. Вскоре прибыли 2 раненых офицера Ширванского полка^[62], помещены в больницу. Они с командиром полка и несколькими солдатами со знаменем пробирались на Кавказ; в районе Александрово (Долгоруково) банда красногвардейцев и крестьяне арестовали их, избили, глумились всячески, издевались, четырех убили, повыкалывали им глаза, двух ранили, ведя на расстрел, да они еще с двумя удрали и скрылись во Владимировке, где крестьяне совершенно иные, но сами терроризированы долгоруковцами и фонтанцами; еще человека 4–5 скрылись в разных местах. Из Владимировки фельдшер привел их сюда в больницу, так как там фонтанцы и долгоруковцы требовали выдать их на убой. Внутри все зануло от желания мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы, и столбы на месте кары с надписями за что; потом немного улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: «два ока за око»! Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступать, чтобы прийти днем на место и тогда же успеть соорудить карательную экспедицию.

Присоединились 4 офицера, догонявшие нас из Кишинева – энергия – шли все время упорно; позади нас остался страх – эти 4 офицера по дороге вооружились, отняв у жителей оружие, поколачивали советы, конфисковали двое рожок и одну стереотрубу...

В 15½ часа донесение об эшелоне³⁷, прибывшем на станцию Новый Буг, захватили одного нашего солдата, приняв, очевидно, за большевика, но он успел удрать – вслед стреляли; высадились (человек 300 и 4 пулемета), прикрылись цепью, но вскоре уехали дальше на север; спрашивали про нас – послали разъезды узнать подробнее. Приказал на всякий случай быть готовыми к внезапному выступлению.

Связь радио долго не налаживалась; наконец, связались, слава Богу... От них только нет еще донесения.

³⁷ Подразумевается австрийский.

В 19 часов прибыли с нашим разъездом со станции 2 австрийских офицера, только что прибывших из Николаева, два наших остались у них заложниками. Осведомлялись, что мы, кто такие, как по отношению к ним держимся – дал разъяснения: предполагаем через Александровск на Москву, боремся с большевиками. Они хотели, чтобы кто-нибудь из нас ехал с ними в Николаев для переговоров; сказал – зачем, я все объяснил; они – «мы не можем сами решать, не знаем, как наше начальство, может, не захотят вас пропустить». Наглость извела, пришлось, однако, сдерживаться, пытался различными переговорами уклониться – наконец решили переговорить с Николаевом по телефону, потребовали, чтобы кто-нибудь отправился с ними к телефону. Вызвался Войналович и уехал, а я приказал выступать в ночи, хотя и говорил австриякам, что еще постою дня 2–3. Со времени первого донесения душа не на месте, не верю этим швабам, надо поскорее уходить: дорогу эту занимают, Херсон заняли, Кривой Рог в руках немцев – все это очень не улыбается, и не ошибка ли моя дневка здесь; да и вообще идем очень, очень медленно. Дал радио авточасти, очертил обстановку и приказал скорее присоединяться, хотя бы и бросить автомобили, если нельзя с ними. В 23 с четвертью вернулся Войналович; с Николаевом не говорили, где-то перерывают большевики телефон, говорили только с эшелонам, ушедшим на север; австрийцы трясутся – кажется, им в тылу испортили путь, вся группа человек 50 (из них и были парламентареры) собирается завтра возвращаться, но доедут ли до Николаева – не уверены. Спрашивали направление нашего движения, на случай возможных встреч с их войсками, чтобы не было столкновений неожиданных – сказал – на Александровск. Войналович отговаривал от ночного марша, уверял – нет надобности, артиллеристы тоже стонали, отменил, оставил прежнее 6-ти часовое, но очень неприятно менять приказание, с другой стороны, ночной марш в такую грязь, в темень (без луны), при громадном обозе очень не легок. Что же, рискну, пожалуй, не будет зла...

22 марта, Владимиривка

С вытягиванием колонны из-за грязи опять задержались и прошли восточную окраину Нового Буга только без десяти семь, небольшой ветер, солнце пригревало. Три больших деревни совсем не занесены на карту, много новых хуторов. К полудню погода совсем разгулялась, солнце сильно грело, небо синее. Дорога на глазах подсыхала – от Долгой Могилы было почти совсем сухо. Голова колонны прибыла во Владимиривку в 5 часов.

Конница – первый эскадрон, прибывшая много раньше, получив на месте подробные указания от жителей о том, что творится в Долгоруковке и что какие-то вооруженные идут оттуда на Владимиривку, двинулась сразу туда с горным взводом под общей командой Войналовича. Окружив деревню, поставив на позицию горный взвод и отрезав пулеметом переправу, – дали две, три очереди из пулеметов по деревне, где все мгновенно попряталось, тогда один конный взвод мгновенно ворвался в деревню, нарвался на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовали выдачи убийц и главных виновников в истязаниях четырех ширванцев (по точным уже сведениям, 2 офицера, один солдат-ширванец, писарь и один солдат, приставший к ним по дороге и тоже с ними пробиравшийся). Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся... Были выданы и тут же немедленно расстреляны; проводниками и опознавателями служили два спасшихся и спрятанных владимирцами ширванских офицера. После казни пожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45 лет, причем их пороли старики; в этой деревне до того озверелый народ, что когда вели этих офицеров, то даже красногвардейцы не хотели их расстреливать, а этого требовали крестьяне и женщины... и даже дети... Характерно, что некоторые женщины хотели спасти своих родственников от порки ценою своего собственного тела – оригинальные нравы. Затем жителям было приказано свезти даром весь лучший скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд, забраны все лучшие лошади; все это свозили к нам до ночи... «око за око»... Сплошной вой стоял в деревне. Уже экзекуция была кончена, когда донесли, что 8 красногвардейцев с повозкой едут в деревню с востока – те, очевидно, не знали, что здесь творится, они были немедленно атакованы нашими

кавалеристами, которые бросились с шашками на стрелявших в них даже в упор красногвардейцев: 6 человек легли, одного привезли раненого, а один, предводитель, казак, удрал – сидел на чудной кровной лошади; за ним гнался Колзаков^[63], тоже на отличной лошади, но догнать не смог. Всего истреблено было 24 человека.

Около 8-ми прибыл отряд Невадовского. С 22 на 23 он ночевал на хуторе партизан, что верстах в 6-ти севернее Малеевки. Хуторяне встретили их хлебом-солью, называли своими спасителями, накормили всех прекрасно, лошадям дали фуража до отвала и ни за что не захотели взять ни копейки. 23-го с утра двинулись, сразу оцепили деревню Малеевку конницей; помешали попытке удрать, поставили орудия и пулеметы на позицию и послали им ультиматум в 2-часовой срок сдать все оружие, пригрозив открыть огонь химическими снарядами, удавив газами всю деревню (кстати, ни одного химического снаряда у нас нет). В срок все было выполнено, оружие было отобрано, взяты казенные лошади; найдены списки записывавшихся в красную гвардию – кажется, человек 30 – эти доблестные красногвардейцы после записи, получив деньги и прослужив с недельку, дружно все убежали домой; этих горе-красногвардейцев всех крепко перепороли шомполами по принципу унтер-офицерской вдовы. Вой столбом стоял – все клялись больше никогда не записываться. Кормился отряд как хотел от жителей даром – в карательных целях за приверженность к большевизму.

Об автомобилях ни слуху – искровая не получает никакого ответа; злюсь и волнуясь.

Выставлено охранение, выслана разведка, подчеркнута бдительность – все наготове. Мы находимся уже полностью в полосе военных действий, среди более или менее крупных банд...

Главная масса Владимирцев нас приветствовала. Мы обещали им помочь начавшейся у них создаваться самообороне, которой усиленно грозили долгоруковцы, с которыми совместно настроены были немало жителей сев. – вост. окраины Владимировки. Вместо уже распавшегося, еще раньше прихода нашего, большевистского комитета, вступило во власть прежнее волостное, земское правление. Жителям приказано сдать все оружие, которое потом будет роздано самообороне.

Завтра в 8 часов приказано выслать карательную экспедицию в Фонтан в составе эскадрона с пулеметом и 2-х легких пушек с конными номерами, без зарядных ящиков.

24 марта, Владимировка

Сегодня прекрасно выспался на диване, проснулся только около 9-ти, спал как убитый. Экспедиция из-за непереданных своевременно приказаний не выступила, и пришлось вторично делать распоряжения – пойдет в 2 часа второй эскадрон с двумя легкими по конному орудиями под общей командой ротмистра Двойченко^[64].

Утром об автомобилях опять от искровой ничего – что это, вышли, что ли? Но почему не донесли об уходе?

В 14 часов состоялась панихида по 4-м убитым офицерам и солдатам, на их могиле было много жителей. Заметили, между прочим, одного старика, который почти всю панихиду плакал.

Послал на телеграф, переговорил с Новым Бугом, нет ли там наших автомобилей; в три часа оказалось: часть прибыла, переговорами с Ковалевским по аппарату выяснилась грустная картина; дошел только пулеметный броневик и легковой «Делягэ», остальные брошены из-за грязи на дороге в поле, верстах в 30-ти западнее Нового Буга; сколько испортилось машин – еще неизвестно; цистерна брошена, причем бензин вылит; все освободившиеся люди со снятым имуществом и оружием едут на подводах. Во всяком случае, вопрос уже непоправим – приказал немедленно ехать на присоединение – это было 15 с полов. часов – через полчаса обещали выступить. В 19 часов вернулась экспедиция Двойченко – нашли только одного главного участника убийств, – расстреляли, остальные бежали; сожгли их дома, забрали фураж, живность и т. п. Оттуда заехали в Долгоруковку – отряд был встречен хлебом-солью, на всех домах белые флаги, полная и абсолютная покорность всюду; вообще, когда приходишь, кланя-

ются, честь отдают, хотя никто этого не требует, Высокоблагородиями и Сиятельствами величают. Как люди в страхе гадки, нуль достоинства, нуль порядочности, действительно сволочной, одного презрения достойный народ; наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный...

А в общем страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какую смертельную злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено, и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула¹⁶⁵¹, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшева, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?..

По полученным от жителей сведениям на нашем пути кое-где бродят шайки; есть одна, кажется, и в Новопавловке; главная масса их, вытесняемая австро-германцами от Апостолова, как будто идет вниз вдоль Днепра; это странно – почему не на Александровск; во всяком случае, для нас это не на руку...

Получилось (с заставы у Матрено-Васильевки) донесение со слов одного из приехавших крестьян, что где-то на станции, название которой не могли найти на карте, по-видимому, линии Херсон – Апостоново, верстах в 25 от нас высадились матросы и красногвардейцы. Донесение так сумбурно, что приказал привести этого крестьянина, чтобы его тут допросить, а в общем, все это, конечно, пустяки.

23 часа, а ни автомобиля, ни команды на подводах еще нет; когда-то они придут – ведь не хочется их бросать в этой обстановке, а тут завтра нужно в 8 выступить.

25 марта, Владимировка

Около 7 прибыли офицеры от авто с донесением (ночевали в 10 верстах западнее нас в деревне), что не хватило бензина, чтобы выслали, они же сообщили о бое с красногвардейцами в Воссиятском.

На отставшую автоколонну неожиданно напала большая банда большевиков. После боя уцелел только один броневик «Верный», бывший у дроздовцев до конца эвакуации Крыма Врангелем.

Убит поручик Осадчий, еще один радиотелеграфный офицер ранен и два офицера из автоколонны тоже ранены с раздроблением кости на ногах; один – легко; положение раненых тяжелое – везти двух опасно, оставить – не менее опасно.

Бензин послал. Раненых приказал везти сюда – их возили на легковом, приспособив его. Вместе с ними в этой же деревне, кажется, Христофановка, ночевал и Жебрак и хотел бы присоединиться. Как ни тяжело опоздать еще на день, все же, опасаясь бросить автоколонну, которая, конечно, скоро прибыть не могла из-за раненых, а главное, желая подобрать Жебрака, – решил простоять еще день. К Жебраку поехал начальник штаба для переговоров, чтобы уладить соединение на приемлемых для нас условиях.

Часов около 11 вернулся Войналович. Раненых на легковом авто отвезли в Новый Буг. (Везти дальше было нельзя.) Рассчитывая, что там будут австрийцы, автомобилисты приедут туда часов в 12–13, Жебрак придет завтра в Давыдов Брод, так как сегодня нужен отдых – он сделал прошлый переход около 70 верст. Все это еще ничего, жаль, мало бензина. Беспokoюсь за раненых, как бы не было чего по дороге или в Новом Буге, если туда замешкают прийти австрийцы.

В 15 часов собирал начальствующих лиц (с отделенного и выше) – говорил о самоуправстве, избиениях, насилиях, караулах арестованных, обращении с солдатами, пьянстве, небрежности служебной и неисполнительности, требовал подналечь – не знаю, что из этого выйдет; самоуправства вызывают даже у части офицеров недовольство.

Учения у орудий; пулеметная стрельба, наблюдательный артиллерийский пункт на колокольне, непрерывное наблюдение, телефонная связь, орудия на позиции. Чудная солнечная погода.

Часов в 13 прибыли броневик и автомобилисты на подводах; назначил Лесли разбор происшедшего, а в 18 часов разбивку оставшихся за флагом автомобилистов. Часов в 17 приехал Жебрак представляться, немного поговорили о разных делах, составе, имуществе; выступит завтра на час раньше и должен прибыть во Владимировку, пожалуй, в хвост колонны – будет арьергардом.

Разбивка затянулась, уже стемнело, был 19 и 20-й час; офицеров распределил; уже сильно начал беспокоиться за раненых, когда узнал, что вернулся автомобиль, довезя до Нового Буга – австрийцев нет; по телефону просили оказать помощь верст на 30–40 севернее; через полчаса прислали паровоз с санитарным вагоном, доктором, забрали 3-х, прихватили двух ширванцев, увезли для сдачи в госпиталь; были страшно любезны – безусловно по-рыцарски; на душе отлегло, а то грызла тоска, вдруг случилось, что ни помочь, ни отомстить нет времени, дело дороже; а теперь, слава Богу, отлегло – спокоен за участь исполнивших долг.

Бой у Возсятского³⁸ – растерянность части, перешедшей гать. Не нашлось человека управлять и успокоить; потому и бросили в панике 2-й броневик, да и цистерну нечего было бросать. По докладу автоколонны броневика, между прочим, шли по полверсте – 1 версте в час из-за грязи, а между тем уже три сухих дня! (Подробности события – часов в 14 закончили переход и до 17 ждали броневиков и отхода, а в 17 начался огонь и т. д.)

Фураж почти весь за счет покоренных деревень, мясо полностью за их счет.

Мы отлично живем у купца – кормят до отвала, чудное масло, дивные коржики, мед, хорошее помещение – живи – не умирай. . . Часов в 21–22 донесение с заставы (со слов бежавших помещиков и хуторян), что в Долгоруковой собралась тысяча красногвардейцев – явный вздор в связи с наблюдением с колокольни, движением разъезда днем до Михайловки, пригона оттуда крестьянами к вечеру гурта награбленного скота голов 100. Откуда возьмется вдруг 1000 красногвардейцев! А в местной самообороне, которой кто-то из доносивших сдуру по дороге рассказал, паника. На случай появления шаек, конечно, предупреждены – усилена бдительность, а затем – милости просим. Самооборону постарался успокоить. Более верные сведения – что от Николо-Козельска какие-то банды двинулись к немецким дозорам, чтобы преградить нам дорогу; вообще банды везде, грабят хуторян. Странно, говорят, что немцы заняли с боя Апостолово, а Кривой Рог и Николо-Козельск оставляют.

Утром прибыл Беспалов из Большой Каховки; в Бериславе и Большой Каховке банды по несколько сот, в последней их штаб – кажется, отряд Маруськи^[66].

Мост есть, охраняется; один офицер остался следить, условившись с Беспаловым о встрече. Наружность Беспалова – одно упоение, типичный красногвардеец; пока разведчики очень хорошо работают.

Пароходов и больших барок и т. п. нет – большевики угнали на север; есть опасность, как бы не заняли Берислав немцы от Херсона. Вообще главная трудность – не разведали бы и не разрушили бы мост. Думаю, как организовать неожиданный захват переправы. Вот альфа и омега, а сопротивление вздор.

26 марта

³⁸ Вышеупомянутый бой большевиков с автоколонной.

Растерянность местной охраны перед нашим уходом под угрозами хулиганов, грозящих приходом большевиков, мнение о необходимости наиболее обеспеченным бежать. Успокаиваем, ободряем, но уж очень трусливы. Жалкий народ, не понимает своей силы.

Система полковника Дроздовского по отдаче приказаний была такова: утром перед выступлением Дроздовский сообщал направление Войналовичу и Невадовскому. Весьма часто приказы, даваемые по отряду, были фальшивыми. Так, например, во Владимировке все в отряде были извещены о переправе через Днепр у Александровска, где были сосредоточены большие силы большевиков. Пройдя Владимировку, сам полковник Дроздовский идет в голове колонны и неожиданно по его личному приказанию весь отряд круто сворачивает на юг. На указания своих помощников о том, что, очевидно, он ошибается в направлении, Дроздовский коротко ответил: «Я знаю, что делаю». Намерение переправиться у Берислава было тайной полковника Дроздовского (см. карту).

Выступили в 8 часов. Солнечная погода. Небо чистое, синее. Юго-восточный ветерок. Мираж весь путь, идешь точно среди озер – всюду вода на горизонте. Шли частью рысью легко, без растяжек. Легкая дорога, а главное, сказывалась привычка. Большой привал в Ново-Павловке до половины третьего. В ней много пьяных – сказала продажа водки из казенного завода в Давыдовом Броде. Прибыли в Давыдов Брод головой колонны в начале 18-го часа. Продажа спирта и водки сразу запрещена, по прибытии наряжен караул из непьющих. Не знаю, выйдет ли что, так как в каждом доме полно водки – начальствующим на всякий случай набодрил. Отряд Жебрака, шедший в часе расстояния, встретил нас своей чахоточной музыкой, егерским маршем – проходили со своим распущенным Андреевским знаменем^[67].

Опять встретились, вернее разминулись, с австрийцами, которые небольшим отрядом – ротой с 4-мя пулеметами – двигались вдоль железной дороги от Херсона на северо-восток, занимая путь. Прошел незадолго до появления нашего конного отряда.

Мысль о переправе грызет. Какое тяжелое дело. Все эти большевики, все их окопы и пулеметы на той стороне. Пушек у них нет, а если бы и были, все это не стоит ничего. Дали бы красивый бой и легко перешли бы, но у них есть машинка Румкорфа^[68], и простой поворот ручки одного нерастерявшегося человека может поставить нас в очень тяжелое положение и свести почти на нет всю громадную организационную работу, все труды, убить все надежды. Конечно, перейдем во всяком случае, но какую ценой – быть может, всей артиллерии и прочей материальной части.

Легко понять мое состояние духа и всю работу мозга в поисках успеха.

В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дунино с указанием переправы у м. Меловое – все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами – авось их разговоры принесут пользу...

27 марта

Выступили в 8 часов. Ясный солнечный ветреный день. По дороге ни одной деревни, зато часто отдельные хутора, особенно ближе к Бериславу. Около 5 часов вечера подошли к месту, предположенному для ночлега – наметил разброску отряда по отдельным хуторам в глубину верст на 6. Это при предположенном ночном выступлении! Никто из штаба не встретил. Рысью выехал на поиски и не без труда нашел, а один из квартирьеров сообщил, что по полученным сведениям Берислав уже занят австрийцами, которых 500–400 человек с 4-мя пулеметами без артиллерии. Ожидают еще подкреплений и артиллерии, что мост в их руках, что Каховка и левый берег Конки занят большевиками, копающими окопы. Имеют артиллерию, стреляя по Бериславу. Решил не останавливаться, а немедленно двигаться, так как обстановка такова, что либо сейчас пройти, пока наша помощь нужна австрийцам и нападение для большевиков опасно, либо обречь на гибель все дело, если, получив подкрепление и артиллерию, сами завладеют, заградят дорогу. Переправы для грузов вблизи нигде нет. Конная артиллерия и конница уже стояла на квартирах – приказал готовиться. Переговорил с Войналовичем –

решил, что он с Жебраком поедет к австрийцам – скажет, идем домой бороться с большевиками, а, овладевая переправой через Конку, просим остаться в стороне, потом сдадим переправу им. Сказал объяснить им, кто мы, что переправиться должны. Войналович уехал. В 18 ушла конная колонна и броневик. В 19 двинулась и вся прочая колонна; за это время она перестроилась, выделив вперед только стрелковые и пулеметную роты с патронными повозками (по одной на роту), за ними телефон и санитары, другая пулеметная рота и вся артиллерия. Вся же колонна обозов шла сзади под прикрытием службы связи и отряда Жебрака, выделившего в конный отряд взвод человек в 30, наиболее знакомых с переправным делом. Вскоре после начала движения, через полчаса начали слышаться редкие орудийные выстрелы, а в темноте ярко сверкали необычайно высокие разрывы шрапнели. В половине 20-го вернулся Войналович (с ним один германский унтер-офицер). Оказывается, часа два назад прибыл еще батальон немцев 21-го полка пешком из Херсона. Сильно устали. Роты слабые, но дисциплина хорошая. Немецкий майор очень интересовался, кто мы; условились, что мы займем участок правее их цепей, поставим артиллерию, а с рассветом начнем наступление. Мы настаивали иметь только свои части, но ночью трудно им было продвигаться, и они оставили одну свою роту.

Странное впечатление оставляло положение и переговоры – три стороны, три врага. Каждая сторона враждебна остальным двум, но случайным ходом обстоятельств вынуждена бороться совместно. Все время строил свое развертывание с учетом противодействовать измене; они также что-то очень пытаются иметь расположение, удобное для обороны против нас. Ввиду всего этого всех оставил ночевать на подводах вблизи окраины города Берислава, поротно в две линии 200×200 шагов, все наготове, все предупреждены против измены. Артиллерия ночью заняла позицию. Около 10 начали становиться на ночлег. Обоз верстах в двух от города вагенбургом^[69], мы в домике на кладбище вповалку на полу, даже без соломы, со штабом полка; Войналович с двумя офицерами вблизи моста в каменном доме, там же артиллерийский наблюдательный пункт. Холодно, костры. Лошади почти не ели и не пили, люди тоже голодные. Артиллерия – горная, мортирная и легкий взвод на возвышенном берегу против моста, а один легкий взвод за серединой города – специально для артиллерии большевиков, отсюда, очевидно, лучше видно. Конница в домах по окраине.

Вперед должны были идти 1-я и 2-я роты, пулеметный взвод Максима, оба эскадрона и взвод Жебрака, все под командой Войналовича, все время рвавшегося вперед. Остальные оставались обеспечивать нас от немцев. Лег в час, сделав все распоряжения. Вечером изредка ружейная стрельба.

28 марта, Любимовка

В начале пятого утра роты полковника Войналовича начали в пешем строю, конница в поводу переходит мост. С утра обменялись с немцами офицерами для связи. Рассветает. Два одиночных выстрела. Артиллерия наготове. Просил броневик – двинули на мост, сам-то мост вынес бы, да доски гнилые, грозят провалиться в любую минуту – решил вернуть, хорошо, что броневик выехал только на начало моста. Придется перевозить на пароме – поручил это руководство Жебраку. В это время в 6.30 получил от Войналовича достаточно неясное донесение, что ему нужно выслать вперед броневую машину и горную артиллерию для поддержки штурма и что противоположный берег реки Конки «занят». Кем? Судя по содержанию записки – большевиками. Приказал было открыть огонь артиллерии по противоположному берегу (не выслая горную, ибо что ей делать в низине между Днепром и Конкой), когда из расспросов посланного выяснилось, что берег занят *нами* и горная артиллерия нужна для преследования. Через десять минут получено донесение о занятии нами Каховки. Оказалось, большевики ушли еще ночью. Перед нами оставалось несколько прозевавших. Сейчас же было двинуто на тот берег все: легкая батарея и мортирный взвод, 3-й и остальные взводы пулеметной роты, команды связи и обоз с их прикрытием; обозы двигались довольно медленно к мосту. Прощальный разговор с майором Науманом, зашедшим в мой штаб у наблюдательного пункта. Просил пере-

дать благодарность в Новый Буг за наших раненых и о приеме будущих. Броневи́к опоздал; за мостом шагов 300 занесло песком мостовую дамбы на добрую четверть, если не больше; идти не мог – попросили австрийцев, пришел капитан и человек 30–40 австрийских сапер, принесли доски и, подкладывая их постепенно под колеса, перетянули броневи́к через песок по доскам (шел эти 100 сажень не меньше часу), попав наконец на камни, весело и бодро побежал. Уставшие, недокормленные и недопоенные лошади тоже с трудом протаскивали обоз через песчаный занос. В Каховке почти вся масса населения встретила нас с восторгом и благословением, как избавителей – крепко насолили им большевики, взяли с них 500 000 рублей контрибуции, отобрали лошадей, платье, белье, съестное и т. п. Навезли нам подводы с хлебом в подарок, приготовили обед начальникам (уклонились, некогда было), все, что желали, было к услугам и добывалось точно из-под земли. Всячески выражались радушие и радость. Проходили город стройными рядами (пехота) с песнями. Много пристало сразу добровольцев, преимущественно учащихся старших классов (гимназистов, семинаристов), были и юнкера, офицеры, чиновники и т. п., всего человек 40. Только часам к 14 дошли головные колонны к Любимовке. Первоначально хотел остановиться в Каховке (имея в виду простоять два дня), но там решили стать немцы, отцепился от них.

Эпизод с конным отрядом – захват большевиками пяти человек из разъезда, двое пробились, а трое в плену. Прорвавшийся доложил, что пленные разоружены; их намерены расстрелять. Заступничество одного красногвардейца, хотя и бесполезное, выиграло время. Послал эскадрон, наших освободили, 15 большевиков изрубили в конной атаке, остальные рассеялись. Это был 1-й Партизанский Приднепровский отряд. Взяли его красный флаг с надписью: «Смерть буржуям». Хорошее красное сукно, пошло на чакчиры^[70] одному из офицеров. При занятии противоположного берега прикончили одного заспавшегося красногвардейца, в городе доби́ли 15 вооруженных, замешкавшихся или проспавших, да по мелочам и в Любимов – всего им обошелся этот день человек в 32–35.

В Каховке много легких снарядов – не на чем вывезти, нет подвод, позабрали большевики, поужали беженцы, собирать долго, выставили караулы против захвата немцами.

По прибытии в Любимовку узнал, что у агентов Продовольственной Управы большевистского правительства находится не менее 830 тысяч рублей деньгами и свыше 400 тысяч рублей вкладами (чековые книги). Деньги крайне необходимы. Решил задержаться. Назначил комиссию (Семенов, Невадовский, Жебрак, Войналович, интендант, Гаевский) выяснить, откуда деньги, и наметить дальнейшее их применение. Масса фуража Продовольственной Управы, дают даром, приказал кормить сколько съедят. Каховка – местечко, почти город. Есть недурные лавки, мощеные улицы, электрическое освещение, лучше Берислава – города. По приезде часов в 16 узнаю о запрете вывоза снарядов – довольно нахального немецкого фендрика^[71], сказавшего: «отсюда ничего не будет вывезено». Решил идти немедленно к майору Науману. Довольно долго ждал переводчика. Выехал, темнело, фонари неисправны. У моста оставил автомобиль. Сам пешком до занятого немцами дома. Там оказался командир роты. Дал мне провожатого солдата связи, который не знал майора. После долгих опросов патрулей и блужданий добрались на противоположный конец города. Сказал майору Науману: «Когда вошли в город, – конница захватила снаряды, поставили караул, послали за подводами, нагрузились, но явился немецкий караул и запретил. Я не претендую на все. Снаряды захватили мы». Майор сразу согласился – пожалуйста, берите все. – «Все не нужны, только те, что на подводах». Договорились 500 штук. Попросил записку, чтобы не мешал караул. Он сейчас же написал. Мое возвращение сопровождалось следующим эпизодом: исчез шофер с карабином, шинель на месте. Совет австрийцев, охранявших мост, ночевать здесь. Видели близко большевистские патрули, решил, конечно, ехать. Кричали, давали сигналы, наконец шофер прибыл – оказалось, заждался, пошел сам нас искать. Темно, швыряло, влазили на косогоры. Часовые австрийцы останавливали всюду.

Очень красивая картина. Каховка вся в электрических огнях. В Каховке уже нашего караула не застал, сняли и подводы разгрузили, охранял уже только немецкий караул.

До Любимовки та же картина ночной езды; въезд в деревню в темноте не нашли, не туда попали, ездили по улицам, все спят, спросить некого; вдоволь наколесив, наконец нашли. Было уже половина первого. Поужинал, лег спать.

Любимовка – большая деревня, две школы, много хороших изб. В Каховке достали пуд. 5 бензину, смазочные масла, керосину, коломазь.

Ночью и с утра значительный ветер, особенно усилившийся днем – весь переход от переправы до Любимовки в тучах песчаной пыли, почти песчаная буря. Пыль в глазах, в ушах, за воротником, в карманах – отвратительно.

И все же день великого торжества, день удач: перейден Днепр, переход которого еще накануне был таким спорным. Дальше немало трудов и опасностей, но многое зависит от нас самих, а здесь – многое от обстоятельств.

Великий шаг сделан.

29 марта, Любимовка

В 13 часов смотрел добровольцев каховских, явились еще не все: есть еще мальчики лет по 15, преимущественно в артиллерии, в пехоте же все основательная публика. Но горе – нет почти запасных шинелей; в Каховке захватили их немного, штук 15 у большевиков, да есть у Жебрака, а здесь целый день бегали, даже похожего материала не нашли. Зато нашли довольно много рубашечного защитного материала и заказали спешно шить; что не успеем, увезем кроеное и в материале; поскорее бы одеть в солдатское. Ощущается недостаток белья.

В 14 часов ездил на автомобиле в Каховку с Невадовским и Дроном^{39[72]}; побрился, купили булочек в недурной кондитерской, препаршивый обед в клубе, но зато было безалкогольное пиво^[73] и сносное красное вино Трубецкого^[74]; интендант рыскает по городу, добыл много смазочного масла для оружия, керосину, пакли, тавот для автомобилей, можно теперь держать оружие в порядке все время.

В 16 часов при штабе комиссия насчет денег. Выяснена полная невозможность закупок и вывоза из Малороссии хлеба на север из-за германского соглашения с Радой^[75]; деньги решили временно взять, вернуть, если найдут нужным, а нам это жизнь – заплатим жалованье за апрель, а на еду хватит еще месяца на три. Уполномоченным шибко не хотелось расставаться с деньгами, да нам они очень необходимы.

В городе жители рассказывали о двух красногвардейцах Приднепровского Партизанского отряда (разгромленного нашей конницей вчера) – они, очевидно, раньше отбились, не зная об участии своих, о занятии нами Каховки – явились искать свой штаб, расспрашивая жителей, не находя его на прежнем месте. Проходящие офицеры увидели эту картину, арестовали их в полном вооружении, по дороге с ними покончили (так до отряда и не добрались). Здорово насолили кругом большевики, все время приезжают хуторяне и крестьяне окрестностей даже верст из-за 40 с севера и юга, ища защиты, но что делать, – наши лошади измучены, нужны целые экспедиции, а ехать дальше 20 верст – не в состоянии, не наша задача, нельзя задерживать свой путь частными, хотя бы и очень человеколюбивыми задачами. Интересно отметить по рассказам жителей тот панический страх, который мы внушаем большевикам – жалуются, что их бьют, как зайцев. Довольно смело сопротивлялись немцам; но в ночь на 28, когда узнали о нашем прибытии, у них была паника и решили немедленно бежать. Немцы еще пощадят, а от нас нет пощады. Вчера приходили жители – отцы добровольцев, многие старались отговорить, иные же не препятствовали. Один сам привел своих двух сыновей: «Я служил, пусть и они послужат патриотическому делу».

³⁹ Капитан Генерального штаба Дрон, впоследствии доблестный командир 3-го Дроздовского полка. Убит под Перекопом в боях перед эвакуацией Крыма.

Богатый край, всего сколько угодно, нет только сахару. Хлеб все время белый или полубелый. Чуть не весь отряд перешел на рыбный стол. Вчера чудных рыб прислали и нам замостцы.

Решил учредить форменный суд – подал мысль Жебрак и дал законное основание. Необходимо покрепче узда для наших буйных. Помяло двух мортирщиков телегой. Одному сломало руку. Дано пособие, эвакуирован в Берислав.

30 марта, Любимовка

В 11 был назначен парад, но конница заболталась между улицами, и парад построился только в 11.40. 2-я рота, оба эскадрона, взвод конно-горный; знамя 2-го полка Балтийской дивизии – Андреевский флаг красиво развевался на ветру. Роздал два георгиевских креста^[76] и 6 медалей за дела с большевиками. После маленький церемониал.

В 3 собралась опять комиссия о деньгах; написала протокол, выдала на ликвидацию 220 тысяч рублей наличными и 400 тысяч рублей по текущему счету. Себе взяли 600 тысяч рублей. Протокол подписали, обменялись расписками и разошлись.

Было несколько самочинных арестов, большинство отпущено – следующий раз буду отдавать под суд. Приказал предупредить последний раз в приказе. При отводе к нам один из евреев бежал и был пристрелен. Самоуправство, но все данные, что это великий мерзавец, однако все евреи за него горой. Все они теперь невинные. Свидетельские показания не евреев и двух из пострадавших были убийственны. В конце концов ему поделом, но офицеров от таких самоуправств придется отучить.

К немцам в Берислав пришли пополнения, примерно батальон, артиллерия, много пулеметов. Как будто стали и к нам не столь благосклонны.

Пора, пора уходить...

Завтра в 7. Передал, чтобы рассказывали, что идем на Кайры.

Велись занятия; пулеметная стрельба.

31 марта

Выступили в 7.30 – во 2-й роте, бывшей в карауле, соседи разобрали подводы, пришлось собирать новые. С утра пасмурно, холодный ветер с востока, но вскоре небо очистилось, а порой солнце сквозь ветер пригревало. Уже тронулись, прошли верст 8, нагоняют на подводах 6 чехов пленных, просят хотя без жалованья. Уходят от австро-германцев. Дважды в пути приезжали хуторяне из разных мест просить помощи против банд и оружия, но у нас у самих уже мало.

Богатый район. Кругом преимущественно хутора, деревни редки. В хуторах каменные дома, службы прекрасные – черепица, чистота, культура. У одного вынесли между прочим продавать бублики – таких два года не ел, в пору Филиппову^[77]; местами выносили хлеб, сало, отказывались от денег; угнетение бандами разбойников невероятное.

Узнал – вчера вахмистр 1-го эскадрона познакомился в Каховке с сестрой поступившего к нам там офицера (вдова офицера же). Вечером спьяна женился, а утром даже забыл об этом; невероятно, но факт. В пути выяснилось, что колония Вознесенская, где предполагался ночлег, уже не существует, и ближайшая деревня Торгаевка – пришлось еще сделать верст 9, всего 50–51.

Но, в общем, нетрудно, дорога грунтовая, твердая, гладкая, без подъемов. Ветер, двигались легко; тяжеловато только лошадям, негде пить, хутора разбросаны – шли без привала, и в Любимовке из-за холодной ночи много лошадей не пило. Верст 8 пехота шла пешком для тренировок. Колонна шла много рысью, всего раза 4 или 5 по 10 минут, прибыли в Торгаевку в 18.30.

Верстах в 9 от Торгаевки при дороге труп. Оказалось, в кавалерии один офицер встретил клеветы^[78] Алехина, который раньше его разыскивал и приговорил к смерти. С большевиками покончили, а его товарища, не столь виновного, крепко выдрали. Вот судьба – сам наскочил, разыскал свою смерть.

В Торгаевке узнаем от бежавших из Нижней Серогозы о бесчинствах местной красной армии, состоявшей из 25 человек – взяли 11 тысяч общественных денег, терроризировали население (состоящее более чем из 4 тысяч человек). Очень просили помощи. Послал желающих 20 человек из конницы и пехоты на подводах. На легковом поехал я, Невадовский, интендант и один из проводников-жалобников.

Выехали, уже темнело. Время неудачное, нужно было ночью, но и то уже оказалось, что о приходе нашем были предупреждены и бежали. Гнаться незачем. Уже ночь. Просьба местной интеллигенции, преимущественно эвакуированной Рижской гимназии, помочь самообороне. Выпустил объявление о сдаче оружия, о падении большевистского комитета и вступлении в силу земства.

Заварив кашу, пришлось помогать. – Оборона уже сорганизовалась: записалось много гимназистов. Обещал выдать завтра 10 русских винтовок. Был гимназический праздник. Набились в буфет, где и шла организация и запись в оборону. Оригинальный колорит – дамские вечерние платья, мужские форменные, учебные и штатские – пиджаки и косоворотки демократов и наши походные формы и оружие. Во 2-м часу ночи все кончили. Выдали в распоряжение директора гимназии оружие и патроны, дали советы и уехали. Под шумок офицеры выдрали самочинно большевистского председателя комитета шомполами – приказали не кричать – случайно узнал. Удивительно ловка эта молодежь – впрочем, он того стоит.

Сняли телефонные аппараты с Мелитополем, телеграфные электромагниты; предварительно наш пионер разговаривал от имени председателя комитета с заместителем Гольдштейна (начальник Мелитопольской банды). Оказалось, что у Гольдштейна в деревне Веселое, где их сотни две-три, своего рода штаб. В общем, получили известную ориентировку, но ничего очень существенного, боялись расспросами себя выдать.

Отмечаю, когда мы довольно долго задержались в Серогозах, – нам прислали еще взвод на подмогу – налажено.

1 апреля

Около 9 приехали из Серогоз за винтовками. Дали 10 трехлинейных с патронами. Задачи эти очень тяжелы – у нас самих всего штук 150 запасных. Когда колонна ушла, поехал на легковом в Серогозы, проведать, как там самооборона – оттуда наискосок хорошая дорога на тракт – всего каких-нибудь верст пять крюку. Сдача оружия продолжалась все время, но вяло, однако с нашими винтовками вооружения почти уже было достаточно. Собирался волостной сход, который должен был дать людей для охраны и наладить порядок. Инертность, трудность и рабство массы поражает... Но есть надежда, что как-нибудь наладится среди учителей и гимназистов – есть хотя неопытные, но энергичные люди; помогут местные офицеры и солдаты – все обойдется.

На перекрестке дороги испортили обе перекрещивающиеся телеграфные линии, чтобы помешать большевикам взаимное осведомление.

Сегодня опять с одного более близкого хуторского поселка (1 вер.) прибыли крестьяне с молоком, яйцами, салом, хлебом встречать и приветствовать своих «спасителей». Уплату отказались взять наотрез, извинялись, что мало вынесли, предлагали подождать, пока принесут еще. Трудно представить себе все те мучения и издевательства, которые они перенесли – это был систематически беспощадный грабеж имущества, продуктов, денег и полное разорение. Сравнительно недалеко от Калги, на одном из хуторов наткнулись на сбор скота для отправки его в Мелитополь, очередная реквизиция, обоих посланцев – мелитопольцев (один еврей, конечно) – отправили для выяснения их виновности, скот вернули по принадлежности. Счастье было видеть эту радость измученных, обездоленных людей; один начал молиться в уголке. Итак, весь путь отряда – встречается и провожается благословениями и восторгом одних, проклятиями и ужасом других и тупым безразличием массы; хотя, впрочем, не везде: где сильно поработали грабители, там удовлетворение бывало массовым.

Калга, куда прибыл отряд на ночлег, состоятельная, хорошая деревня, домов в 150, видна зажиточность и, на редкость, не пострадала от бандитов; пропагандисты-гастролеры не встречали сочувствия, местный комитет оставался неизменным с первого переворота и на редкость: председатель – староста, секретарь – бывший сельский писарь. Почти идиллия. Народ, в общем, так напуган всяким появлением вооруженных, что и здесь часть поскрывалась, особенно женщины, пока им не разъяснили, что мы не враги. В Калгу опять прибыл ряд хуторян с мольбою о помощи – послали экспедиции, но только на одном фольварке, что у почтовой станции Калга, удалось арестовать для разбора вины, а трех, выскочивших с оружием, ликвидировали на месте. Из остальных мест вся эта рвань разбежалась, но пока не удалось захватить.

Куда завтра идти? Опрос надежных людей выяснил, что из Мелитополя все разъезжаются преимущественно на юг, что между станцией Федоровкой и следующей на север идут на Мелитополь «украинцы» (?) или большевики, мечущиеся не зная куда; кажется, собираются дать отпор. Из Веселаго тоже бегут. Нас меньше ждут южнее Мелитополя, туда надо идти. Опять же мы отрезаем их отход, испортив дорогу.

До Мелитополя в один день все равно трудно, пройдя 53 версты, прийти к вечеру; нас ждут по тракту. Решил идти через колонию Ейгенфельд на Акимовку (тоже осиное гнездо), ликвидировать их там (крюк очень маленький), а 3-го раненько на Мелитополь, чтобы попасть туда первыми (там много бензина). Есть ли там еще большевики – трудно сказать – слухи они распускают, что собираются драться, о своих силах «пугают», а как бегут – не догонишь; полная растерянность. Всех встречных и поперечных зазывают к себе, грозят, что мы всех вообще едущих и идущих расстреливаем, и есть болваны верящие, сами сознавались. Такие времена, такое бесправие и торжество силы.

На Веселую же гораздо больше крюк, к Мелитополю могли бы опоздать.

Полковник Дроздовский, наметивший путь своего отряда на Мелитополь, обходным движением зашел с юга и перерезал железную дорогу у станции Акимовка, отрезав таким образом Мелитопольскую группу большевиков от Крымской.

День тяжелого удара – возвращение Кудряшева^[79] (его приключение, арест в Лепетихе, угроза крестьян расстрелять за большевизм) – вести о Доне – Корнилов в районе Кавказская-Петровск (на Каспии); измена молодых казаков, поражения, расстрелы офицеров. Может, и преувеличено, но суть – едва ли. Эти показания дали два офицера, один из отряда, защищавшего Новочеркасск. Движение японцев^[80]; подход поляков к Воронежу^[81]. Бологовской поехал дальше. Маяком ему будут служить Симферополь и Ростов. Принципиальное решение – сохранить отряд до лучших времен. Что же делать непосредственно – обдумаем; пока же в районе Мелитополя немного задержаться. Надежда на помощь союзников, японцев больше, но какую ценой. Катастрофа Корнилова и Алексева – это национальное несчастье.

Мое переживание – пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца...

2 апреля

Выступили в 8, тот же сильный восточный ветер, та же ясная погода. Привал в Екатериновке, имение, крепко пограбленное большевиками. Верстах в 7 восточнее свернули с тракта на Ейгенфельд. На половине дороги нас встретили на перекрестке колонисты из Александрфельда, горячо приветствовали, жалели, что, не зная кто, не вынесли поесть. Один предлагал деньги (25 рублей) ординарцу. У входа в колонию Ейгенфельд – триумфальная встреча – музыка, масса народу, зелень, бросают цветы. Пастор с женой и свояченицей встречают наш штаб, приглашают к себе, неловко отказать этому радушию. Останавливаем колонну – вся втягивается в улицу – выносят молоко, хлеб, сало, яйца, раздают целые окорока, украшают цветами, штаб у пастора, угощение за сервированным столом, белая скатерть, вино – оставшаяся бутылка. В 12 часов ждали большевиков из Мелитополя за 120 тысячами контрибуции с волости – и ровно в 12 вошла с запада наша конница-избавитель. Просили оружие организовать

оборону^{182]}, сказал захватить, если соберем в Акимовке. В колонии своих большевиков очень мало – притесняла приезжая красная гвардия.

Колонна задержалась на час. Только что собрались выступить – донесение (на автомобиле от Войналовича) о появлении большевистских эшелонов на станции Акимовке. Приказал одной роте с легкой батареей идти немедленно переменным аллюром на поддержку, если бы таковая потребовалась, а остальным тоже не задерживаться, идя частью рысью. Сам на автомобиле. Приехал в местечко Акимовку – на вокзале все уже было кончено: шло два эшелона из Мелитополя на Акимовку. На запрос ответили, чтобы подождали, пока еще путь не исправен. Потом приготовились и вызвали⁴⁰. Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить в тупик. Второй не удалось – раньше времени взорвали путь. Первый же приняли в тупик и встретили пулеметным огнем кавалеристов и с броневика, который стрелял почти в упор. Всюду вдоль поезда масса трупов, в вагонах, на буферах, частью убитые, частью добитые. Несколько раненых. Между прочим, машинист и три женщины. Когда пришел, еще выуживали попрятавшихся по укромным уголкам. Пленных отправили на разбор в штаб к Семенову. Всего на вокзале было убито человек 40. Как жили большевики: пульмановские вагоны, преимущественно 1-й и 2-й классы, салон; масса сахара, масло чудное, сливки, сдобные булочки и т. п. Огромная добыча, 12 пулеметов, масса оружия, патронов, ручных гранат, часть лошадей (много убитых и раненых). Новые: шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бельевого материал. Обилие чая, шоколада и конфет. Всего эшелон был человек около 150 – следовательно, считая пленных – не спасся почти никто. Вскоре запросился по телеграфу эшелон большевиков с юга, хотели его принять, но на разъезде южнее Дмитровки его предупредил, по-видимому, кто-то из бежавших – он не вышел с разъезда и вернулся. У нас без потерь, одному оцарапало палец, у другого прострелен бинокль, но выбыло 5 лошадей, второй эшелон отошел после взрыва и скрылся из вида.

К вечеру были передпрошены все пленные и ликвидированы; всего этот день стоил бандам 130 жизней, причем были и «матросики» и 2 офицера, до конца не признавшиеся в своем звании.

Отряд сосредоточился в Акимовке часам к 17-ти.

Селение большое, устроились очень недурно, кровати.

Выбор направления на Акимовку оказался очень удачным.

3 апреля

Начинало светать, – стук в окно – донесение о снятии «заставы». Поднял всех, телефон в полк – не отвечает – послал, благо близко. Вся артиллерия, кроме взвода у вокзала, уже стояла на север, пристрелка конно-горной по будке, к которой подходил поезд; остановился, вышли цепи. Цепи остановлены и бежали от двух шрапнелей. Огонь большевиков: 2 легких с поезда, по трубе, разброс, масса неразорвавшихся, зажигательные (все без разбора по городу), убита одна еврейка. Части были подняты по тревоге и распределены – пулеметная рота заняла северовост. окраину деревни, первая стала уступом за левым флангом, 3-я сначала оставалась во внешнем охранении, потом была стянута в район штаба полка, а вторая рота с частями Жебрака под его начальством (кроме взвода, что в коннице). На станции артиллерия вся смотрела на север, обозы сосредоточены на северо-западной окраине, у дороги на Ейгенфельд. Постепенно поезд, отогнанный снарядами, отошел за перегиб местности. Конный отряд в 8-м часу двинулся в обход в направлении на Дармштадт, отряд должен был выступить в 9 часов, как было раньше решено. Но выход задержался, так как мы не имели сведения о вывозе оружия со станции (повывозили конфеты, шоколад, калоши, дамскую обувь, а существенное, самое важное –

⁴⁰ По занятии станции Акимовка один офицер, знавший телеграфное дело, на запрос из Мелитополя о пропуске на станцию Акимовка, назвавшись «товарищем Петром», стал задерживать выход большевистских эшелонов. Когда все было готово, – дал путевую.

задержали...) Колонна выступила в начале 11-го. Броневи́к шел с конницей по дороге левее и рядом с полотном.

К началу движения конницы банды, высадившиеся с эшелонов (2), растянули длинную, редкую, охватывающую цепь, по линии кол. Дармштадт, кол. Гутерталь и почти до русла Ташенак. Продвижение конницы совершилось с перестрелкой: двигаясь в направлении на Дармштадт, эскадроны, прогнав несколькими шрапнелями конно-горной цепи, на участке между Дармштадт и дорогой Гутерталь, Иоганнесру, прорвали цепь, разделили ее и, заходя в тыл, грозя окружением разрозненных групп, принялись их уничтожать; в то же время конно-горная стреляла по поезду, причем одна граната попала почти в платформу, большевики частью успели сесть на эшелоны и уехать, частью разбежались в дикой панике, кидая сапоги, шинели, портянки, оружие, спасаясь по разным направлениям. Уничтожение их продолжалось, в плен не брали, раненых не оставалось, было изрублено и застрелено, по рассказу конницы, до 80 чел. Броневи́к помогал своим огнем по цепи. Когда дело было кончено, броневи́к вернулся к колонне главных сил, а конница пошла через Иоганнесру на вокзал Мелитополя, с целью обойти с запада и севера.

В этой операции конница потеряла 5–6 убитых и раненых лошадей и был легко ранен в ногу серб – офицер Патек.

Перед выступлением главной колонны часть имущества, что не могли поднять, была продана на месте (чай, калоши), часть роздана на руки. Тронулись в начале 11-го.

Подход к Мелитополю – сплошное триумфальное шествие; уже в дер. Песчаное (пригород) встретили толпы крестьян с хлебом-солью и приветствиями; ближе к городу – еще хлеб-соль, в городе улицы, проходящие на вокзал, запружены. Делегация железнодорожников с белым флагом и речью – приветствие избавителям, еще хлеб-соль. Цветы, приветственные крики. Входили спасителями и избавителями. На вокзале депутация инвалидов с приветом. Большевики бежали спешно на Антоновку, оставалась подрывная команда анархистов и еще кое-какие мерзавцы, которых частью перебила, частью арестовала вооружившаяся железнодорожная милиция.

На квартиры стали в предместье Мелитополя в Кизьяре, в районе вокзала. Меня с Невадовским и адъютантами пригласил к себе инженер К. Квартира была пуста, все было вынесено в ожидании боя, так как эти банды похвалялись, что дадут нам бой; квартира – мерзость запустения. Настроение всей массы железнодорожников до нашего прихода было ужасное – измучены, терроризированы, озлоблены – много помогали в розысках и ловле анархистов и большевиков. В Мелитополе нашли громадный запас новых обозных повозок – решили заменить все потрепанные повозки, бензину мало, фуража много.

Намечается довольно большая прибыль добровольцев.

Прибыли в Мелитополь в 15 часов.

4 апреля, Мелитополь

Утром прискорбный инцидент – один капитан пионерного взвода застрелен жителем из револьвера: ехал совершенно пьяный верхом по путям, стрелял, был задержан часовым, угрожал стрелять, была отнята винтовка; тогда взялся за шашку, но был смертельно ранен выстрелом из револьвера бывшим поблизости жителем. Житель задержан. После производства дознания выпущен, но револьвер отобран – почему не сдал по объявлению.

Рано утром в Акимовку были посланы локомотивы и рабочие вагоны для исправления пути и вывоза из Акимовки захваченного поезда и прочего подвижного состава. Невывезенное сразу имущество было оставлено на вокзале Акимовки и сдано Жебраком под охрану местных властей. Вчера поздно вечером все это прибыло на подводах в Мелитополь. В нашем распоряжении оказалась одна блиндированная платформа, которая и прикрывала с поставленным на нее пулеметным взводом эвакуацию Акимовки.

Около 14 часов был у городского головы^[83], разговаривал об организации милиции – впечатление, что очень мало на месте энергичных, смелых людей. Все запуганы до безобразия. Голова говорил, между прочим, что в городе большая тревога – боятся нашего ухода. Дал несколько советов об организации милиции.

Днем начали поступать донесения по телефону из Акимовки, что к ней подходят эшелоны матросов; самые дикие слухи росли, внося в измученное население тревогу. Самый интересный слух – из Крыма движется 600 000 армия красногвардейцев... Прибывшие поезда тоже доносили, что не очень спокойно, но когда наша блиндированная платформа оставила Акимовку и мы еще не знали, где она, с разъезда Ташенак пришло донесение по фonoпочте от железнодорожников, что к разъезду подходит большевистский эшелон.

Ясно было, что слухи эти все панические и вздорные, но самую возможность факта – приближение большевиков – отрицать окончательно было, конечно, нельзя. После данного им урока мы настолько в это не верили, что никаких особых мер охраны даже не принимали, но с этими сведениями, как бы они ни были преувеличены, совсем не считаться нельзя, эшелон мог подойти – нужно приготовиться; решено офицеров вызвать из города, сосредоточить в фруктовом саду у балки Песчаная, выдвинуть роту, взвод конницы и взвод легкой артиллерии и вести разведку на фронте от реки Молочная через хутор Ташенак, кол. Иоганнесру, столбовая дорога. Северное направление наблюдать только заставами, так как большевики, покинув Антоновку, ушли на Токмак; на разъезде Терпение иметь паровоз с 12–15 вооруженных железнодорожников, а на разъезде Ташенак – блиндированную платформу с пулеметами, связанную со штабом телефоном. На случай, если бы большевистский эшелон решил подойти близко, напр. в бронепоезде, подготовлен был локомотив и вагон с рельсами для устройства крушения и последующего уничтожения эшелона. С посылкой за офицерами вышло не гладко – собирая офицеров, либо ординарец ерунду наговорил, либо кто из добровольных помощников-жителей кричали по улицам, чтобы отряд собирался, что наступают большевики и т. п. Началась настоящая паника. Милиция сразу побросала винтовки и разбежалась; едва успокоили население.

В 16 часов отряд под командой подполковника Почекаева^[84] выступил вперед по фруктовому саду. Обстановка к этому времени выяснилась: оказывается, наша блиндированная платформа доходила почти до станции Сокологорное, занятой бандами; потом поезд большевиков следовал за ними. Велась перестрелка пулеметами, враги стреляли артиллерией, но попадали почти все в свой поезд, давая чудовищный недолет – наши умирали со смеху, видя эту стрельбу. Верстах в 2-х южнее станции Акимовки они сняли районные рельсы и увезли под огнем большевистских разъездов. Когда оставляли Акимовку, разъезды уже подходили к станции. Вот все достоверные сведения – ясно, что дальше этого разобранного пути поезд не мог пройти, а занять они могли только Акимовку.

Предполагаю на завтра послать конный отряд в Иоганнесру, чтобы захватить большевиков, если будут приближаться; устроить крушение севернее переезда Ташенак, дальше от города и глубже обойти место крушения с тыла. Отряд выступает в 9 утра.

Днем часов в 17–18 запрос о приеме поезда с делегацией немцев – очевидно, их части имеют в виду сойти к Мелитополю. Приказали ответить о приеме к 10 часам 5-го.

Квартира наша вновь обставилась – внесена мебель, картины, рояль... Уютно, комфортно; утром взял горячую ванну – блаженство после стольких дней похода.

Вечером собрались служащие, коллеги К. Прекрасно пел его помощник. Давно уже не приходилось слышать ничего подобного. Поваяло старым, довольным временем. Вообще прием радушия исключительного.

Понемногу город очищается от бандитов. В Акимовку из Мелитополя приехал на автомобиле офицер, сказался бежавшим. Там, однако, был опознан солдатами крымского конного полка; один солдат, увидев его, сразу в морду – оказался вовсе не офицер, а убийца командира, похитивший его же шашку после убийства. Расстрелян.

Железнодорожная охрана (все низшие служащие) арестовали типа, призывавшего бить буржуев, анархист. Случай разобран, расстрелян.

Мелитополь дал многое, есть военно-промышленный комитет, получили ботинки и сапоги, белье; из захваченного материала шьем обмундирование на весь отряд – все портные Мелитополя загружены нашей работой, посторонних заказов не берут.

5 апреля, Мелитополь

Ездил утром посмотреть заставу в саду у балки Песчаная – пришлось переставить артиллерию, чтобы обстреливала подходящий поезд прямо в лоб.

В день прибытия в районе было выпущено объявление о свержении власти большевиков и уничтожении всех их декретов. Вся гражданская власть была передана в руки городской думы и волостных земств; городской думе предложено было организовать самооборону сильной милицией, на станции организована железнодорожная самооборона. Оружие от населения отбиралось и передавалось самооборонам. Часть оружия выдавалась в волости.

Кажется, между 13–14 часами прибыл блиндированный немецкий поезд, а за ним их первый эшелон – остались на станции. Разговоры с ними вели Войналович с Жебраком – я уехал в город, уклонившись таким путем от этой невеселой встречи. Немцы на этот раз, очевидно, вполне доверяли нашей лояльности; ибо, как шуба, влезли на станцию – но нам нет другой политики пока. На офицерах эта встреча отражалась тяжело, многие нервничали – во избежание столкновений приказал снять всю охрану и внешнее охранение против большевиков, передав вокзал железнодорожной охране; охранение в Акимовке взяли на себя, естественно, немцы своим немедленным туда продвижением. Выступление конного отряда было отменено еще утром при сведениях о прибытии немцев. Завтра решил вообще оставить город и перейти в деревню Константиновку, где и ждать окончания портняжных заказов. Хоронили убитого офицера конно-пионера. Бесславно погиб, но похороны получил почетные: металлический гроб, венки, трехцветные флаги на гробе; масса жителей, цветы, зелень, много участия и сочувствия отряду в поминовении усопшего.

Вечером железнодорожное общество и мы собрались вместе, тот же уют, прекрасный ужин, прекрасное пение, но уже не то настроение, отравленное немецким приходом. Прощальный характер собрания (наш уход).

Особенно реагировал К., резко говорил с немцами, не ведя вначале необходимой политики, слишком опирался на нас, на наши прежние распоряжения; приходилось его уговаривать вести политику, идти на уступки, ибо это могло в конце причинить вред даже и нам. Что делать, терпи, пока время не пришло: выдержка – это все.

6 апреля, деревня Константиновка

В 9 часов отправился обоз, выступление боевых частей в 14 часов. Так как немцы все время наблюдали за нами и у них, очевидно, немало агентов, решил двигать всю колонну, но по частям, разными улицами, чтобы затруднить подсчет сил. Странно, что немцы, всегда так прекрасно осведомленные, преувеличивают много наши силы, считая их не менее 4–5 тысяч (из их разговоров).

Утром отправился к немецкому генералу (начальнику 15-й ландверной дивизии^[85]) поговорить о положении перед уходом, главная цель – сгладить обострение их с железнодорожной администрацией, если бы таковое обнаружилось. Сказал о вооружении населения – о самооборонах городской и железнодорожной, спрашивал о нашем направлении, откуда и прочие обычные вопросы, ответы также обычны. Немцы корректны и любезны, никаких трений. Переводчик немецкий офицер генерального штаба – с ним интересный разговор (предупредил, что частное его мнение); сказал скорее уходить, что настроение украинской власти против нас враждебное, что он очень симпатизирует нашим целям устраивать порядок своими силами, но

они могут получить приказание о разоружении^[86]. Считают они нас 5 тысяч. Понимает, что им никто не будет благодарен за усмирение. Что в Великороссию не пойдут, разве пригласят, но может, и тогда не пойдут. Весь тон и отношение к нам полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем широких патриотических целей, или что выполнение их невозможно.

Я со штабом шел по главной улице, во главе первой роты со знаменем и музыкой. Немало народа (и простого) встречало колонну, поклоны, приветы, одна женщина крестила. За эти дни определились ясно симпатии народной массы к нам, население ждало избавителей, откуда бы они ни пришли, и пришло избавление от русских регулярных войск; все симпатии, вся радость спасения отдана нам, своим.

Если бы пришли немцы или украинцы первыми избавителями – то к ним были бы направлены общие симпатии, а теперь пришли иноземцы, и появление их почти во всех группах населения произвело тягостное впечатление, оскорбление еще сильного патриотизма.

Идти впереди немцев, своим появлением спасать, вторичным появлением немцев будить патриотизм – вот наш триумф, наша задача.

Перед моим отъездом делегация немецких граждан – русскоподданных Мелитополя – благодарила за спасение. Два штатских и барышня с букетом, благословение отряду и пожелание успеха.

7 апреля, Константиновка

В Мелитополе, с помощью населения изловлено и ликвидировано 42 большевика.

Странные отношения у нас с немцами; точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами – всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один между тем высказывал – враги те офицеры, что не признали нашего мира^[87]. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: «Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются».

С украинцами напротив – отношения отвратительные: приставање снять погоны, боятся только драться – разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать – не слушают. Некоторые были побиты – тогда успокоились, хамы, рабы. Когда мы ушли, вокзальный флаг^[88] (даже не строго национальный) сорвали, изорвали, истоптали ногами...

Немцы – враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим... Украинцы – к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам.

Немцы к украинцам – нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом; при попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале присутствовал немецкий комендант, кричал на украинского офицера: «Чтобы у меня это больше не повторялось». Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам – союзникам – невероятная.

Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, т. е. нас, обезоружить; и получил ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорочным... украинец отскочил...

Украинцы платят такой же ненавистью.

Они действительно банда, неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность – те же хамы.

Украинские офицеры больше половины враждебны украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не украинцы – некуда было деваться... При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды^[89].

Кругом вопли о помощи.

Добровольцев в общем немного, поступило в пехоту человек 70 – для Мелитополя стыдно, намечалось сначала много больше – пришли немцы и украинцы – успокоились, шкура будет цела, или полезли в милицию – 10 рублей в день.

Интенсивно ведется шитье.

8 апреля, Константиновка

День разочарований:

Вчера упорные телеграфные слухи с разъезда Утмач об офицерах, едущих к нам на соединение. Утром послал автомобиль – никаких следов, никто ничего не видел, даже и близко, какая-то ерунда.

Можно было достать здесь 300 тысяч рублей в военно-промышленном комитете, интендантские суммы, от ликвидации имущества; заведывающий сам предлагал, намекал прозрачнейше, но слышавшие это офицеры не передали. Интендант промолчал – сегодня все это узнал – поехал к С. (у кого были деньги). Поздно, уже украинцы наложили руку, даже задним числом нельзя ничего. Сам С. жалел, что попадутся украинцам, да что делать...

Узнал об этом у русского общества, приславшего делегацию часов в 18, программа – всероссийская. Спрашивали, что могут для нас сделать. Сказал – на местах готовить умы, для меня же связать с общественными деятелями крупных центров, ибо для меня важны три кита: деньги, добровольцы, огнестрельные припасы.

Обедал в ресторане. Разговор с украинским комендантом. Помогу, если будут грабить жителей. Он просил, если нужно будет расстреливать, дать людей, кто мог бы не дрогнуть при расстреле – ответил: роль исполнителей приговоров не беру, расстреливаем только своих приговоренных. – Имею большие полномочия приказывать всем германским и украинским войскам в районе. – «Приказывать не можете». – «Могу». – «Можно только тому, кто исполнит, я – нет». – «Вы обязаны!» – «Не исполню». – Вы на территории Украины. – «Нет. Где войска и сила, там ваша территория. Мы же идем по большевистской и освобождаем». – Никто не просит. – «Нет, просят! Мы лояльны, не воюем, но должны с войны вернуться через ваши земли».

Еще много прекословил, не совсем трезв. В конце концов просил помощи окружным селам и деревням; я согласился охотно, если помощь в направлении нашего пути. Наконец разошлись, оба очевидно недовольные друг другом. Вечером в оперетте, масса офицеров. Вообще за время Мелитополя поведение корректное. Играли, как полагается в провинции, но некоторое было недурно. Ужин в ресторане, пьяный комендант (по рассказам ему в конце разбили голову стаканом).

Немного жаль покидать Мелитополь. Другая жизнь, отдых нервам. Хотя мне нет отдыха. Всегда окружен врагами, всегда страх потерпеть неудачу, каждое осложнение волнует и беспокоит. Тяжело...

9 апреля

Погода все дни прекрасная, но ветер, изводящий восточный ветер.

Утром телеграмма из Бердянска с просьбой о помощи – инвалиды выкинули большевиков^[90], подпись Абальянц^[91]. Может быть и провокация. Заехал в город, взял френч (100 рублей за фасон и приклад). Прощальные визиты – и в поход. Езда на автомобиле ужасна, все время пришлось менять шины, новых нет, заклеили тряпками, как пластырем, привязав веревками – опять плохо. Так мучился до села Покровка, где удалось настигнуть хвост колонны, уходящей с привала, сел на предложенную мне лошадь и поехал вперед. Автомобиль еще долго маячил, обвивал шину веревками и едва добрался до ночлега... Хорошо, поспел в конный отряд. Между колониями Владимировка и Богдановка (болгарская) встретил на автомобиле делегацию от инвалидов Бердянска – подтверждая телеграмму о свержении советской власти,

просили Христом-Богом скорей послать артиллерию, так как у них нет пушек, а матросы безнаказанно громят город с гавани, укрепив две шестидюймовых пушки на лайбах^[92]. Кто же пошлет одну артиллерию? Повел их в штаб в Богдановку вместе с Войналовичем выяснять обстановку. «Кто руководит обороной?» – Назван ряд лиц, частных. – «Я военный, специалист. Могу с доверием относиться только к специалистам. Разве нет офицеров?» – «Есть, много». – «Кто же командует?» – «Полковник Черков». – «С усами и бородой, среднего роста?» – «Нет ни бороды, ни усов». – «Что на погонах?» – «Без погон»... Сбить не удалось, выяснилось, что это тот. Очевидно, нет провокации. Завтра рано прибыть все равно не можем, только к ночи, а это с артиллерийской точки зрения бесполезно. Решили идти 10-го в Ногайск, а на рассвете 11-го, часов в 5 выступить и рано утром прибыть. Послал Черкову записку держаться, успокоить испуганное население и терпеливо ждать. Артиллерии все равно прислать отдельно не мог, тем более одна-две пушки на автомобиле. Делегация уехала...

Богдановка – богатейшая болгарская деревня. У нашего хозяина каменный дом с городской приличной обстановкой, смесь с крестьянской простотой: зеркало, буфет модерн, масса стульев... Многие жители живут очень богато.

Богдановка – штаб. Конница, лазарет, связь с Владимировкой – где все прочее.

10 апреля

Утром опять делегация Бердянска, но офицеры. Те же разговоры, те же просьбы – лететь не можем.

Хозяин ничего не взял, отказался от уплаты – положим, основательно богатый...

Сегодня двигался с конным отрядом. Недалеко от Ногайска встретил автомобиль с Черковым^[93]. Мою записку он получил. У них настроение не сдаваться, но все же тревога и неуверенность в массе «защитников». Еще утром, рассмотрев карту, увидел, что идти на свету нельзя, вся дорога наблюдается с моря, а потому решил выступить ночью, часов в 10 вечера. К рассвету иметь уже артиллерию всю на позиции, подведя к городу конницу и одну роту, а весь отряд оставить в колонии Ивановка, чтобы не втягивать его в город и иметь свободу действий против покушений со стороны Новоспасское или Петровское, откуда, по сведениям, большевики могли ожидать помощь. Для защиты же набережной и собственно города у инвалидов своих сил и так достаточно.

Но Черков убедительно просил, как видимый признак помощи, послать хотя броневой автомобиль с мотоциклетами; это же послужит опорой для инвалидов. Теперь, когда возможность ожидать провокацию исчезла, я согласился.

Прибыв в Ногайск, арестовали советы, восстановили думу, захватили тысяч 20 советских денег, городские – вернули думе. Выловили еще несколько мерзавцев. Тут получили сведения, что суда из Бердянска, по-видимому, ушли с рейда.

Оставив отряд в Обиточное (2 версты восточнее Ногайска) и условившись о ночном марше, сам отправился с Невадовским и батарейным командиром для ознакомления с положением на местах и выбора артиллерийской позиции. С нами пошли: броневик и два мотоцикла, все в распоряжении Черкова.

Дорога прекрасная, ровная. Справа то показывалось, то скрывалось море, Азовское, но все-таки южное море, скрашивавшее унылый вид степи. Серое море в легкой мгле.

Позиции выбрали в районе маяка и кладбища. Осмотрел их позиции на набережной, достаточно неостроумно устроенные; посетил их «штаб», в котором царил хаос, вмешательство миллиона людей, претендующих на право все знать и распоряжаться, не только военных, но и штатских, представителей политических партий (рабочих организаций).

Картинный объезд позиции с Абальянцем!!!

Броневик был встречен овациями, его появление внесло в население уверенность и успокоение – видимый залог пришедшей помощи. Наш автомобиль приветствовали, но не слишком; мало публики на улицах (разбежалась по окрестностям).

Разрушения есть значительные, но редкие; в общем, город не очень пострадал. Матросов и след простыл – суда ушли, говорят, в Мариуполь.

Около 6 пригласил к себе обедать бельгийский консул, состоятельный человек, накормил отлично, удивил радушием. Засиделся поздно, и уже часов в 9 поехали навстречу колонны. Встретил их уже по выходе с ночлега, на походе. Весь отряд приказал сосредоточить в колонии Ивановка (по-местному Куца), на позицию выставить только взвод легкой и взвод мортир с прикрытием их из двух кольтов, что при легкой батарее, а одну роту (3-ю) поставить для порядка в городе, придав ей броневик и мотоциклеты, имея в виду роты менять. Назначить комендантом Жебрака, вручив ему в городе военную власть, подчинить ему роту и броневик, устроить комендатуру и вербовочное бюро. Проехав впереди колонны в Ивановку, подождал Войналовича, передал ему все распоряжения относительно начальника гарнизона, комендатуры, вербовки и прочее, а затем уехал опять в «военный штаб», в Бердянск, согласовать все распоряжения. Был 3-й час 11-го...

11 апреля. Колония Ивановка у города Бердянска

Почти всенощное бдение: приехав из Куцой – обратно в Бердянск, в «штаб»; сидел почти до 6 часов – условился об очищении от сора мужской гимназии, где должна была разместиться дежурная рота, Жебрак, комендатура, бюро, комиссия по сбору имущества. Условился о высылке провожатого роте...

Около 6-ти выехал на автомобиле в Куцую, где и лег наконец спать.

Одновременно с посылкой к нам посылалась депутация к австрийцам, те были обещали, но не пришли своевременно; вчера же к вечеру узнали, что запрашивается эшелон к приему. Для нас зарез... Просил Абальянца ответить, что пришел наш отряд и помощи австрийской не нужно. Так им и телеграфировали. – Проснулся – сообщают: уже австрийцы в городе, грустно. В 11 с половиной поехал выяснять положение.

Взаимные соотношения: исполнительный комитет и видные деятели инвалидов с нами в дружбе, помогают во всем; город же ведет политику, желая спасти арестованных комиссаров, инвалиды настаивают на их казни. Мы чувствуем себя не вполне хозяевами; с приходом австрийцев комиссар опирается на них и, ввиду того что большевиков скинули инвалиды сами, заигрываем с ними, говоря любезности, обещая поддержку, настраивая против австрийцев и украинцев. Дело идет успешно. С получением снарядов, патронов, разного имущества обстоит довольно благополучно, совместно обходим украинцев, но важно получить толику из захваченных 12 или 22 млн рублей (суммы так и не определили). Все время бегал и разговаривал по этому вопросу и об организации инвалидной самообороны. С самообороной обстоит так: все руководители инвалидов понимали, что в тревожное время они вооружили беспорядочно разный сброд, что надо их разоружить, оставив оружие только в надежных руках – в этом достигнута у нас общая гармония, но прибытие австрийцев меняет дело – могут потребовать разоружения; ищем переговоров с австрийским командиром и принципиально достигли согласия, требует только определить списки, дать внешние знаки. Вопрос о разоружении – уже дело инвалидов.

С прибытием австрийцев я вообще уклонился от какого бы то ни было распорядительства. Артиллерию приказал убрать, как только поставят свою австрийцы, а роту выведу завтра утром – сегодня задержалась приемом добровольцев. Вообще завтра с утра ничего боевого в городе не останется – все в Куцую. А послезавтра уйдем дальше.

Днем инвалиды, опасаясь освобождения арестованных под влиянием политических партий или передачи их гражданскому суду, просили передать их нам. Освободили двух, которые, с риском для себя, воспротивились избиению офицеров, задуманному в период господства матросов.

В думе было специальное заседание вечером, вопль шел, набросились на представителей инвалидов, те отгрызлись, ругали управу и думу за ее двусмысленную политику и разошлись

недовольные друг другом, признав, что укорами и спорами дело не поправишь и разрушенных домов не восстановишь. Два ока за око...

Перед возвращением к себе в Куцую поймал меня австрийский гауптман^[94]: по распоряжению Рады все деятели большевизма должны арестовываться и отправляться на специальный суд в Одессу. Мы не можем казнить. Как офицер, он вполне понимает, что их нужно убивать, но, как исполнитель воли начальства, обязан мне заявить настоятельно: комиссаров, еще не казненных, передать ему; дружески переговорили, и так как все, кого нужно было казнить, были уже на том свете, конечно, обязательнейше согласился исполнить все...

С деньгами неважно: в некоторой небольшой части инвалидов, примыкающих к рабочим кругам, вернее примкнувших к ним фронтовиков, ведется против нас агитация, стараются натравить на нас, распуская сплетни. По той же причине инвалиды остались без председателя Панасюка^[95], их головы и сердца, пользующегося огромным влиянием. Исполнительный комитет решил на завтра в 9 собрать общее собрание (пригласили и меня). Вопрос о деньгах мог решиться только после заседания вновь избранного исполнительного комитета, как и вопрос о наших снабжениях – кто-то работает против.

В «военном штабе» кавардак, Черков на побегушках, всеми хочет заправлять Абальянц, но это не вполне удастся; кокетничает своими царапинами, перевязанной губой, эту ссадину можно было даже коллодиумом не заливать. Через два, три слова упоминает о ранении. Для нас забавно...

Собственно организации никакой, но пишущие машинки есть...

Чудные лунные ночи, чудные дни, море, деревья в цвету, так хочется отдыха и покоя, солнца и весны; а впереди заботы, бои и кровь, кровь без конца.

Приглашен на дачу купаться в грязевом лимане... Мечты...

12 апреля, колония Ивановка

С утра на собрании инвалидов (в том числе и все вообще солдаты и офицеры). Театр набит битком, трудно протолкаться, но меня устроили сидеть на скамье, выказывая большое внимание. Собрание как собрание, тот же крик, шум, беспорядок, та же потеря времени.

Двойченко делал сообщение о целях и задачах отряда, но слишком много говорил о немцах и австрийцах – много звучало враждебности, если передадут – нехорошо. Были вопросы из публики, стараясь настроить против нас, но прения были сразу прекращены председателем, все успокоилось и ушли под аплодисменты. После выбора нового исполнительного комитета началось закрытое заседание – я ушел.

Совместное заседание – представителей инвалидов, моих (Жебрак и я), австрийцев и украинцев – не состоялось: по уходе с первого заседания узнал, – пришли немцы, украинец задрал нос, в конце концов мне все равно – пусть инвалиды сами отстаивают свою самооборону.

К вечеру получили все, что хотели, только сахару всего 100 пудов вместо 600. Снаряды (1000 горн.), патроны, шинели, амуниция, сапоги и т. д. Абальянц помогал. С автомобилями не уступают. С деньгами плохо, обещано выяснить завтра – по-видимому, исполнительный комитет уклоняется. Украинский комиссар протестует против взятия лошадей, напустился на Абальянца, чтобы я вернул, а если инвалиды не сумеют, то он примет меры, – а комбинацию из трех пальцев хочешь? Абальянц пришел ко мне – что делать? – Запросите начальника конного запаса письменно, за номером, тот ответит тоже письменно мне о возвращении лошадей, я отвечу тоже за номером письменно, а там ищи ветра в поле. Решил так и сделать. Подробность – украинский комиссар сказал: «Если Дроздовский пришел по зову, то пусть требует с города возмещение расходов, а лошадей брать нельзя»?! Офицерство записывается позорно вяло. Всего человек 70–75 для Бердянска, считая и учащихся и вольных...

Звал по аппарату днем К. – хотел передать что-то важное от атамана Натиева^[96]. Не понимаю, но нужно увидеться, к тому же еще одну попытку о деньгах... завтра колонна выступит в 11, а я в Бердянск, откуда прямо в Новоспасское.

13 апреля, Новоспасское

Колонна выступила в 11. Я же на автомобиле поехал в Бердянск для добычи денег и для свиданья с К. С деньгами ничего не вышло – Абальянц все обещает какие-то заседания, а вернее водит за нос; ясно, что, использовав обстоятельства, приход австрийцев и свою безопасность, решили забыть взывания о помощи... Деньги улыбнулись.

К. приехал только часа в 3. С Натиевым ничего интересного, простое недоразумение – приняли за другого Дроздовского, тоже полковника Генерального штаба, и искал свиданья, как с другом^[97]. Привез, правда, интересное – телеграфное донесение немцев (15-й ландверной дивизии) о нашем отряде из Мелитополя; между прочим, они оценивают наши силы в 5 тысяч, из коих 2 тысячи офицеров.

Погода установилась чудная, наконец-то нет сумасшедшего ветра. Приехал в Новоспасское прямо. Какая богатая деревня! Каменные дома, большие и чистые. Много домиков городского типа. Приняли очень любезно. Присоединилось несколько добровольцев, из них два кадета.

14 апреля, Мангуш

Донесение Семенова, что два офицера 1-й роты князь Шаховской и Попов отправились из Новоспасского вчера в 7 часов в Петровское, кажется, за водкой; подверглись нападению жителей, вернулся один Попов. Что со вторым – не знает. По получении известия послал Семенов взвод 1-й роты с пулеметами на розыски.

Выступили в 8. Долго писал дневник и выехал с хвостом колонны, обогнав ее потом – что это за чудовищная колонна.

По дороге дважды жалобы от хуторян о грабежах и насилиях, чинимых большевиками, – часть удалось ликвидировать (менее виновных выдрать и угнать вон).

На походе нагнал Бологовской, прибывший морем в Бердянск; ничего радостного, но лучше, чем предполагалось раньше. Корнилов почти наверное убит, понеся поражение (ни патронов, ни снарядов), но борьба идет, являются новые отряды, оживают старые, где-то существуют Алексеев и Деникин, Эрдели^[98], но где? Весть о сосредоточении к Армавиру крупных казачьих надежных сил князя Баратова (сведения со слов большевистской делегации, туда ездившей)^[99]. В общем, неопределенность и неясность кругом, есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, какая, где, куда идти? Вообще только слухи, почти ничего реального, отрезаны от мира, весь в своих руках, на своем ответе... А денег мало, они иссякают... Грозный знак.

Из Одессы прибыл офицер Жебрака – большая группа офицеров, собиравшаяся к нему с пулеметами, осталась, сбита телеграммой «Киевской мысли» о гибели отряда в «двухдневном кровавом бою» с крестьянами и красной гвардией у Возсиятского (?!). Они спрятали пулеметы, а сами остались – один лишь этот посланный примчался догонять...

Ночлег в Мангуше – греко-татарская деревня. Богатая, большая, благоустроенная, уцелевшая от грабежей и контрибуций – не шла течением большевизма. В Мариуполе уже австрийцы – предупредили. Приехал штаб-ротмистр – говорит, есть лошади, конский запас, отбитый от большевиков, обещает помочь его взять. Решили произвести это ночью, чтобы сделать скрыто от швабов. В 22 часа выступит 2-й эскадрон Двойченко, а вперед на машине несколько человек поедут на разведку. Приказал только проделать все тихо, без столкновений...

15 апреля, Косоротовка –

3 версты восточнее Мариуполя

Ночью придрала депутация фронтовиков из Мариуполя с бумагами, как от «военной коллегии фронтовиков», так и от австрийского коменданта, что на территории Украины всяким отрядам воспрещены реквизиции какого-либо фуража или продовольствия не за наличный расчет – или забирать лошадей, или подводы. Указал, что, путешествуя 800 верст, первый раз получаю такую штуку. Чего им взбрело на ум писать, кто им сказал, что я что-либо беру даром? Мангуш оказалась здоровенным кляузником. Получив требование на фураж (зерно и сено) и на подводы, она, не разобрав, как и что, сразу по телефону жалобу в Мариуполь.

Высказал депутации свое недоумение и удивление их поступку. Отговорились, что не знали, что за отряд – врут, правильно адресовали!..

Отряд направился, пройдя Мариуполь, через речку и стал в деревнях Косоротовка и Троицкое, на земле Войска Донского. Я в Мариуполь, в «Военную коллегию фронтовиков». Физиономия оказалась поганая, много бывших большевиков, все еще близко советская власть. Предъявили миллион кляуз, фактически вздорных и их не касающихся. Настаивали на возвращении лошадей особенно – решил разобраться, может, и придется часть вернуть. Все это, очевидно, такая дрянь их коллегия, много евреев, что надо прежде ознакомиться – стоит ли с ними считаться. Они уже позабежали к австрийцам, пожаловались им на нас, думая, дураки, что австрийцы из-за них станут с нами ссориться. Разошлись якобы дружно, в душе враждебные вполне.

Австрийцы – враги, но с ними приятнее иметь дело, нежели с этими поистине ламбровскими типами^[100].

Результатом жалоб австрийцам за лошадей явилась их претензия на этих лошадей – переговоры, помирились, отдав меньшую и, конечно, худшую часть швабам, а «фронтовики» остались с носом: я извелся, говори либо со мной, либо жалуйся, и не только уже не вернул из взятого, но даже больше и не разговаривал с ними, как обещал было.

Сначала по телеграфу, потом около 23 часов делегат от казаков станицы Новониколаевки – просят помощи от банд на Кривой Косе, из Антоновки и из станицы Вознесенской. Послал 80 трехлинеек и 30 патронов, но выступить решил только утром 17 – крайней надобности нет, а нам изнурение и нужно дождаться добровольцев. Пока продержатся.

Население Мариуполя и наших деревень большевистского типа, масса против нас, называются фабрики... Интеллигенция, конечно, – за, но ее мало.

16 апреля, Косоротовка,

3 версты восточнее Мариуполя

В 6 у. дуэль между пехотным офицером и корнетом на револьверах по суду чести, дистанция 25 шагов, до 3-х выстрелов. Пощечина в пьяном виде, данная кавалеристом. Виновник убит 3-им выстрелом. Что непонятно, непорядочно, что сам оскорбитель требовал наиболее суровых условий.

В 11 похоронили князя Шаховского – вчера привезли тело; избит и убит комитетом, лицо – сплошная ссадина и кровоподтеки, поднят на штыки; карательный взвод поступил глупо, – виновные бежали, кроме одного, секретаря, его привели сюда, надо было на месте. Похоронили Шаховского здесь торжественно. Цинковый гроб, венки. Все же сам виноват – не

будь алкоголиком, не ходи один по деревням. Попова сегодня выгнали судом чести, не бросай товарища в беде и на зов иди на помощь, а не уходи прочь. Мог спасти его вначале, когда большевиков было мало, скрылись бы оба...

В 13 был на заседании Союза офицеров, объяснил наши цели, задачи, несколько типов из группы фронтовиков пытались наклеветать, говорить о расстрелах «невинных» и т. п. Отвечал удачно и резко, они с треском провалились, не учли аудитории. Один съинсинуировал насчет движения нашего с австрийцами, дурак, затронул для себя самое больное. Я обернул против них же, буквально под гром аплодисментов. Нашел укор – именно в том, в чем мы кристально чисты!.. По-видимому, около 100 добровольцев поступят.

Разведчики наняли одного мерзавца из советцев, ему большевики не платили денег, перешел к нам, ему обещали двойную плату и награды, но в зависимости от работы и пулю. Следить будут прочно.

Привлекаем для разведки женщин. Одна пошла из наших сестер, другая, имея Георгия 2-й степени, старшая унтер-офицерка. Когда переделась в женское, так мало похожа на женщину, говорить привыкла басом и ругается, как ломовик.

Утром еще приезжал казак из Новониколаевки с донесением: у них пока благополучно – уничтожили маленькую группу бандитов, взяли винтовки, но без патронов; полторы сотни легких снарядов и еще кое-какую мелочь. Дал им еще 50 «Гра» (французские винтовки старого образца)^[101] и много патронов к ним. Завтра придем к ним...

Бензину добыли пудов 30.

Что кругом делается – одни слухи, ничего достоверного, полная неизвестность.

Погода чудная, слабый ветер, тепло. Море. Лето. Ночи теплые.

17 апреля, станция Новониколаевская

Выступили в 8 часов. Дорога над морем, холмы, хутора с садами, смена пейзажа, исчезла почти совсем степь; дорога много веселей... Встреча в станице, первой станице войска Донского, восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого, иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами пешая и конная сотня, отдавание чести, воинский вид; вражда между половинами населения – пришлого больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще одна из лучших, не было ограблений, мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков. Колонна отдает честь, ура, рапорт офицера.

Сильный запах цветов, жжет солнце...

Восстановлено казачье самоуправление, атаман, выборные, судьи. Сформировали сами полки. Продолжают организовываться.

Вести о положении и хорошие и дурные – почти верно, что Фетисов^[102] у Новочеркаска ведет бой, но, кажется, без артиллерии, что отряд корниловцев в бою у Тихорецкой сбили, идут дальше, теперь сведения, что бой у Батайска. В Великокняжеской – походный атаман Попов^[103]. Плохие сведения – немцы идут на Таганрог. Телеграмма к вечеру большевиков отчаянная, что уходят в Азовское море, оставляя город, так как от Ростова отрезаны, немцы в 3-х верстах севернее Таганрога, они в ловушке... Для меня важный вопрос, кем отрезаны от Ростова – немцами или корниловцами?!

Решили спешно идти на Федоровку. Скорее вперед, не дать большевикам опомниться. Скорее на соединение. Хотя сильно хотелось постоять – казаки исключительно радушны. Только что сообщили: в добровольцы записалось 44 женщины!!! Я побежден...

Много добровольцев из простых казаков – сразу видно – воины.

А ведь по роду занятия – те же крестьяне, как и солдаты.

Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные, обстановка с запросами культуры... Сады, все цветет.

Особое чувство – первая станица. Мы у грани поставленной цели. Иные люди, иная жизнь... Много переживаний – что-то ждет впереди. Большевики, по-видимому, всюду бегут, всюду у них паника...

В станице и соседних поселках идет обезоружение неказачьего населения.

Тюрьма пополняется из всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов – колесо истории вертится.

Много главарей расстреляно...

18 апреля

Ночью и утром донесения из слободы Платовой, что большевики идут колонной в 600 человек от Мелентьева по правому берегу Миуса и колонной в 400 (приблизительно вдоль моря, якобы есть артиллерия и броневики). Очевидно, отрезанные банды... Платовцы беспокоятся. Хотя паром через Миус испорчен, но платовцы боятся правобережной миусской колонны.

Решили, чтобы не пропустить, изловить, послать две колонны: правую вдоль правого берега Миуса – рота со своими пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательная сотня казаков, которым в Платовой взять еще одну-две сотни вспомогательных. Все прочие силы – на Федоровку – так едва ли проскочат отрядом, ну а рассеются – все равно всех не выловим.

Выступили в 8 часов. Солнце жжет. Ветра почти нет... Иду с конницей.

По дороге на мостике через проток провалился задом броневик. Этой поломкой моста задержал всю колонну, обязанную переходить болотину вброд, а сам просидел часа три – пока наконец постепенным созданием фундамента из бревен и с помощью домкрата не подняли.

Стали на ночлег в Федоровке – одна из паскуднейших деревень Таганрогского округа, гнездо красной гвардии и ее штаба. Отобрали всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев. Отобрали оружие. Много перехватили разбегавшихся красногвардейцев, захватили часть важных, прапорщика, начальника контрразведки, предателя, выдавшего на расстрел полковника и часть казаков из станицы Новониколаевской, и т. п. Трех повесили, оставили висеть до отхода, указали, что есть и будет возмездие, попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не расстреляли, ходил с ружьем с красной гвардией, брал награбленное, закрыл церковь и ограбил ее. Страх нагнали. Левее, оказывается, шла еще казачья колонна, по Ягорлыку вверх, обезоруживая население, казня виновных.

Идет очищение, идет возмездие.

Связь с правой колонной установили автомобилем – там все благополучно.

Федоровка тоже деревня довольно благоустроенная, много хороших домов...

19 апреля, Николаевка

Около 10 посланец Натиева с письмом. Положение на Украине: делегация хлеборобов (300–400) против социализации, арест немцами министров, разгон рады, предложение править хлеборобам, самостийникам-федералистам и правым социалистам-революционерам^[104]. Отношение к раде войск и народа, отношения между войсками Натиева и немцами, инцидент с обезоруживанием эшелона, захват телеграфных линий, контроль даже над Натиевым. Настроение против самостийности. Желание присоединиться к нам. Просьба обождать. Ответил о желательности присоединения, но ждать не можем, ищем соединения в Ростове и Новочеркаске, где подождем. Состав дивизии – около 800 офицеров и 2000 солдат, броневики, артиллерия легкая и тяжелая, очень много снарядов^[105]. Предложил ему план – идти под украинским флагом по железным дорогам в Таганрог – Ростов, где открыть карты... Условился послать связь, когда достигну своего соединения.

Выступили в 8 часов. По дороге захватили несколько гусей – один комиссар, один большевистский интендант и т. д.

В общем, сегодня не жарко. Ночлег в Николаеве. Деревня большая с хорошими домами, но нет ни фуража, ни хлеба, ни яиц. Вообще полный недостаток продуктов. Спекулируют не

только своим, но скупают и из окрестных деревень – продают и перепродают их втридорога в город. Население сильно смахивает на большевиков. Питаются за счет города.

Случай в броневике – взрыв ручной гранаты, шофер, там находившийся, не пострадал – чудо! Вырвало нижнюю заднюю дверцу, закинуло неизвестно куда, сорвало и выкинуло пулемет, расщепило пол. Работоспособность не пострадала. Погорели и полопались патроны на двух лентах.

Немцы сидят в Таганроге, кажется, идут на Ростов. Приходится спешить, авось обгоним, завтра в станицу Синявскую. В Ростове, кажется, большевиков уже нет...

Желательно бы остановиться, лошади подбиваются – долго и много идем, да и Пасху хорошо бы встретить, не говели еще. Но, пожалуй, придется еще идти, как вечному жиду.

Вечером послал в Таганрог разведчиков – арестовать кое-кого без шума, есть указания, между прочим, о предательстве вдовы одного расстрелянного казачьего офицера. Поехал туда и Лесли разговаривать с немцами, да интендант узнавать о седлах и т. п.

20 апреля, Таганрог

Колонна выступила в станицу Синявскую в 8 часов, а я с Лесли – в Таганрог для вывоза имущества и разговоров с офицерами. Лесли долго вел переговоры и добился многого: получили 150 седел, 2 аэроплана, автомобиль, бензин – и все из-под немецких часовых. Броневика же и снарядов не дали – боевого, подлецы, не дают под разными предложениями, чуют. Незаметно от немцев, из Союза фронтовиков, все же получили часть винтовок и пулеметов. Говорил с офицерами в частном собрании – те же мотивы. Неясна задача, да и не так делается, как хотелось бы тому или иному, да мало сил, да лучше и безопаснее на местах... Дирижеры – кадровые, никто, как свой. Инертность поразительная. Всего поступило человек 50^[106]. Хотелось выехать засветло, но задержался. Ночью дорога плоха, без фонарей, пришлось ночевать в гостинице. Распоряжений не отдал – одно утешение, что Войналович сам разберется в обстановке и решит стоять или двигаться.

21 апреля, станица Недвиговская

* * *

На этом обрывается незаконченный дневник М.Г. Дроздовского, оставшийся в необработанном виде. По-видимому, тяжелые бои помешали его продолжить, также можно предположить потерю приведенных в порядок законченных его записок.

Дальнейшее изложение составлено по рассказам участников похода.

21 апреля, в Страстную субботу, отряд Дроздовского подошел к Ростову и 2 колоннами начал атаку с вокзала. Весь день шел упорный бой с превосходящими силами противника. Количество оборонявших Ростов большевиков достигло 12-ти тысяч при 6-ти батареях; помимо организованных частей красной гвардии, латышских стрелков и матросов Гвардейского экипажа, большевикам много помогли рабочие из предместья Ростова – Темерника, стрелявшие на улицах из окон домов, также «Колхида» обстреливала наступающих с реки. Приходилось брать улицу за улицей и нести большие потери.

Подошедшие со стороны Таганрога немцы, видя тяжелое положение отряда, прислали своего ротмистра с предложением помощи Дроздовскому, который коротко ответил: «Не надо, справимся сами».

К вечеру того же дня Ростов и часть Нахичевани были заняты отрядом, но 22-го утром с севера подошли новые подкрепления большевиков, и Дроздовский, видя полную невозможность вести дальнейший бой, не желая принципиально обращаться за помощью к немцам, приказал отступать. Но вывод из города увлекшейся борьбой пехоты, на которой был сосредоточен весь огонь большевистской артиллерии, оказался делом не легким, а гибель ее означала бы и гибель всего отряда и той идеи помощи Добровольческой армии, с которой шли они

из Румынии. Тогда Дроздовский дает следующее распоряжение: указав открытый холм, он приказал, чтобы кавалерия медленно передвигалась по холму редкой цепью (через 30 шагов всадник). Такой приказ показался окружающим Дроздовского безумием, послышались возражения, некоторые предположили, что от потрясений он сошел с ума, но властный голос его потребовал: «Исполнить немедленно мое приказание без рассуждений». Как и рассчитал Дроздовский, большевики перевели весь артиллерийский огонь на смело и открыто передвигавшуюся конницу, чем дали возможность отойти пехоте, ценой незначительных жертв в кавалерии. Пехота, а следовательно, и отряд были спасены. Дроздовцы отступили в район станции Чалтырь и короткими ударами беспокоили большевиков. В боях под Ростовом они понесли тяжелые потери: 82 бойца выбыло из строя, среди павших смертью храбрых первой жертвой был начальник штаба отряда полковник Войналович, убитый на вокзале Ростова^[107]. Его беззаветная отвага служила примером для всех, она влекла его в самые опасные места, нередко его храбростью спасалось положение. Для Дроздовского эта потеря была крайне тяжела, он писал тогда: «Я понес великую утрату – убит мой ближайший помощник начальник штаба, может быть, единственный человек, который мог меня заменить».

На пост начальника штаба был назначен полковник Генерального штаба Лесли.

В Чалтыре Дроздовскому казалось положение безвыходным^[108], полное отсутствие сведений, невозможность боя с большевиками, но также и дальнейшее пребывание в Чалтыре не входило в его планы. Неожиданно в ночь с 23 на 24 апреля прибыл в штаб к Дроздовскому казак – есаул. По одной версии, он был послан атаманом Поповым, до которого дошли глухие слухи о прибытии какого-то отряда, по другой же версии, этот есаул никем не был послан, а будучи на разведке случайно натолкнулся на отряд Дроздовского. Есаул дал подробное описание положения дел: Корнилов убит, добровольческая армия, истощенная Ледяным походом, не будучи в состоянии вести активную борьбу с большевиками, – слабо обороняясь, подходила к границам Донской области. Донские же казачьи силы сконцентрировались в восточных степях и производили нападения на большевиков в направлении Новочеркаска и Александровска-Грушевска. 23 апреля Новочеркасск был взят, но на севере от него, а также в Ростове находились большие силы большевиков, которые стремились соединиться, наметив базой Ростов; лежащему на пути Новочеркасску угрожала главным образом северная группа большевиков, слабые казачьи силы должны будут отступать от города.

В Новочеркасске царил угнетенный настрой, к слухам о прибывшей помощи относились скептически и с ужасом ждали с часу на час нового захвата большевиками Новочеркаска. Дроздовский через есаула передал письмо к атаману Попову о немедленном выступлении ему на помощь и 25-го утром со своим отрядом был уже под Новочеркасском. Впереди наступавших шел броневик «Верный» и артиллерия, а в это время наседавшие с севера большевистские силы ворвались уже в предместье города – Хотунок, в котором вспыхнули сейчас же в нескольких местах пожары. Броневик и тяжелая артиллерия немедленно обратили в паническое бегство красные войска, разгром их был довершен казачьей конницей, бросившейся немедленно с флангов и в тыл отступающим.

Вступление отряда Дроздовского в Новочеркасск было триумфальным шествием. Население восторженно встретило своих спасителей, приветствуя их радостным «Христос Воскресе» и засыпая цветами^[109].

26 апреля состоялся пышный парад отряду на площади Войскового Собора, во главе принимавших парад стоял генерал Краснов^[110].

Достигнув заветной цели, вступив в Новочеркасск, Дроздовский издал следующий приказ по отряду:

ПРИКАЗ

1-й отдельной русской бригады добровольцев

26 апреля 1918 г. г. Новочеркасск

25 апреля части вверенного мне отряда^[111] вступили в г. Новочеркасск, вступили в город, который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлений, – обетованной землей.

Больше тысячи верст пройдено вами походом, доблестные добровольцы; немало лишений и невзгод перенесено, немало опасностей встретили вы лицом к лицу, но верные своему слову и долгу, верные дисциплине безропотно, без празднословия, шли вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал ваши труды и вашу волю; и теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и в Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружавших нас малодушных.

Пусть же послужит это нам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела, и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода.

Полковник Дроздовский.

Получив подтверждение о смерти генерала Корнилова и о передаче командования Добровольческой армией генералу Деникину, Дроздовский послал последнему телеграмму о своем прибытии, перечисляя подробно состав и имущество отряда, кончая словами: «в Ваше полное подчинение»^[112].

Дроздовский поехал в Мечетинскую, где находился тогда генерал Деникин со своим штабом; на совещании было решено дать необходимый отдых войскам, отряду Дроздовского оставаться в Новочеркасске, а Добровольческой армии в районе Мечетинской это время употребить на пополнение и обучение войск. О времени соединения и начале совместного наступления должен был решить генерал Деникин.

Радостный и бодрый ехал в Мечетинскую Михаил Гордеевич, а вернулся оттуда в подавленном настроении, узнав, что начальником штаба Деникина состоит генерал Романовский^[113]. На вопросы окружающих Дроздовский отвечал: «Там Романовский, – не будет счастья».

Пребывание Дроздовского в Новочеркасске менее всего походило на отдых. Бесконечные переговоры о достаче денег, заботы о привлечении наибольшего количества добровольцев, их обмундирование, обучение, посылка надежных людей в разные города Юга России для организации записи добровольцев – все это не давало ни минуты покоя и отдыха. Он основал первые склады Добровольческой армии, в Ростове вместе с А... основал первую газету: «Вестник Добровольческой армии», читал лекции о целях Добровольческой армии, о ее национальных идеях, писал многочисленные воззвания. В Новочеркасске отряд стал быстро пополняться и

уже насчитывал в своих рядах более 2500 человек. Благодаря прекрасному отношению казачества, отряд получал широкой рукой обмундирование.

Донской атаман генерал Краснов и близкие к нему тщетно уговаривали Дроздовского не входить в состав Добровольческой армии, обособиться от генерала Деникина и, соединясь с казаками, составить самостоятельную армию, так как считали дело Добровольческой армии проигранным.

Но, получив телеграмму Деникина с приказанием присоединиться к Добровольческой армии, 26 мая отряд Дроздовского двинулся в Мечетинскую. Не доходя версты до станицы, отряд спешился и под командой полковника Жебрака с музыкой вступил в Мечетинскую. Встречали три генерала: Алексеев, Деникин и Романовский. 1200-верстный поход был совершен отрядом для соединения с генералами Корниловым и Алексеевым. Корнилов был убит, а Алексеев был тут, но он стоял, отступя впереди его стоящих Деникина и Романовского, показывая этим, что вся полнота власти в Добровольческой армии перешла в их руки. На прибывший отряд это произвело тягостное впечатление, точно пустота образовалась в сердцах, точно кто-то любимый и родной покидал их.

В Мечетинской, в собрании, в честь пришедшего Дроздовского был устроен обед, много говорилось речей, иногда слышалась в них искренняя радость, но лучшее слово принадлежало генералу Алексееву; его речь заканчивалась словами: «Мы были одни, но далеко в Румынии, в Яссах, билось русское сердце полковника Дроздовского, бились сердца пришедших с ним к нам на помощь. Вы влили в нас новые силы».

Соединившись с Добровольческой армией, отряд стал в станице Егорлыцкой и получил название 3-й дивизии под командованием полковника Дроздовского^[114].

Тут необходимо заметить, что нездоровая атмосфера интриг и сплетен, возглавляемая генералом Романовским штаба Добровольческой армии, не могла равнодушно отнестись к появлению полковника Дроздовского, молодого, энергичного, умного, окруженного его отрядом, людьми, совершившими с ним поход, обожавшими своего командира. Завистливое недоброжелательство, страх конкуренции, а помимо того и личная антипатия генерала Романовского дали себя вскоре знать чуждому интриг, честному и прямому Дроздовскому. Каждый шаг, каждая даже маленькая ошибка критиковались, ставились в вину и вскоре вооружили против него генерала Деникина^[115]. Второй Кубанский поход начался 10 июня 1918 года. В центре наступающих войск находилась 3-я дивизия, с левого фланга шла конница Эрдели, с правого – генерала Боровского^[116].

После непродолжительного боя под Лежанкой Добровольческая армия двинулась на Белую Глину. Здесь, в бою был убит полковник Жебрак, смерть которого была большим лишением для Дроздовского. Лучшие бойцы уходили; редели ряды. Далее была взята Тихорецкая и, наконец, Екатеринодар.

После отдыха в Екатеринодаре Добровольческая армия была разделена на группы. 3-й дивизии было дано задание взять Армавир: но, ведя бои с 16 августа, дивизия была крайне утомлена, отсутствие своевременного подкрепления принудили Дроздовского оставить уже занятый им Армавир. Эта неудачная операция вызвала крайнее недовольство генерала Деникина, выразившееся публичным выговором за медлительность действий и отмену его приказаний^[117].

На этот выговор Дроздовский ответил следующим пространством рапортом:

[От] начальника
3-й дивизии
Добровольческой армии
Командующему армией
27 сентября 1918 г.
№ 027

Станция Кубанская

РАПОРТ

С самого начала Армавирской операции, с того дня, когда началось продвижение южнее Отрада-Кубанская, я высказывал Вам опасения за свой правый фланг, являющийся все время большим местом, так как 1-я конная дивизия не в силах была продвигаться наравне со мною, я же сам не имел сил и возможности одновременно вести операцию по овладению Армавиром и обеспечивать дивизию от глубокого обхода со стороны группы Матвеева. До тех пор при ведении боевых действий я не считал нужным ссылаться ни разу на многочисленность врага, и эта сдержанность донесений об успехах, быть может, и создала неверное представление об их легкости.

Но уже с 1 сентября я счел необходимым доносить, что против меня очень большие силы, дерущиеся очень упорно; доносить также, что большие потери и сильная усталость, тогда еще некоторых только частей, вызывают необходимость подкреплений, в чем, однако, мне было отказано, несмотря на наличие резервов.

Угрожаемый с обоих флангов охватами многочисленного противника, я боями 2 и 3 сентября эту непосредственную угрозу ликвидировал и, пользуясь результатами Невинномысской операции генерала Боровского, продолжал наступление к Армавиру. По занятии Отрада-Кубанская я получил телеграмму начальника штаба от Вашего имени о медлительности действий (Телеграмма № 01270), являвшейся первым совершенно незаслуженным упреком – за эти дни было сделано все, что было в силах дивизии, но работу ее можно было верно оценить только на месте.

Именно, не желая отдавать врагу раз уже захваченное, да еще важный пункт, я считал овладение Армавиром делом преждевременным и рискованным до тех пор, пока продвижение 1-й конной дивизии не распутало бы Михайловский узел. События показали, что последняя задача была непосильна для конной дивизии; в то же время, при активности врага (а с ней армия уже знакомилась) обезврежение Михайловской группы было условием обязательным для прочного удержания Армавира, или же необходимо было увеличить мои силы.

Свои соображения я дважды Вам доносил 5-го сентября (телеграммы № 69/Б и Д/322). Не получая ответа, видя, что моим донесениям не придается никакого значения, я был поставлен перед Армавиром в тяжелое положение: сознавая ясно рискованность операции по овладению этим городом, трудность его потом удержать, я вынужден был атаковать, так как противник, после неудачного для него ночного дела 5/6 начал вновь подготавливаться к переходу в наступление. Армавир был взят штурмом, опять с довольно значительными потерями, а по взятии его я вновь донес свои опасения за тыл – эти донесения также были оставлены без внимания (телеграммы № 329, 74/Б и 78/Б).

Сильно выдвинутая клином дивизия, занимавшая Армавир, была подвержена ударам глубоко в тыл, но с 6-го по 11-е сентября я не получил ни помощи, ни обеспечения с этой стороны. Если бы отряд полковника Тимановского^[118] дан был мне 6-го или 7-го и тогда же даны были те пополнения, которые я получил лишь 12 и 14-го – судьба Армавира несомненно была бы иная: подкрепление в момент успеха – громадная сила!

Уже 10-го и 11-го определилось намерение противника совершить глубокий обход совместно с ударом вдоль железнодорожной линии Курганная – Армавир, а в это время я получил директиву продолжать наступление между Урупом и Кубанью...

11 сентября я получил телеграмму, что в Кубанскую высылается батальон (?) 1-го Офицерского полка; но в каком составе и к какому времени сосредоточится на станцию Кубанская, что прежде всего обязан был сообщить мне штаб – не было сказано ни слова.

Еще утром рано я послал телеграмму Командиру батальона по прибытии в Кубанскую вести наступление вдоль Владикавказской железной дороги, чтобы совместно с конным полком и моим правым флангом разбить обходящую с севера колонну противника; получил от него в 12 часов 30 минут донесение, что он прошел через Гулькевичи и что у него 2 роты – 370 штыков! 12 сентября, весь день противник ведет упорные атаки с юго-запада, запада и севера, и очень скоро перерезает железную дорогу; контратаками резервов на правом фланге нам удалось было отбросить противника и очистить полотно железной дороги севернее Армавира, но под давлением новых значительных сил пришлось отойти. К темноте новая большая колонна неприятеля обложила город уже и с юга, от берега Урупа, построив таким образом сплошной фронт до Кубани, и начала сближение для атаки на следующий день. Учитывая настроение войск, наличие всего трех рот резерва, не видя весь день и не считая уже возможным помощь с севера от упомянутых выше слабых сил 1-го полка, я не считал возможным продолжать 13-го оборонительный бой на столь растянутом фронте (более 12 верст), так как прорыв противника в город или к мосту повлек бы гибельные последствия и панический отход; решив удержать в своих руках часть города, я остальные силы увел в Прочноокопскую. Ваше Превосходительство, не имея возможности оценить обстановку на месте, признали отвод части сил преждевременным, я же, наблюдая вплотную все элементы, предпочел сделать это вынужденное сокращение фронта спокойно и в полном порядке без потерь, нежели ждать следующего утра, чтобы очистить Армавир при таких же обстоятельствах, при каких он был очищен в первый раз.

Только 14-го около 11 часов я получил в Прочноокопской донесение полковника Тимановского, пересланное с офицером для связи, что он начал подход к станции Кубанской, имея два батальона, два орудия и три сотни (всего до 1400 бойцов), поступает в мое распоряжение и по окончании и сосредоточения предполагает атаку. До получения Ваших приказаний я рассчитывал 13-го и 14-го дать частям совершенно необходимый им отдых, влить пополнения, заменить убывший командный состав, то есть выполнить те мероприятия, что необходимы для подъема моральных и материальных сил части. Не эти, однако, соображения, как бы они важны ни были, но полная физическая невозможность произвести своевременную перегруппировку и сосредоточение для совместной атаки противника с батальонами полковника Тимановского вынудили меня немедленно ответить ему, чтобы он 13-го в бой не ввязывался, дабы атаковать не отдельно, а совместно. Вы прислали мне резкую телеграмму, обвиняя меня в отмене Вашего приказания, но это неверно, ибо приказания Вашего я не мог отменить, так как о нем мне ровно ничего не было известно. Полковник Тимановский донес мне только, что он поступает в мое распоряжение, Ваша телеграмма 14-го была показана

полковнику Тимановскому, который ответил, что такого приказа атаковать во что бы то ни стало 13-го он не получал. Последствия этой атаки доказали, что моя оценка обстановки была верной, так как по причине трудности связи мое приказание не ввязываться самостоятельно в бой запоздало и части полковника Тимановского, имев первоначально успех, были вскоре вынуждены к отходу, понеся чувствительные потери. Итак, приказания Вашего я не отменял, но отдал то распоряжение, не прошедшее случайно в жизнь, которое вызывалось обстановкой и необходимостью которого теперь для всех стала очевидной.

Я считал необходимым дать частям хотя бы сутки полного отдыха, который имел в виду использовать на влитие до 700 человек пополнений. Однако Вы приказали атаковать непременно 14-го. Я атаковал. Вел упорный бой, понес тяжелые потери и потерпел неудачу...

Не буду останавливаться на Михайловской операции, так как ответил достаточно подробно телеграммой, повторю только, что выговор был сделан безо всякой вины, ибо директивы (т. е. распоряжения, указывающие основную идею, но не способ выполнения) я не изменял, но, вынужденный обстоятельствами изменить путь следования и пункт сосредоточения, из этого последнего предпринял операцию, завершившуюся согласно Вашего желания глубоким обходом противника и атакою его со стороны Курганной.

С 16 августа дивизия вела целый месяц почти непрерывные бои, понесла около 1800 человек потерь (без 1-го Офицерского полка), т. е. больше 75 % своего первоначального состава^[119], одержала целый ряд успехов, но в последних неудачных кровопролитных боях при выполнении непосильных задач свела на нет все предыдущие успехи и достигла в конечном результате только одного – подняла моральное состояние врага, увидевшего, что он может успешно сопротивляться, и понизила свой собственный дух, потеряв веру в несокрушимость своих атак. В Самурском полку на почве неудач и утомления появилось много перебежчиков, чего раньше совершенно не было, и сейчас этот полк уже не внушает мне доверия – над ним необходима большая работа.

Я не «жаловался», как в Вашей телеграмме были названы мои доклады о положении дел. Выражаясь словами Суворова^[120] ближнему по его близости лучше видно», я оценивал правильно свои силы, переоцениваемые штабом армии, и силы противника, недооцениваемые им. В результате этих условий я ясно видел слишком большую вероятность неудачи и если сама по себе неудача, как таковая, везде тяжела, то для нашей армии последствия ее много тяжелее: большевикам гораздо легче потерять тысячу человек, чем нам сто. Укомплектования поступают крайне туго, кроме того неудачный бой – это потеря оружия, пулеметов, пополнения которых из армии мы почти не видим (за два месяца дивизия получила 300 винтовок). Строевые начальники обязаны дрожать над каждым человеком, над каждой винтовкой, иначе они останутся без войск, и если опасны слишком дорогостоящие победы, то неудачи могут стоить армии. Впереди же, кроме освобождения Кубани, армии предстоит много более широкая задача – с чем пойдет она ее решать?

И тем не менее, как тяжело ни складывалась обстановка в дивизии, я похоронил бы в себе всю тяжесть опасений за исход операции и ее последствия, если бы не видел иного, находившегося всецело в Ваших руках выхода из положения. Например, в бою под Белой Глиной я скрыл от Вас то крайне тяжелое положение, в котором оказалась дивизия, так как знал, что Вы уже

ничем помочь мне не могли, под Усть-Лабой, когда положение одно время было очень серьезно, я также не доносил Вам всего – тогда я считал вредным для дела беспокоить Вас, ибо резерв, бывший в Вашем распоряжении, нужно было хранить для более опасного направления.

Но в Армавирской операции дело обстояло совершенно иначе. Задача, возложенная на дивизию, не соответствовала ее силам, неудача была весьма вероятна. Между тем я знал, что в то время, когда утомленная дивизия истекала кровью в непрерывных тяжелых боях, два сильных и свежих полка оставались в резерве, свободные от прямой задачи – борьбы с большевиками. В то же время я видел возможность достигнуть несомненных успехов, собрав кулак из главной массы армии путем подтягивания всех наличных резервов и усиления ударной группы за счет временного ослабления других фронтов, чтобы рядом последовательных, действительно сокрушительных ударов уничтожить раздельные группы врага. И как ни дорого нам время, но всегда считал, что лучше на два дня позже победить, нежели дать бой на два дня раньше и потерпеть неудачу.

Вот почему, находясь все время среди войск, видя большую вероятность неуспеха не предписанной мне операции и сознавая в то же время возможность полной удачи при иной группировке сил, я считал своим долгом настойчиво и выпукло, в то же время совершенно точно, без преувеличений очерчивать в своих донесениях действительную обстановку в дивизии. К сожалению, моим докладам не было оказано того доверия, которое я заслужил своей безукоризненной репутацией на войне и своим историческим походом.

Жаловаться же я не привык и никогда не жаловался ни на какие опасности и лишения более, чем за пять лет, проведенных мною на двух последних войнах. А если иные начальники иначе доносили, то это их дело и их ответственность (хотя донесения одного из начальников дивизии были аналогичны моим), но захлебнувшееся наше наступление на всех главных фронтах армии и последние неудачи во всех дивизиях доказывают, на мой взгляд, правильность моих действий.

Перейдя к вопросу собственно о выговоре, я позволю себе напомнить следующее.

Ко времени присоединения моего отряда к Добровольческой армии состояние ее было бесконечно тяжело – это хорошо известно всем. Я привел с собою около 2 тысяч человек, прекрасно вооруженных и снаряженных с большой артиллерией, броневиками, аэропланами (один готовый), автомобилями, радиотелеграфом, дал армии более 8 тысяч снарядов, 200 тысяч патронов, более 1000 винтовок (перечисляю главнейшее). Учитывая не только численность, но и техническое оборудование и снабжение отряда, можно смело сказать, что он равнялся силою армии, причем дух его был очень высок и жила вера в успех.

В истощенный организм была влита новая свежая кровь.

Я не являлся подчиненным исполнителем чужой воли, только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным усилением. Все, стоявшие в Яссах у дела формирования добровольческих частей, отреклись от них, настаивали на роспуске и разоружены, называли мой поход безумием и авантюрой, подстрекали моих подчиненных к оставлению рядов. Я один имел смелость поставить себе целью этот поход, силу воли – довести дело

до успешного конца и умение выполнить его среди многих опасностей и политических осложнений.

От разных лиц, среди которых есть и теперь играющие крупную роль в общем ходе событий^[121], я получал предложения не присоединиться к армии, которую считали умирающей, но заменить ее. Агентура моя на юге России была так хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельным начальником, то Добровольческая армия не получила бы и пятой части тех укомплектований, которые хлынули потом на Дон. Всем известная честность моих намерений и преданность делу России обеспечивали бы мне успех развертывания. Но, считая преступлением разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного честолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы. Правда, я тогда был далек от мысли, чтобы штаб вверенной Вам армии мог позволить себе такое отношение ко мне, с коим пришлось познакомиться последние два месяца (не исключая инсинуаций и клеветы, чему имею факты и, если угодно, доложу). Присоединение моего отряда дало возможность начать наступление, открывшее для армии победную эру. И невзирая на эту исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, пришедшему и к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения, не задумались нанести оскорбление человеку, отдавшему все силы, всю энергию и знания на дело спасения родины, а в частности и вверенной Вам армии.

Мне не придется краснеть за этот выговор, ибо вся армия знает, что я сделал для ее побед.

Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России. Я давно бы оставил ряды Добровольческой армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не боязнь передать в чужие руки созданное мной.

Не могу не коснуться еще одного вопроса, который не имеет прямого отношения к содержанию этого рапорта, но очень болезненно отражается на духе войск. За последнее время к частям предъявлялись крайне повышенные боевые требования, ставились тяжелые задачи: «во что бы то ни стало», «минуя все препятствия». И не имея достаточно средств у войска, ценою больших жертв, по мере возможности, выполняли свои задачи. Но если признано возможным предъявлять строевым частям такие требования, которые нередко превышают их силы, почему же к органам, обслуживающим и снабжающим армию, не предъявляют таких повышенных требований. Почему от них не требуется исключительной энергии, исключительных знаний, исключительной изобретательности и работоспособности. Мы по-прежнему испытываем крайнюю нужду в снарядах и патронах и за недостаток их платим кровью; недостает обмундирования и сапог. Состояние санитарной части ужасно – засыпан жалобами на отсутствие ухода, небрежность врачей, плохую пищу, грязь и беспорядок в госпиталях. Проверьте количество ампутаций после легких ранений – результаты заражения крови, что при современном состоянии хирургии является делом преступным; в моей дивизии за последнее

время целый ряд офицеров с легкими ранами подверглись ампутации или умерли от заражения крови. Врачи остаются безнаказанными, мне известен случай занесения заразы при перевязке в госпитале; за это врач был только переведен на фронт. Я доносил Вам о смерти штабс-капитана Ляхницкого из-за небрежности врача; он остался безнаказанным. Стон идет от жалоб на санитарную часть, но никто за это не отвечает. А когда приходится знакомиться с жизнью и работой довольствующих органов армии – поражаешься этой рутинной, бумажностью, презрительным, индифферентным отношением к войскам. Если исключительное напряжение в работе требуется от войск, так пусть же такую же энергию проявят те органы, которые их обслуживают и сами дани крови не несут.

Великая русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить.

Неужели и Добровольческая армия потерпит крушение по тем же причинам?

Полковник Дроздовский.

Этот рапорт был возвращен Дроздовскому с надписью: «Главкомандующий прочитал и пожелал» – подпись – «Генерал Романовский»^[122].

Такое возвращение рапорта было ярким показателем власти и влияния Романовского на Главкомандующего.

Деникин был плоть от плоти штабной генерал, рутинный, привыкший к тыловой спокойной работе^[123]. Он диктовал свои приказы начальнику штаба; тот их препровождал, и приказы кем-то исполнялись. Все проходило через руки начальника штаба, в данном случае генерала Романовского, которому Деникин беспредельно верил, которого любил и на все смотрел его глазами, не проверяя и не критикуя: Романовский же докладывал то, что находил нужным. Докладывая, освещал вопрос, придавая ту или иную окраску, а часть прятал под сукно. Таким образом, от Главкомандующего ускользало очень многое, многого он совсем не знал, а многое доходило до него в искаженном виде. Характер же Романовского достаточно известен: злобный, завистливый, честолюбивый, не гнушавшийся средствами для поддержания своей власти и влияния – он «убирал» с пути своего опасных для него людей.

Возвратив рапорт Дроздовскому, вероятно не доложив даже о нем Деникину, Романовский громко заявлял о чрезмерной нервности Дроздовского и о необходимости отправить его в продолжительный отпуск. Так, однажды такой разговор зашел в присутствии генерала С., который возразил, что Дроздовского вряд ли можно будет уговорить взять отпуск в такое боевое время. Наступала пора боев за овладение очень важных пунктов для Добровольческой армии. Тогда тот же генерал предложил довольно ехидную комбинацию: ежели Дроздовский как начальник дивизии плох, быть может, ему предложить поменяться – генерал Романовский может занять его место, а Дроздовского назначить начальником штаба. Романовский немного смутился, но потом ответил, что он не отказывается; Деникин спас положение, заявив, что без Романовского он остаться не может.

После занятия Армавира 3-я дивизия была направлена на овладение Ставрополем; здесь, в бою 31 октября, Дроздовский был ранен в ногу и эвакуирован в Екатеринодар. Это легкое пулевое ранение потребовало почему-то восьми операций. . . Невольно вспоминаются те строки рапорта Дроздовского, где говорится о небрежности врачей, их безнаказанности и грязи в госпиталях, дающих массовые заражения крови.

8 ноября Дроздовский был произведен в генерал-майоры по Статуту (Георгиевский крест) – только такое производство он признал для себя приемлемым. К концу ноября безна-

дежное положение Михаила Гордеевича побудило принимавших участие в походе его из Ясс на Дон – увековечить память об этом установлением особой медали. По этому поводу Деникин издал особый приказ от 25 ноября (см. приложение 4) 1918 г.

В декабре Дроздовскому была ампутирована нога, но облегчения не наступало. Тогда 26 декабря он был в полубессознательном состоянии перевезен в Ростов в клинику Напалкова^[124]. Еще в Екатеринодаре, когда ранение осложнилось, окружавшие Дроздовского уговаривали его переехать в Ростов в клинику профессора Напалкова, но эти уговоры были тщетны. Он говорил, что в такой клинике место тяжело раненым, и он, со своим пустяшным ранением, не желает отнимать места у других.

Однако все старания профессоров Напалкова и Игнатовского^[125], а также образцового медицинского персонала были бессильны помочь страдальцу.

Вечером 1 января 1919 года Михаил Гордеевич Дроздовский скончался.

Два месяца тянулось заражение крови, поговаривали о тифе, о систематическом медленном отравлении, во всяком случае, почему произошло заражение крови – осталось загадкой, таинственной и необъяснимой^[126].

Врач Плоткин^[127], пользовавший в Екатеринодаре Дроздовского, остался безнаказанным, его даже не спросили историю болезни Дроздовского; никто не поинтересовался узнать первопричину заражения. Этот врач вскоре уехал за границу с какой-то миссией.

Так друзьям Дроздовского и не пришлось уговаривать его взять отпуск – он был «убран» с пути Романовского.

Деникиным по поводу смерти Дроздовского^[128] был издан приказ, перечислявший все этапы его славной боевой деятельности, кончавшийся словами: «Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека». В память покойного Деникин приказал одному из созданных Дроздовским полков впредь именоваться «2-м Офицерским генерала Дроздовского полком», а впоследствии вся 3-я дивизия получила наименование «Дроздовской».

Приложения

Приложение 1 Отрывки из писем и дневников (1915–1918)

1915 год (27-й армейский корпус)^[129]

1 февраля

Управления нет – ряд несогласованных, иногда противоречивых, ежечасно меняющихся, отдельных приказаний корпусам, полная неразбериха, сумбур. Роль Сиверса^[130] жалкая и преступная; не успеваешь передать одно распоряжение, как оно требует отмены. О 20-м корпусе, положении его дивизии, добиться нельзя. Кратко – дикий хаос, делается нечто непостижимое.

2 февраля

Войска в тяжелом состоянии, Августово, Горчица в немецких руках. Штаб бежит в Минск.

6 февраля

Сегодня ночью было донесение одного бежавшего казака о разъездах немцев в Нов. Дворе, паническое настроение командира и некоторых штабных. Я командирован. Наконец спокойствие, ночь спал спокойно, по-походному, спокойное настроение в Аккерманском полку^[131]. Слава Богу, не в паническом штабе.

8 февраля

Меня вытребовал обратно штаб, куда прибыл в 6 вечера. Вести, что 20-й корпус окружен у Богатыря и пробивается по направлению к востоку. 64-я дивизия страшно медлит – приказ получили еще ночью, а днем часов около 4–5 спрашивают Добрынина, что задача непонята. Явно не особенное желание вперед, командир корпуса сидит в штабе и никакого участия. Ночью сведения от казаков о сдаче корпуса, думаю, что неверно, но начальство на этом основании останавливает наступление.

14 февраля

64 дивизия опять ничего не делает и ночью не атакует, все препирается, что не знает. Нахлобучка Жданке^[132] непосредственно. Завтра 5 утра атака.

15 февраля

Доменчаны не взяты, конечно, канонады не было слышно. Начальник дивизии сидит у себя, командир корпуса у себя, их ничто не касается.

16 февраля

Отход немцев. Наше наступление. Комедия выезда нашего штаба вперед – для начальства. Все управление только проволока, не показывает войскам никакого личного воздействия. Войска командира корпуса не знают и после бегства не уважают. Отъезд Лашкевича^[133] из Августова, я обвинил его в трусости, он спросил только: «Это Ваше личное мнение?» Солдаты грабят, есть свидетели, а Гернгросс^[134] бездействует.

18 февраля

В первый раз читал распоряжения по 6-й и 8-й армиям. Кошмарная бессмыслица: «во что бы то ни стало», «с полным напряжением сил, энергично, решительно, безотлагательно». И чем больше слов, тем меньше дела. Приказания не слушают, слова потеряли силу. Бегство роты.

22 февраля

В 12 часов прибыл в Красностокский монастырь. Связи нет, страшное расстояние до штаба корпуса, нехватка провода, скандал. Из обеих дивизий спрашивают, отчего наш штаб так далеко? Связь установилась только в 23 с половиною ночи. Если бы удар немцев – была бы катастрофа. Но в чем же главные заботы Гернгросса, его интересы: почта, обеды и отпуск.

23 февраля

Наблюдал шедший Аккерманский полк: вид апатичный, понурый, общие жалобы на усталость, нервы развинчены. Части действительно не укомплектованы, полки – это батальоны, люди устали и энергии у них нет, их боевая работа была долгая и без отдыха, и затрудняюсь обвинять их за отсутствие порыва, тем более что со стороны генералитета никакого примера. Но факт налицо – задач не сделали, потому что не хотели; все выжидали – авось противник уйдет, не было желанья отрезать, охватить. При таком положении трудно чего-нибудь добиться.

Штаб в Минске – его продолжают спрашивать, почему так далеко. Перестрелка на фронте не слишком сильна. Действительно, артиллерийский огонь с обеих сторон очень редкий и, кажется, безрезультатный. В итоге это стояние и больше крови стоит и больше утомляет – двое суток люди не знают отдыха под крышей, морозы крепкие, градусов до 10–12 ночью. Резервы еще ничего, повырыли себе землянок в виде крысиных нор. Кстати, об укреплениях – все время доносили о силе укреплений Минска – все оказалось вздором – редкие и паршивенькие окопчики, и вот так всегда врут, врут и врут...

24 февраля, Минск

Наши части не движутся никак – нынче все на месте. Говорил с Гернгроссом о пушках, ответил, что он отлично это знает, сам применял, но для этого нужны решительные начальники, способные решиться на такие меры (!). Возразил ему, что если начальники дивизий не решатся – так можно им приказать – ответил мне, что они не послушаются. Если они категорических приказаний о движении вперед не исполняют, то неужели же решатся на выдвигенье пушек. Я указал, что можно приказать и проверить посылкой доверенных лиц. Однако решительный начальник решительно отказался от какого-либо воздействия. Будем, значит, по-прежнему стоять, пока немцам не заблагорассудится уйти или нанести новый удар.

4 марта

Сейчас у нас плохие условия расквартирования. Милое начальство не посмотрело. Даже не объехали войск и не поблагодарили за службу!! Зато приехали жены...

8 марта

Штаб в Сопочкино. Скоро полночь, а приказа нет. Добрынин возмущается и негодует, что войскам неудобно. Белыми нитками шьет, хорошо он известен, удобства войск и их жизнь для него прошлогодний снег, много раз доказывал. Его сейчас волнует собственный покой, сон с 11-ти и до 11-ти пропадает – вот и негодование. Пальцем не пошевелинет для войск – прежде

и выше всего покой, безопасность, письма своевременные, а выигрыш и проигрыш войны – не все ли равно, сколько раз это обрисовывалось.

8 марта

Копциево. Гернгросс и Добрынин сильно негодуют, что армия подтянула наш штаб, указав место стоянки – пожалуй, поняли.

2 часа дня. Великое торжество: Перемышль пал.

Помещение в Копциево мало – многое сожжено, этапа нет – пополнения блуждают некормленные. Их вид на походе: приклады кверху, гуськом, группами и, несмотря на шоссе, строя никакого, а люди молодцы, были бы хорошие солдаты.

Вернулся Добрынин, кажется, удалось обезопаситься на будущее время от указаний места для штаба.

12 марта

Сейны. Связь сутки не налаживалась, и ночью из армии приказали подвинуть штаб вперед. Уже второй раз!!

Работа эти дни сумасшедшая. Уговариваю вождей выслать часть в Жубранойцы, оба понимают, но боятся инициативы, когда пришло совсем тревожное донесение вечером – послали наконец 2 батальона. С управлением комедия – Гернгросс безвольная ширма без всякого влияния и желания управлять. Приказы пишет Добрынин, а на другой день их подписывает Гернгросс. Жданко в Краснополе – управление личное и несомненно доблестное; видно и чувствуется порядок в бригаде, артиллерия на месте. Почему же, обладая личным мужеством, что подтверждают знающие его, почему он ничего не делал тогда в феврале, в боях впереди Пашковского моста. Странно...

13 марта

Сейны. Опять на правом фланге неладно, опять бежит 56-я дивизия, так называемый 3-й корпус. Ничего нельзя рассчитывать, ни на что решиться с такой нестойкостью. Генералы доводят до белого каления, и без них несладко, а они предсказывают всякие бедствия, отход и т. д.; это непрерывное карканье и настоящее причитание изводит; и это начальники, которые должны ободрять, подавать примеры бодрости, и пальма первенства принадлежит Добрынину, такому, по его словам, решительному и спокойному воину. Малейшая тень неудачи – и он уже разрисовывает самые мрачные картины.

16 марта

Тяжелая ночь. С вечера немцы перешли вновь в наступление. Силы, очевидно, у них невелики, днем не очень рискуют – у нас много артиллерии. К вечеру немцы лезут с превеликою дерзостью, очевидно, ясно зная, что наши части ночью не стоят ровно ничего.

Отдали Краснополе, наши бежали, оставили массу пленных. Собирали здесь, в Сейнах, беженцев; ротами и командами отправляли их назад. Опять приказали отбирать Краснополе, но нуль результатов, не идет никак, не выдерживают артиллерии немцев.

Возле Сейн, впереди костела рвутся тяжелые снаряды, Гернгросс страшно нервничает и злит меня, – неужели нельзя побольше владеть собою – считает чуть не каждый разрыв. Рвутся шагах в 500 от нашего штаба.

17 марта

Аккерманцы все время делают попытки удирать – донесение Пивоварова^[135] «впечатлительность аккерманцев необычайна, возникает вопрос о их боеспособности». У нас в штабе опасения, чтобы мы не отдали позицию, общее мнение не атаковать, а лишь удерживаться, тоже генералы... Телеграмма Дубинина – приказ о наступлении, мое предложение прямо ответить, что не можем, будем только обороняться. Добрынин согласился вполне, что ничего не выйдет, но так ответить не решался, так как «кто говорит правду – теряет», пусть с нашей стороны это будет очковитительство, все равно... Я ему говорил, что приказывать, заранее зная, что не исполнят – разврат. Он согласился, и однако... В 5 часов утра назначено наступление.

18 марта

Неожиданный успех. Чему приписать? Конечно, достоинству Пороховщикова^[136] и Пивоварова, артиллерии, которая работала под искусным управлением Штакельберга^[137]. Работать им было ужасно тяжело.

Успех развит очень не был, трофеи: два пулемета, около 200 пленных, ибо 2-й корпус почти не помогал, во-первых, запоздал с наступлением часа на 4, во-вторых, шел без энергии. Впоследствии он отошел, обнажив правый фланг, наши глазовцы^[138] тоже драгнули, наконец пришел Донской^[139] – прибыл настоящий полк.

Добрынин делает вид, что он герой дня, что это он по размышлению так сосредоточил артиллерию. Смешно – вот уж, как младенец, не повинен ни в чем.

Успех вышел вообще случайным и без последствий – спасибо и на том, все же может дать хоть некоторый подъем.

К вечеру вполне выяснилось, что главное сделала артиллерия, пехота, так сказать, пожала плоды, а на дальнейшее сил не хватило, наступать, вести бой – энергии не было.

Неприятель ушел отсюда сравнительно чисто.

11 июля

Прошлое лето и осень, я пережил бесконечные душевные муки и великую драму, но теперь я чувствую почти торжество – у нас ряд побед. Отношение к событиям войны царит в моей душе над всеми эгоистическими интересами. С самого начала войны судьба заставляет меня быть в самой неинтересной обстановке, на самых скучных или пассивных фронтах, в подчинении и зависимости от лиц, коим не свершить никогда ничего светлого. Сейчас блеснул луч надежды; опять в поход; посмотрим, что день грядущий нам готовит...

1917 год

28 марта

Ведь я – офицер, не могу быть трусом, несомненно, что нетрудно было бы поплыть по течению и заняться ловлей рыбки в мутной воде революции, ни одной минуты не сомневался бы в успехе, ибо слишком хорошо изучил я людскую породу и природу толпы. Но изучивши их, я слишком привык их презирать, и мне невозможно было бы поступиться своей гордостью ради выгод.

7 апреля

Вчера я получил полк в своей дивизии. Еще так недавно я чувствовал бы себя на седьмом небе, теперь же, какая это радость? – это непосильный крест.

16 апреля

С души воротит, читая газеты и наблюдая, как вчера подававшие всеподданнейшие адреса, сегодня пресмыкаются перед чернью. Мне сейчас тяжело служить; ведь моя спина не так гибка и я не так малодушен, как большинство наших, и я никак не могу удержаться, чтобы чуть не на всех перекрестках высказывать все свое пренебрежение к пресловутым «советам»: Армия наша постепенно умирает.

28 апреля

У меня положение в полку становится очень острое. Можно жить хорошо только до тех пор, пока всем во всем потакаешь, ну а я не могу. Конечно, было бы проще оставить все, проще, но и не честно. Вчера наговорил несколько горьких истин одной из рот, те возмутились, обозлились. Мне передавали, что хотят «разорвать меня на клочки». Но кажется, краски сгущены, к чему непременно на «клички», когда вполне достаточно на две равные части, как-никак, а быть может, придется испытать несладкие минуты. Кругом наблюдаешь, как у лучшего элемента опускаются руки в этой бесполезной борьбе. Образ смерти является всем избавлением, желанным выходом.

27 июня

На днях придется нам идти в бой, мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших «свободных граждан», свободных от чувства долга и доблести.

10 августа

11 июля у нас была атака; вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, невзирая на то, что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30–31 июля и 1–2 августа снова были тяжелые бои; наступали немцы в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. Еще 31-го было нечто вроде боя, нечто вроде сопротивления, мы частью отстаивали свои позиции, но уже 1 августа разразился скандал, – поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди заборов, домов и виноградников. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому позиция была удержана и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось приведу их в порядок; они уже начинают чувствовать мое давление. Конечно, может и сорваться.

24 ноября

За последние дни произошли такие события, что окончательно опустились руки – эти кустарные мирные переговоры, созданные кучкой немецких шпионов и осуществленные давлением слепой стихийной массы, – dokonчили все^[140]. Сами по себе, своими силами, мы уже вернуться к войне не можем, даже хотя бы к оборонительной, ввиду абсолютного разложения армии. Почетного мира для нас уже не будет. Насколько я ориентирован – нет никаких надежд извне. Все это развязывает руки. Тотчас по получении распоряжений о перемирии я поехал в Яссы, ничего еще определенного не знаю – события начинают принимать слишком острый характер; хотя кругом все так запутано, так темно, что трудно разобраться – в стороне же от

событий я не останусь. Пока помимо моей воли назначен начальником 14-й дивизии. Настроение тяжелое – эти переговоры о мире точно публичная пощечина, от оскорбленной гордости некуда уйти, негде спрятаться. Сердце отравлено ядом.

Еще 20-го получил Георгиевский крест по давнишнему представлению – единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, нисколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика... От жизни страны, от всего, что делается внутри ея, мы отрезаны почти совсем, не получаем почты и газет.

6 декабря

У нас на фронте все уже доходит до последнего предела развала, и я уже ни с чем не борюсь, ибо это совершенно бесполезно, – просто наблюдаю события. Как счастливы те люди, которые не знают патриотизма, которые никогда не знали ни национальной гордости, ни национальной чести.

11 декабря

Россия погибла, наступило время ига, неизвестно на сколько времени, это иго горше татарского. Я же принял определенное решение: приехал в Яссы, взял себе отпуск на 5 дней, складываю с себя звание начальника дивизии, на днях принимаюсь за одно очень важное дело, о котором, конечно, писать не могу, почта – дело ненадежное. Во всяком случае, ориентируюсь в политических делах. часто вижусь с иностранцами.

15 декабря

На неопределенное время остаюсь в Яссах, дел очень много. Я вовсе не честолюбив и отнюдь не ради известности среди толпы и не ради ее поклонения пытаюсь взять как можно больше в свои руки. Честолюбие для меня слишком мелко, прежде всего я люблю свою родину и хотел бы ей величия. Ее унижение – унижение и для меня, над этими чувствами я не властен, и пока есть хоть какие-нибудь мечты об улучшении, я должен постараться сделать что-нибудь; не покидают того, кого любишь в минуту несчастья, унижения и отчаянья. Еще другое чувство руководит мною – это борьба за культуру, за нашу русскую культуру.

1918 год. 27 февраля

Одна за другой неудачи преследуют меня, неудачи, в которых я неповинен; отсутствие энергии, апатия, мягкотелость, моральное ничтожество среды, бесталанность и нерешительность кругов, предназначенных судьбой к водительству, – все это губит великое начинание, накладывает на все печать могилы. Усилием воли заставляешь себя продолжать начатую работу и до конца вести борьбу. Начинаю жизнь скитальца. Жалкий обломок прежнего величия, человек, не имеющий родины!

16 мая. Новочеркасск

Я безумно устал, измучился этой вечной борьбой с человеческой тупостью, инертностью, малодушием. Какое постоянное напряжение силы воли, какой гнет ответственности, какая тяжелая, почти безнадежная борьба в поисках успеха. Издерганный, измученный, я перестал быть человеком. Миллион переговоров, вечные поиски денег – этого главного нерва всякого дела, поиски людей. Скоро, вероятно, придется покинуть Новочеркасск, идти дальше по нашему тернистому пути, но в то же время и по пути чести.

20 мая

Я брошен сейчас судьбой в котел политической борьбы, кипящий и бурлящий, судьба выносит меня на гребень волн, и я не могу особенно упираться, так как мне слишком дорога Россия... А что из этого будет – как знать. Подъем или крушение, теперь так трудно что-нибудь угадать, особенно тому, кто не идет на всякие компромиссы.

Ведь теперь, в самом центре борьбы я вполне только понял, как ничтожны, близоруки, бессильны наши общественные деятели и политики, наши имена и авторитеты! Они ничего не понимают, как не понимали до сих пор и ничему не научились. Ведешь с кем-нибудь переговоры и не понимаешь, стоит ли тратить на это время, кто он – деятель или пустое место.

Как это все мне опротивело, все надоело, но повторяю всегда: как часовой, с поста своего я все же не уйду.

18 июля. Екатеринодар

Я весь в борьбе, и пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я уже вижу слабое мерцание солнечных лучей, проникающих через сплошной мрак действительности. Сейчас я маниак, я обрекающий и обреченный...

Приложение 2

Первая бригада русских добровольцев на Румынском фронте

Офицеры и солдаты!

Учредительное Собрание разогнано^[141]. Грабежи и насилия большевиков кровавыми волнами заливают русскую землю. Армии не существует: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положение нашего отечества вызвало необходимость создания добровольческих войск. Приказом по Румынскому фронту № 1344 объявлено о формировании **ПЕРВОЙ ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ**.

Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическими взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины.

Бригада просит штабы, начальствующих лиц и всех офицеров выбрать в частях достойнейших из солдат. При их согласии на перевод в Первую бригаду русских добровольцев необходимо сообщить их фамилии штабу фронта по адресу: Штарум, капитану Генерального штаба Федорову.

При возможности нужно посылать их прямо в Яссы, улица (Страда) Музелор, 24.

Офицеры и солдаты. Вы спешите домой, но там вам не будет ни отдыха, ни покоя. У порогов ваших домов братоубийственная война, внутри их – голод и слезы. Если вам дороги ваши родные очаги, ваши дети, матери, жены и сестры, если мысль о них сжимает ваше сердце – ваше место под знаменем добровольческих войск; хотите их защитить и спасти, – идите к нам в **ПЕРВУЮ ОТДЕЛЬНУЮ БРИГАДУ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ**.

Условия службы в Первой бригаде русских добровольцев.

1) В частях бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует.

2) От поступающих требуется подписка о беспрекословном подчинении начальникам.

3) Содержание офицерам начинается с 200 рублей в месяц, при полном пищевом, вещевом довольствии, солдатам – от 25 рублей в месяц до 100 в зависимости от времени службы, поведения и звания.

4) Производство в чины, награды, ранения, пенсии засчитываются на общих основаниях с армией.

Запись добровольцев производится в Яссах, улица (страда) Музелор, № 24.

На станции Унгени специальный агент для пропуска прибывающих из России.

Приложение 3

Подписка

Я, поступаю добровольно в Национальный корпус русских добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию российской армии, причем за все время пребывания в корпусе обязуюсь:

1) Интересы Родины ставить превыше всех других, как-то – семейных, родственных, имущественных и пр. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, родину, жителей ее без различия классов и партий – и их имущество от всякого на них посягательства.

2) Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3) Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами до применения оружия включительно.

4) Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5) Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям и распоряжениям, не подвергая их обсуждению.

6) Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7) Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8) Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9) Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как-то: теснота, холод, грязь и пр.

10) Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11) Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12) В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени.

(подпись).

(Число, месяц)

1918 г.

Приложение 4 Медаль Дроздовцам

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Добровольческой армией

№ 191

25 ноября 1918 г. г. Екатеринодар

В воздаяние мужества и решимости 1-й бригады русских добровольцев, вышедшей под командой Генерального штаба полковника Дроздовского из Ясс и прибывших, совершив исторический 1200-верстный поход, 25 апреля 1918 г., на Дон на соединение с Добровольческой армией – устанавливаю медаль.

Медалью этой награждаются все действительные участники похода, выступившие из г. Яссы или г. Дубоссары, прибывшие на Дон и отбывшие 6-месячный – подписной срок службы.

Лица, вышедшие из г. Ясс или г. Дубоссар и оставившие ряды названного отряда по случаю ранения, контузии или тяжелой болезни, удостоверенное подлежащим начальством, пользуются правом на награждение медалью наравне с совершившими весь поход при условии возвращения их в дальнейшем в строй 3-й дивизии⁴¹ или Добровольческой армии.

Медали, заслуженные павшими на поле брани, передаются потомству их или ближайшим родственникам для сохранения в памяти их, но без права ношения.

Награжденным медалью выдаются именные удостоверения за подписью лица, пользующегося правами не ниже начальника дивизии с приложением соответствующей казенной печати.

Удостоверения на погибших в боях выдаются тем лицам, коим передается для сохранения в памяти и самая медаль.

Списки лиц, награжденных медалью по представлению их подлежащим начальством, объявляются в приказе Главнокомандующего Добровольческой армией.

Чины армии, виновные в самовольном присвоении и ношении медали, подлежат ответственности по статье 1416. Уложен. о наказ, с усилением наказания по приказу Добровольческой армии от 25 сентября с. г. № 500.

Медаль носится на груди левее всех степеней Георгиевского креста и георгиевской медали и правее всех прочих знаков отличия и медалей.

Приложение: описание медали.

Подлинный подписал

Генерал-лейтенант *Деникин*

⁴¹ Бывшая бригада русских добровольцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ к приказу Главнокомандующего Добровольческой армией № 191

ОПИСАНИЕ

медали, установленной в память похода 1-й бригады русских добровольцев

Медаль устанавливается серебряная, матового цвета, овальной формы и имеет у ушка два скрещенных серебряных же меча. По окраинам медали на лицевой стороне располагаются две ветви: справа дубовая, как символ непоколебимого решения, и слева лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом. На поле этой же стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой, Неделимой Великой России. Фон рисунка – восходящее солнце.

На оборотной стороне медали, на верхней части ее, полукругом по краю выгравировано: «Поход Дроздовцев» и поперек медали: «Яссы – Дон», следующая строка: «1200 верст», затем дата – «26/II– 25/IV 1918» и в последней строчке – фамилия награжденного с инициалами его имени и отчества.

Ширина медали – один дюйм, длина – полтора дюйма. Размер каждого меча – один дюйм.

Начальник штаба Главнокомандующего Добровольческой армией

Генерал-лейтенант *Романовский*

Дежурный генерал

Генерал-майор *Трухачев*

Приложение 5

Россия или комиссария

В мае 1918 года в Ростове появилась статья г. Накатова: «Там и здесь», в которой говорилось о мотивах, заставляющих офицеров Москвы и Петрограда вступать в ряды Красной армии, и об их единомыслии с офицерами Добровольческой армии. Статья эта вызвала большой шум и газетную полемику, в которой принял участие и М.Г. Дроздовский. Его открытое письмо было напечатано в «Приазовском крае». Приводим его здесь полностью.

«Туманом сырым и холодным повеяло от статьи г. Накатова: «Там и здесь». Мы не знаем, от имени каких офицерских кругов Москвы и Петрограда говорит г. Накатов, но мы слишком хорошо знаем все русское офицерство, его достоинства и недостатки, его душу и мозг, его настроения и надежды. И мы удостоверяем, что отнюдь не патриотизм, не стремление к единой и Великой Руси толкнуло офицеров в ряды красногвардейцев и красноармейцев, ибо для всех ясно, что большевизм и именно только советская власть явилась главным, почти единственным фактором расчленения России; большевистские, совершенно неприемлемые формы жизни, проводимые теперь в центре России, оттолкнули от нее области, в которых власть комиссародержавия удалось свергнуть, и что именно поддержкой комиссаров, попытками продлить агонию их власти сильнее вколачиваются расчленяющие Россию клинья, углубляется процесс самоопределения. Смешно искать объединения Руси поддержкой большевизма.

Если, вступая в ряды ленинских воителей, офицеры, внося туда тень порядка, хотя немного продлят агонию умирания красной армии, то этим они совершают одно из роковых преступлений момента.

Оставим лучше красные слова, – их цену мы узнали тяжким опытом; не верим мы также фиговым листкам и не считаем отнюдь ни петроградских, ни московских офицеров – мальчишками несмышлеными, не ведающими, что творят.

И если отдельные, единичные офицеры, вступающие в красные ряды по особым соображениям, которых мы здесь не касаемся, и там творят великое русское дело, то вся масса ленинских офицеров не во имя родины и патриотизма, не в защиту неделимой России пошла туда, а из эгоистических мотивов – сохранить свою жизнь и здоровье от гонений, в поисках, где безопасней, и ради права на сытое и беззаботное, хорошо оплачиваемое житье.

Большевизм – это смертельный яд для всякого государственного организма, и по отношению к комиссарии не остается никакой другой политики, кроме войны или отчуждения. И если они, ваши офицерские круги, г. Накатов, действительно патриоты, так пусть же свергнут и скорее большевистскую власть, установят как угодно правовой порядок и пусть тогда спрашивают: «как веруеши».

Но совсем уже странно сравнение офицеров, идущих под интернациональным красным флагом, с добровольцами, осененными трехцветным знаменем «Всея Руси», которое так дорого нам. Кроме этого знамени у нас не осталось ничего, даже клочка своей земли для наших могил, но тем сильнее наша любовь к нему, тем непреклоннее воля в борьбе. Большевизм лишил нас отечества, народной гордости, и мы объявили ему за то беспощадную борьбу на смерть, а не на жизнь. И пока мы не свергнем власти комиссаров, мы не вложим своего меча в ножны; и если не казачьи пашки скрестятся с красноармейскими, то уж во всяком случае скрестятся с их штыками наши добровольческие штыки; но никогда и никогда не назовем мы большевистское оружие «братским».

Мне хотелось бы, чтобы все ясно поняли мою мысль: пока царствуют комиссары, – нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. – Это наш символ веры.

Не мщение, а государственная необходимость ведет нас по пути борьбы; мы знаем меру ответственности, и если вождям и деятелям большевизма нет ни прощенья, ни пощады, то рядовым борцам, отрекшимся во имя родины от прежних преступных заблуждений, мы найдем место в наших рядах. Пусть забудут они свой мелкий эгоизм, подчинят свои классовые интересы патриотизму, и мы сумеем тогда забыть, как бы то ни было трудно, все перенесенные оскорбления и все испытанные мучения... Через гибель большевизма к возрождению России – вот наш единственный путь, и с него мы не свернем. Кто поддерживает комиссарскую «армию», тот не защищает, а губит Россию, тот враг нам, враг до конца.

Бесполезны здесь лукавые изъяснения – они не обманут никого.

М. Дроздовский

Иллюстрации

М.Г. Дроздовский. Фото разных лет

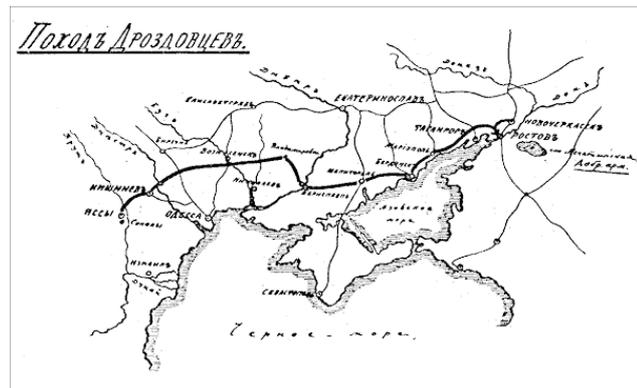
Генерального штаба капитан М.Г. Дроздовский

Генерал-майор А.В. Туркул

Карта Дроздовского похода

Поход дроздовцев. Рисунок А.И. Деникина

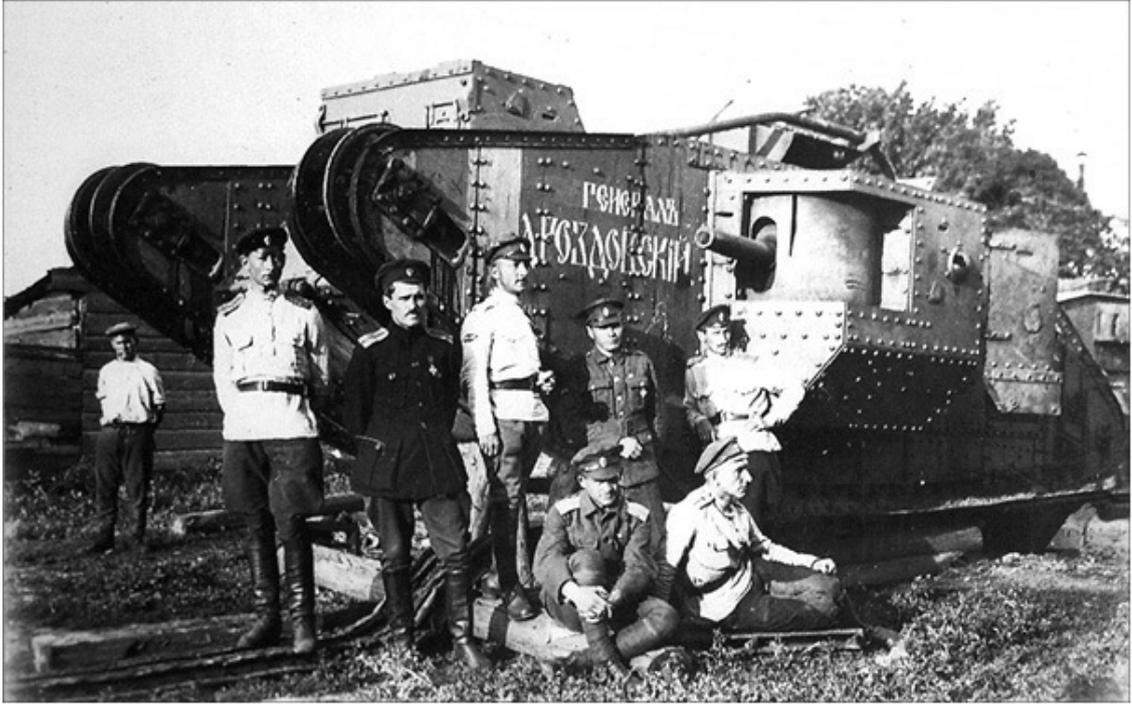
В.В. Манштейн (младший)

Генерал-майор В.Г. Харжевский

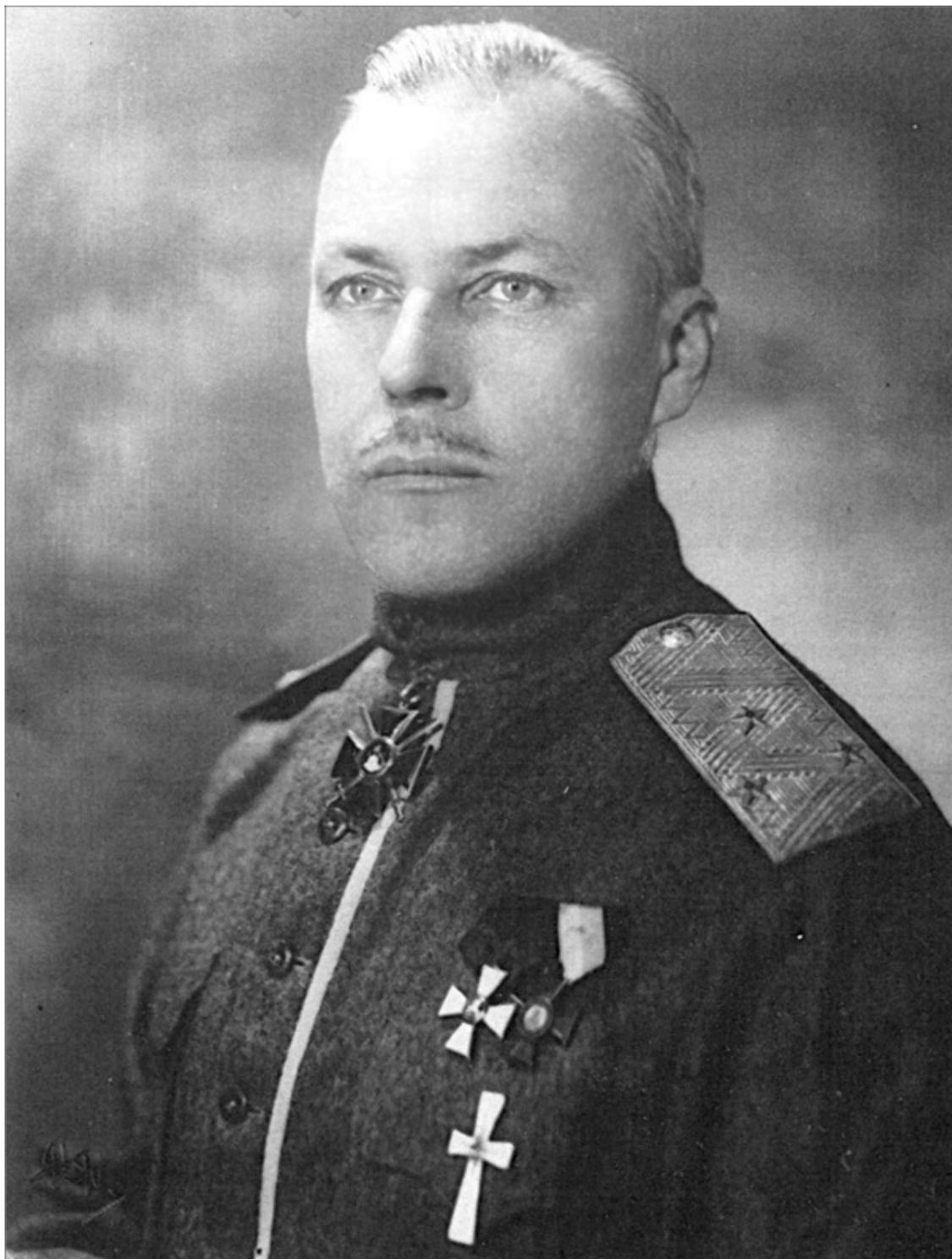
Генерал-лейтенант Н.Д. Невадовский

Команда танка «Генерал Дроздовский»

Сидят (слева направо): А.В. Туркул, П.Н. Эрдман, М.Н. Ползиков, Е.А. Российский, Г.Е. Шведов, М.М. Зинкевич, И.И. Сниткин, К.А. Кельнер. Стоят: поручик Думбадзе, подполковник Червинов, полковник А.Ю. Кривошей, генерал В.В. Манштейн, полковник Кобаров, генерал-майор Л.Л. Илляшевич, С.Н. Власенко, капитан Бровкович, подполковник Федоровский

Генерал-лейтенант В.К. Витковский

М.А. Жебрак

В.В. Манштейн (младший) с соратниками

У штабного вагона 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка на ст. Ворожба. В центре – полковник Руммель, второй слева – полковник Манштейн (старший), второй слева в третьем ряду – капитан Виноградов

Группа дроздовцев. Стоят – подпоручик З. Готград, вольноопределяющийся М. Бородаевский, сидят (слева) – штаб-капитан А. Бородаевский и Н. Заборовская (справа), лежит – В. Лозовская

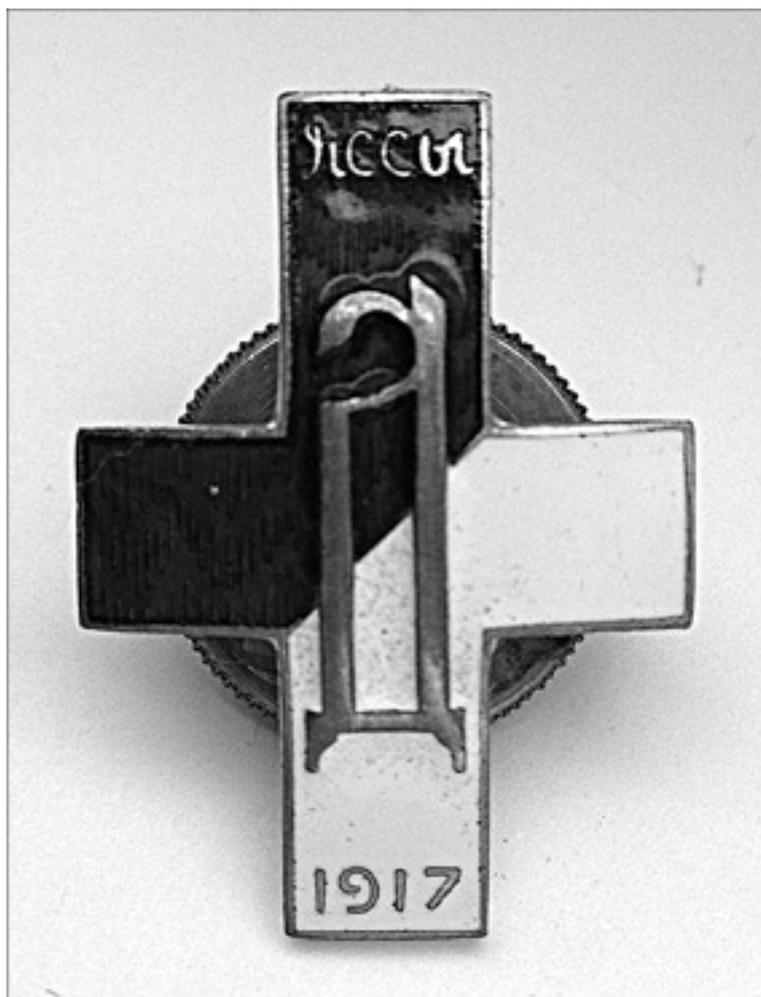
Генерал-мфйор М.Н. Ползиков

М.А. Жебрак с соратниками

Генералы Туркул, Экк, Харжевский и другие у своей палатки в Галлиполи

Нагрудный знак 2-го генерала Дроздовского полка

Памятная медаль участникам Дроздовского похода

Награды М.Г. Дроздовского

Памятник Дроздовскому и дроздовцам на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа

Комментарии

1.

Деникин Антон Иванович (1872–1947). Военный и политический деятель, один из лидеров Белого движения, генерал-лейтенант (1916). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В Первую мировую войну начальник знаменитой 4-й «железной» стрелковой бригады (с сентября 1914), развернутой в августе 1915 г. в дивизию; командир 8-го корпуса (с сентября 1916); помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (с марта 1917); временно исполняющий должность начальника (с апреля) и начальник штаба Главковерха; главнокомандующий армиями Западного (с мая) и Юго-Западного фронтов (с августа). За поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г. отстранен от должности и арестован; находился в заключении в Быхове. Один из организаторов Добровольческой армии в конце 1917 – начале 1918 г. Участник Первого Кубанского похода Добрармии; возглавил армию после гибели генерала Корнилова весной 1918 г. С осени 1918 г. – Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, с июня 1919 г. – заместитель Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. В марте 1920 г. после Военного совета в Севастополе сдал должность Главкома ВСЮР генералу П.Н. Врангелю и выехал за границу. Проживал в Великобритании, Бельгии, Венгрии, Франции, США. В Зарубежье отошел от активной политической жизни, работал над пятитомным изданием «Очерков русской смуты» (1921–1926), воспоминаниями «Старая армия» (1929–1931), автобиографической повестью «Путь русского офицера» (издана в 1953) и другими работами, посвященными истории Русской армии и Гражданской войны.

2.

Вполне возможно, что составители дневника делают отсылку к знаменитому высказыванию правого политика, участника Белого движения В.В. Шульгина о Белом движении, опубликованном в книге «Дни» в 1921 г.: «Начатое “почти святыми”, оно попало в руки “почти бандитов”» (Шульгин В.В. 1920. Очерки. София, 1921. С. 12).

3.

Все даты в очерке приведены по старому стилю (Юлианскому календарю).

4.

Дроздовский Гордей Иванович (03.01.1835 – январь 1908). Окончил Нежинскую гимназию. Вступил в службу 2 ноября 1854 г. унтер-офицером в резервный батальон егерского Тарутинского полка. 25 марта 1855 г. переведен в резервный Егерский полк 17-й пехотной дивизии, 3 апреля 1855 г. – в 46-й пехотный Днепровский полк. В составе полка участник Крымской войны; 22 сентября 1855 г. за отличия в боях произведен в прапорщики. 4 июня 1859 г. произведен в подпоручики, 4 июня 1862 г. – в поручики. С января 1863 г. – дежурный офицер в корпусном юнкерском училище в городе Павловске; осенью 1863 г. – вновь переведен в Днепровский полк; 27 января 1864 г. назначен полковым адъютантом. 27 апреля 1866 г. женился первым браком на дочери отставного полковника Николая Дирина, девице Надежде (в браке с которой родилось пятеро детей). 11 января 1868 г. произведен в штабс-капитаны, 20 января 1871 г. – в капитаны. В августе 1871 г. временно командовал ротой юнкеров Киевского пехотного юнкерского училища. 31 мая 1874 г. произведен в майоры. 20 февраля 1878 г. назначен исполняющим обязанности заведующего хозяйством в Киевском училище. 15 мая 1883 г. произведен в подполковники с отчислением от училища; летом того же года откомандирован в Днепровский полк. С апреля 1884 г. прикомандирован к 48-му пехотному Одесскому полку для командования батальоном (в январе 1885 г. утвержден в должности); в ноябре 1884 г. – переведен в полк на службу. В 1886 г. назначен временным членом в

Киевский военно-окружной суд. 22 ноября 1890 г. командирован в Ковно (ныне Каунас, Литва) для командования вновь формируемым 3-м крепостным Ковенским батальоном. 7 января 1891 г. произведен в полковники с назначением командиром Ковенского батальона. 1 декабря 1892 г. назначен командиром 168-го пехотного резервного Острожского полка. Награжден орденами Святого Станислава 3-й степени (31 января 1865 г.), Святого Владимира 4-й степени с бантом «За 25 лет службы» (22 сентября 1881 г.), Святой Анны 2-й (15 февраля 1887 г.) и 3-й степени (17 февраля 1878 г.), Святого Станислава 2-й степени (9 мая 1882 г.), а также серебряной медалью «За защиту Севастополя с 1854 по 1855 г.» и бронзовой «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.», знаком Красного Креста (28 августа 1880 г.) и серебряной медалью «В память 50-летия обороны Севастополя» (30 ноября 1904 г.).

5.

Дроздовская Юлия Гордеевна (1866–07.01.1922). Первый ребенок в семье Дроздовских, оказала большое влияние на воспитание Михаила Дроздовского, с которым на протяжении всей его жизни поддерживали теплые и доверительные отношения (М.Г. Дроздовский называл ее единственным «человеком из близких мне, в чувстве которого мне не придется разочароваться»). Сохранилась часть обширной переписки между Юлией и Михаилом Дроздовскими (обнаруженная часть переписки полностью опубликована: Письма М.Г. Дроздовского к сестре Юлии и фрагменты его дневников за разные годы (1899–1918 гг.) // Дроздовский и дроздовцы: [Сб. док. и воспоминаний] / Сост. и ред. Р.Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 139–169). Участница Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Окончила двухмесячный курс Попечительского совета Черниговской общины сестер милосердия Святого Феодосия; 19 апреля 1904 года была признана достойной звания сестры, работала в хирургическом отделении Черниговской губернской земской больницы, где «показала себя вполне знающей и умелой при перевязках больных и операциях». Командирована на Дальний Восток, в общий резерв сестер милосердия, в котором пробыла с марта 1905 по февраль 1906 г. В июне 1905 г. – сестра милосердия 9-го сводного Харбинского госпиталя (находившегося на станции Гунчжулин). Приказом № 764 командующего войсками Дальнего Востока генерала от инфантерии Н.И. Гродекова в марте 1906 г. награждена серебряной медалью. В 1907–1908 гг. жила в Санкт-Петербурге, позднее возвратилась в Чернигов. Была тяжело больна: согласно свидетельству от 16 сентября 1917 г., у нее был паралич ног и рук, ей был предписан полный покой и требовался постоянный уход. Во время Гражданской войны оставалась в Чернигове, жила в богадельне. После занятия города белыми в октябре 1919 г. была эвакуирована на юг в сопровождении сестры милосердия Дроздовского полка. В 1920 г. эвакуирована за рубеж. Скончалась 7 января 1922 г., похоронена на Русском кладбище имени королевы Греции Ольги Константиновны в Пирее (Греция). По всей видимости, после ее смерти остается личный архив (включая переписку и, вероятно, дневниковые записи М.Г. Дроздовского), судьба которого остается неизвестной. Все копии личных писем Дроздовского были сняты уже после смерти Ю.Г. Дроздовской в одном месте – болгарском городке Мездра (недалеко от Софии) и датированы 1930-ми гг.

6.

Вероятно, речь идет о Леониде Феликсовиче Гаасе (25.02.1863–?), окончившем Киевский кадетский корпус. Вступил в службу 20 августа 1882 г.; окончил 3-е военное Александровское училище, из которого выпущен в 125-й пехотный Курский полк; подпоручик (1884 г.); поручик (1888 г.); штабс-капитан (1897 г.). В 1890-х гг. в чине штабс-капитана – офицер-воспитатель Киевского кадетского корпуса. Капитан (1899 г.); подполковник (1902 г.); командир батальона. Участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.). С декабря 1908 по ноябрь 1913 г. – Купянский уездный воинский начальник. Полковник (1913 г.). С ноября

1913 г. – Таращанский уездный воинский начальник (на август 1916 г. – в той же должности). В 1918 г. в армии Украинской державы; летом 1918 г. – Таращанский уездный воинский начальник. Позднее – в составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В начале 1920 г. эвакуирован из Новороссийска на остров Принкипо; в июле – возвратился в Крым. В эмиграции проживал в Югославии. Член Сербобранского отдела Общества русских офицеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

7.

Лейб-гвардии Волынский Его Величества полк – один из наиболее известных гвардейских полков Русской императорской армии, был сформирован в 1817 г. в Варшаве из 1-го батальона лейб-гвардии Финляндского полка в составе двух батальонов для охраны великого князя Константина Павловича.

8.

Осенью 1904 г. в письме сестре Юлии Михаил Дроздовский так описывал свое поступление в Академию Генерального штаба: «Вчера прошел один из самых трудных моих экзаменов – историю. Трудный он был потому, что подготовки было всего три дня, а на то я и “Михаил Дроздовский”, чтобы до поездки в Питер не открывать книг. При округе же у нас балаган, а не экзамен, все свои люди, конечно, пропустили. Осталось только два предмета, артиллерия и тактика, но ввиду того, что не родился еще на свете человек, который бы мог срезать меня по этим предметам, я считаю себя поступившим. Да и вообще, разве может быть какой-нибудь экзамен, которого не выдержал бы твой брат. До сих пор я иду один из первых. Все легенды о необычайной трудности попасть [в Академию] распускаются обыкновенно неудачниками. Держать экзамен приезжают иногда такие раритеты, что становится вчуже стыдно за офицерский мундир. Можно явиться без знаний и воспользоваться двух-, трех-, четырехдневными подготовками, но явиться без знаний людям совершенно неразвитым, конечно, рискованно. Мое назначение на Восток, кажется, проваливается... Была бы дивная комбинация попасть в Академию, а оттуда на войну, по окончании которой я приобретаю право возвращения уже без экзаменов» (Дроздовский и дроздовцы: [Сб. док. и воспоминаний] / Сост. и ред. Р. Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 142–143).

9.

За время Русско-японской войны Михаил Дроздовский был награжден двумя орденами. В апреле 1905 г. приказом войскам 2-й Маньчжурской армии за № 87 и 91, за отличия в боях с японцами с 12 по 16 января 1905 г. у деревни Хейгоутай и Безымянной (Семапу) он был пожалован орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 30 октября 1905 г. – награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1912 г. Дроздовский также получил «Медаль в память Русско-Японской войны 1904–1905 годов» с бантом.

10.

14 января 1905 г. Михаил Дроздовский в бою на реке Хунхэ был ранен ружейной пулей насквозь в левое бедро.

11.

До настоящего времени каких-либо сведений об этой работе или ее отрывков найти не удалось.

12.

Весной – летом 1913 г. Дроздовский неоднократно писал сестре Юлии о своем увлечении авиацией и командировке: «Получил командировку в Севастополь, в авиационную школу,

учиться наблюдениям с аэропланов. По сему случаю пребываю в телячьем восторге – в Варшаве весной совершил несколько полетов, и это занятие меня сильно увлекло, во всяком случае, большой отдых от гнетущего однообразия моего постоянного бумагомарания. [...] Летаю я много. Участвовал и в том перелете, о котором ты спрашиваешь, кроме того, летал в Евпаторию и обратно два раза, и много других полетов было совершено за это время в окрестностях Севастополя. Между прочим, научился немного управлять аппаратом в воздухе и несколько раз вел его самостоятельно под контролем летчика. В общем, это удивительно увлекающая вещь, и я глубоко сожалею, что не разрешили мне учиться летать – мое управление было контрабандой и лишь на воздухе, а самым трудным являются посадка и взлеты. [...] я теперь действительно крепко увлекаюсь авиацией, недавно окончил серию полетов пассажиром, сделав в общей сложности около 2 тысяч верст, побывал, между прочим, в Белостоке, Осовце, Гродне, Лиде и многих других пунктах поменьше. В общем, полеты были чрезвычайно интересны и поучительны, как школа, но проходили иногда в тяжелых условиях. Теперь на время перестал летать пассажиром, но зато начал уроки самостоятельного управления; надеюсь, если все будет благополучно, то есть аппарат будет в исправности и дни будут хорошие, дней через семь – восемь сделать первый самостоятельный полет. В Варшаве сейчас сидит [французский летчик А.Ф.] Пуаре, один из знаменитых летчиков, и с ним я 22-го сделал пару мертвых петель; должен, однако признаться, что никакого особенного ощущения не было – полет как полет» (Дроздовский и дроздовцы... С. 145–146).

13.

Согласно послужному списку, М.Г. Дроздовский был ранен «31 августа 1916 года при атаке горы Капуль... ружейной пулей в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц» и эвакуирован для лечения в тыл 4 сентября. 16 сентября Дроздовский писал сестре Юлии: «Царапаю тебе левой рукой, дорогая моя Юличка, ибо правую мне крепко подранили 31 августа австрияки. Сильно разорваны мышцы ниже локтя (трудно поверить, чтобы это могла натворить ружейная пуля) и поврежден один нерв. Болит рана все время и только-только начинает очищаться от нагноения. Лечение, по-видимому, предстоит долгое. Как все это ни грустно, но я испытываю огромное нравственное удовлетворение – я унес с собой в лазарет незапятнанное боевое имя, чистую репутацию и сознание честно исполненного долга – и это вознаграждает за все. Столько приходится видеть людей, всячески уклоняющихся от боя, готовых на всякую низость для спасения своей жалкой шкуры. Тебе никогда не придется покраснеть за своего брата, дорогая Юля, никогда я еще не уклонялся от опасностей, скорее наоборот, и никогда еще перед угрозой смерти не отступил. Не суди за эту похвальбу, ведь это мое единственное утешение за измученную руку. Да, можешь поздравить меня – произведен в полковники, и начальство уверяет, что, как только вернусь из госпиталя – мне дадут полк. Перспективы долгого лечения от этого еще более меня удручают» (Дроздовский и дроздовцы... С. 160).

14.

27 сентября 1917 г. командир 60-го пехотного Замосцкого полка М.Г. Дроздовский из Берештий писал начальнику 15-й пехотной дивизии генерал-майору Г.Г. фон Тимроту о ситуации в полку: «В полку началось проникновение большевистских лозунгов через газету “Прибой” – орган Гельсингфоргского комитета РСДРП. Принять меры против попадания газеты в полк не могу, так как она проникает в полк тайным путем, по почте, в письмах. Да и как бороться, раз правительство допускает ее издание и свободную продажу (по 15 пени номер), очевидно, с целью еще более затруднить и без того непосильный труд офицерства. Номер, который я имел в руках, обычного для подобных газет грубого и тупо-сумбурного содержания, способного вызвать только улыбку у развитого человека; но в темной и тупой

массе солдат такие газеты имеют успех, завоеывая симпатии безответственными лозунгами мира во что бы то ни стало, немедленного захвата всей земли, безграничного произвола и т. п. Между прочим, в этом номере правительство и, в частности, [премьер-]министр [А.Ф.] Керенский называются изменниками; Иксюльский прорыв (речь идет об оставлении в июле по приказу командующего Северным фронтом В.Н. Клембовского Иксюльского плацдарма на левом берегу Западной Двины накануне Рижской операции. – Примеч. сост.) объяснен изменой офицеров, требовавших немедленного отступления от солдат, желавших сопротивляться (!); проповедует избиение начальников.

15.

26 ноября 1917 г. приказом по 4-й армии № 5705 Дроздовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В письме к сестре Юлии от 24 ноября он писал: «Еще 20-го получил Георгиевский крест (4-й степени. – Примеч. сост.) по давнишнему представлению – единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, нисколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика...» В следующем письме от 2 декабря он писал сестре: «Можешь поздравить меня с получением ордена Святого Георгия 4-й [степени] за бой 11 июля, когда я с полком участвовал в прорыве немецкой позиции. За бои 30 июля – 4 августа представили меня к Георгию 3-го класса, но теперь, за всеми этими событиями, представление, вероятно, и до [Георгиевской] думы не доберется». Ранее, в 1915 г. Дроздовский был также награжден Георгиевским оружием. Согласно послужному списку, награждение состоялось «... приказом командующего 10-й армией 2 ноября 1915 года за № 1270... за то, что принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 года у местечка Оханы, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через Месечанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив возможность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частями Перекопского полка и умелым выбором позиции способствовал действиям нашей пехоты, отбивавшей в течение пяти дней наступающие части превосходных сил противника» (Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С. 501; Дроздовский и дроздовцы... С. 134, 167).

16.

Еще 3 июля 1917 г. Дроздовский писал сестре Юлии о состоянии своего полка: «Полк у меня сравнительно в порядке, как и вообще вся дивизия, если, конечно, словом “порядок” можно назвать ныне состояние хоть какой-нибудь части. Никаких выступлений против офицеров у нас, слава Богу, не было, но, конечно, дисциплины никакой, служба несется скверно, обещают, что все пойдут в атаку, и этому я верю, на порыв их хватит, но что будет дальше, за первым порывом – сплошной знак вопроса. Не понимаю, на что может рассчитывать эта публика в длительном бою без дисциплины. Так или иначе, но через самый короткий срок мне предстоит вести эту публику в бой. В общем, грустные перспективы – не о таком командовании полком я мечтал и не таким полком так рвался командовать». В письме сестре от 10 августа он рассказывал об одном из последних, сравнительно успешных действий своего полка: «11 июля у нас была атака; вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, невзирая на то, что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30–31 июля и 1–2 августа снова были тяжелые бои; наступали немцы, в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. Еще 31-го было нечто вроде боя, нечто вроде сопротивления, мы частью

отстаивали свои позиции, но уже 1 августа разразился скандал – поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди заборов, домов и виноградников. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому позиция была удержана, и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось, приведу их в порядок; они уже начинают чувствовать мое давление. Конечно, может и сорваться» (Дроздовский и дроздовцы... С. 165–166).

17.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918). Военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916), один из основателей Белого движения. Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. С началом Первой мировой войны, в июле 1914 г., назначен начальником штаба армий Юго-Западного фронта; с марта 1915 г. – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта; с августа 1915 г. – главнокомандующий армиями Западного фронта. В августе 1915 г., после того как император Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, назначен начальником штаба Ставки Главковерха. Как начальник штаба фактически руководил всеми военными операциями Русской армии вплоть до Февральской революции. С апреля по май 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армии. Пытался предотвратить развал армии, выступал против советов и солдатских комитетов в армии. Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., чтобы спасти «мятежников», согласился возглавить Ставку и произвести арест Корнилова и его сподвижников. После Октябрьского переворота выехал в Новочеркасск, где стал одним из главных руководителей зарождавшегося Белого движения. Под его руководством в конце 1917 г. начала свое формирование Алексеевская организация; Верховный руководитель Добровольческой армии. Провел большую работу по организации не только Добровольческой армии, но и всего антибольшевистского сопротивления на территории Европейской России (особенно антисоветского подполья в крупных городах). Выступал за восстановление монархии. При этом считал, что провозглашение этого лозунга в 1918 г. в условиях еще «непережитой революции» связано с немалым политическим риском. Скончался 8 октября 1918 г. от воспаления легких.

18.

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932). Военачальник, генерал-адъютант (1915), генерал от инфантерии (1915). Начальник Николаевской военной академии (1907–1912). Участник Первой мировой войны, в которую вступил командиром 9-го армейского корпуса (с 1912); командующий 11-й армией (с апреля 1915); командующий 7-й армией (с октября 1915); с апреля 1917 г. – помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта румынского короля Фердинанда I. В декабре 1917 – феврале 1918 г. командовал Украинским фронтом, подчинявшимся Центральной раде. Участник Белого движения на Юге России; военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании (с января 1919), создал в Париже управление, занимавшееся снабжением белых

армий (1918–1920). В мае 1920 г. из-за разногласий с генералом П.Н. Врангелем во взглядах о совместных действиях с Польшей отказался от должности. В эмиграции жил во Франции.

19.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918). Военный и политический деятель, генерал от инфантерии (1917), военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь, один из основателей Белого движения. Участник Русско-японской войны (1904–1905). К началу Первой мировой войны генерал-майор; с августа 1914 г. – начальник 48-й пехотной («стальной») дивизии. Весной 1915 г. был взят в плен, из которого бежал в июле 1916 г. С сентября 1916 г. – командир 25-го армейского корпуса Особой армии генерала В.И. Гурко. В феврале 1917 г., еще до начала Февральской революции, кандидатура Корнилова на пост командующего войсками Петроградского военного округа была одобрена императором Николаем II. Пытался остановить развал войск; в апреле отказался от должности командующего округом, назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. После неудачного июньского наступления (в котором 8-я армия Корнилова отличилась) назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. С 19 июля 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армией. Стремясь восстановить дисциплину в армии и порядок в стране, с ведома главы Временного правительства А.Ф. Керенского, в конце августа 1917 г. направил к Петрограду 3-й кавалерийский корпус, чтобы предоставить в распоряжение правительства надежные войска в случае вооруженного восстания большевиков. Уже после выступления корпуса Керенский переменял свою позицию и под давлением Петроградского совета объявил Корнилова мятежником, сместив с поста Главнокомандующего. Вместе с поддержавшими его офицерами находился в заключении в городе Быхов. 19 ноября по приказу Н.Н. Духонина Корнилов и другие арестованные были освобождены. 6 декабря Корнилов прибыл в Новочеркасск. Вместе с генералом М.В. Алексеевым возглавил формирование Добровольческой армии. Организатор и первый командующий Добровольческой армии. Погиб во время Первого Кубанского похода во время штурма Екатеринодара (ныне Краснодара) 31 марта 1918 г.

20.

Встав во главе добровольческих формирований, Кельчевский прежде всего приветствовал уже сформированные части: «Вам, русские люди, воодушевленные великой идеей по созданию кадров для будущей Русской, ныне погибшей, армии, будет принадлежать честь и слава ее восстановления. Вам, скромные, но мужественные люди, отрезвевшая Русь скажет спасибо за Ваше могучее сердце, за то, что среди всеобщей злобы и подозрений, среди анархии и подлых наветов, Вы не перешли грань, где теряется здравый смысл, и с верой в Бога взяли за великое дело по созданию силы для борьбы по восстановлению порядка и на защиту будущего Учредительного собрания, истинного хозяина земли Русской. Бог Вам на помощь для дружной и честной работы» (Цит. по: Дроздовский и дроздовцы... С. 47).

21.

24 января (6 февраля) генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев отдал приказ № 1413 по русским армиям Румынского фронта, согласно которому было начато формирование Отдельного корпуса русских добровольцев в составе штаба и трех бригад. Инспектором по формированию добровольческих частей был назначен бывший командующий 9-й армией генерал-лейтенант А.К. Кельчевский; начальником штаба стал бывший начальник 3-й Туркестанской стрелковой дивизии Генерального штаба генерал-майор А.Н. Алексеев. Штаб получил наименование Управления по формированию добровольческих частей. Согласно приказу, формировались 1-я Скентейская бригада по главе с полковником М.Г. Дроздовским, развертывалась 2-я

Кишиневская бригада, которую последовательно возглавляли генералы А.В. Асташов и Ю.Ю. Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде.

22.

Положение Главнокомандующего русскими армиями Румынского фронта генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева было крайне непростым. В своей поддержке добровольческих формирований он был ограничен сложившимися обстоятельствами. Прежде всего, номинальным командующим фронта был румынский король Фердинанд I, и формально Щербачев был его помощником. Возможности принимать серьезные решения в обход румынской главной квартиры он не имел. В ситуации, когда недавний союзник России пошел на мирные переговоры со странами Центрального блока, Щербачев несомненно испытывал сильное давление со стороны румын. Германское командование не было заинтересовано в появлении любой организованной русской вооруженной силы, так как не без оснований могло считать ее враждебной себе. Румыны же, стремясь заключить мир, видели в русских добровольцах исключительно неблагоприятный фактор при ведении переговоров, всячески стараясь выполнить требование немцев о расформировании добровольческих частей. По сути, главной причиной неудачи формирования добровольческих частей в феврале 1918 г. стало изменение отношения к добровольческой организации со стороны румынских властей. 27 января (9 февраля) 1918 г. Центральная рада Украинской народной республики подписала мирный договор со странами Четверного союза, начавшими оккупацию Украины «для поддержания порядка». Когда ситуация приняла явно неблагоприятный для Румынии характер (она рисковала остаться один на один в войне со странами Центрального блока), ее правительство, несмотря на протесты со стороны союзных миссий, 24 февраля (9 марта) 1918 г. также вступила в мирные переговоры с противником (перемирие с ним Румыния заключила еще в декабре 1917 г.). При этом румынские войска оккупировали часть русской территории – Бессарабию. С этого времени румынские власти начали препятствовать дальнейшему формированию добровольцев: была запрещена выдача оружия и боеприпасов, опубликовано сообщение о том, что в Яссах нет никаких добровольческих частей. После подобной подготовительной работы румынское командование заявило, что русские добровольческие бригады более не могут продолжать формирование, должны сдать оружие и распуститься. Требование это совпало с началом отъезда из Румынии представителей союзнических миссий и продвижения частей противника на русскую территорию. Румынское командование потребовало вооружение и имущество Русской армии не отправлять в Россию, а оставить на месте.

23.

Кельчевский Анатолий Киприанович (1869–1923). Генерал-лейтенант (1917). Участник Первой мировой войны, на фронт которой вышел командиром 6-го Финляндского стрелкового полка. Позднее – исполнял должность генерала для поручений при штабе 9-й армии; с ноября 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии; с апреля 1917 г. – начальник штаба 9-й армии. Отрицательно отнесся к Октябрьскому перевороту, был смещен с должности. С конца января 1918 г. – инспектор по формированию добровольческих частей на Румынском фронте. Отдал приказ об аннулировании подписок, данных офицерами, после заключения Украинской радой мира со странами Центрального блока. С ноября 1918 г. – в Донской армии, начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта. В феврале 1919 – марте 1920 г. – начальник штаба Донской армии; позднее военный и морской министр Южнорусского правительства. В марте – апреле 1920 г. – начальник штаба Донского корпуса. В апреле 1920 г., вместе с генерал-лейтенантом В.И. Сидориным, был снят с поста и отдан главнокомандующим ВСЮР генерал-

лейтенантом П.Н. Врангелем под суд за сепаратистские казачьи устремления. В мае 1920 г. – выслан за границу.

24.

На состоявшемся в начале февраля 1918 г. в штабе Румынского фронта совещании выяснилось, что из 5000 записавшихся в формируемый корпус 3000 оказались на штабных должностях, а полторы тысячи, приходившихся на долю Кишиневской бригады, были преимущественно «мертвыми душами». Реальную силу представляли только 500 человек в Соколах под командой М.Г. Дроздовского. Происходящее позволило Кельчевскому сделать вывод о невозможности похода. После ряда переговоров и совещаний генерал Кельчевский, принимая во внимание оказываемое румынами давление, начавшееся вторжение в пределы России немцев, общую неудачу добровольческих формирований и отсутствие необходимой для похода конницы, признал задуманный план неосуществимым, рискованным и обреченным на неудачу. С ведома генерала Щербачева, 24 февраля (9 марта) (в день начала под Бухарестом мирных переговоров между Румынией и странами Четверного союза) он издал приказ об аннулировании данных офицерами обязательств и о роспуске частей добровольческого корпуса. Помимо приказа о недействительности подписки вывешивались объявления с предложением вступившим в добровольческие части офицерам разъехаться, а затем последовали и новых объявления, обещавшие военным безбедное существование в румынских городах.

25.

Речь идет о генерал-лейтенанте (1914) Евгении Александровиче Леонтовиче (1862–1937). На фронт Первой мировой войны выступил командиром 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (с сентября 1908). С сентября 1914 г. – командующий 3-й кавалерийской дивизией; в 1916 г. одновременно командовал 6-м кавалерийским корпусом. В апреле 1917 г. отчислен от должности начальника дивизии, назначен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа. Участник Белого движения на Юге России. В декабре 1917 – январе 1918 г. занимался организацией добровольческих отрядов в Одессе; в первой половине 1918 г. – начальник формирований Одесского вербовочного центра Добровольческой армии. Вице-адмирал Д.В. Ненюков, оказавшийся в начале 1918 г. в Одессе, вспоминал о деятельности Е.А. Леонтовича: «Правление союза вначале враждебно отнеслось к нашей пропаганде, так как руководствовалось указаниями от гетмана, интересы которого как сепаратиста были прямо противоположны идеям добровольцев, выставившим своим лозунгом великую и неделимую Россию. Леонтович собирал молодежь и говорил им, что вся затея добровольцев – глупая авантюра, которая только увеличит число жертв и провалится как мыльный пузырь, что нужно надеяться на немцев, а пока пилить дрова и ждать лучших времен» (Ненюков Д.В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания 1914–1920 / Вступ. ст. и примеч. А.В. Посадского. М., 2014. С. 284). Летом 1919 г. – в штабе Войск Юго-Западного края. С 1920 г. в эмиграции, проживал в Румынии.

26.

Геруа Александр Владимирович (1870 – после 1944). Генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. К началу войны – генерал-майор, командир лейб-гвардии Волынского полка (с февраля 1914 г.); с октября 1915 г. – начальник 38-й пехотной дивизии; с октября 1916 г. – исполняющий должность начальника штаба 2-й армии; с июня 1917 г. – командир 18-го армейского корпуса; в конце 1917 – марте 1918 г. – в штабе Румынского фронта. Участник Белого движения на Юге России; с октября 1918 г. представитель при французском генерале А. Бертелло (Бертло); с октября 1919 г. – начальник

русской военной миссии ВСЮР в Бухаресте; с апреля 1920 г. – военный представитель главного командования ВСЮР и великого князя Николая Николаевича в Румынии. В эмиграции жил в Румынии. В 1944 г. арестован и вывезен в СССР.

27.

Алексеев Анатолий Николаевич (1865–1922). Генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской войны (1904–1905). На фронт Первой мировой войны вышел командир 17-го Донского казачьего полка; с июня 1915 г. – командующий 2-й Заамурской, а с июля – командующий 3-й Заамурской конной бригадой; с января 1916 г. – начальник штаба Сибирской казачьей дивизии; с апреля 1917 г. – командующий Сибирской казачьей дивизией; с сентября – командующий 6-м кавалерийским корпусом; с декабря 1917 по март 1918 г. – начальник штаба 9-й армии. Снят с должности с началом украинизации армии. Участник Белого движения на Юге России; с мая 1918 г. в Донской армии, с февраля 1919 г. – начальник штаба Северного фронта Войска Донского; с марта 1919 г. – начальник штаба 2-й Донской армии; в апреле сдал должность, состоял при войсковом атамане Войска Донского; в 1919–1920 гг. – генерал для поручений при командующем. Осенью 1920 г. – директор Донского кадетского корпуса. В эмиграции в Югославии.

28.

Лесли Георгий Дмитриевич (1888–1957). Из дворян Смоленской губернии. Участник Первой мировой войны, на фронт которой вышел в чине штабс-капитана (1914) 1-го саперного батальона; с октября 1916 г. – капитан, старший адъютант 5-й стрелковой дивизии; с января 1917 г. – обер-офицер для поручений при помощнике Главнокомандующего армиями Румынского фронта. К концу войны – полковник. Участник Похода Яссы – Дон (помощник начальника штаба отряда, с 21 апреля – начальник штаба отряда, затем 3-й пехотной дивизии). Весной – летом 1918 г. – начальник вербовочного центра Добровольческой армии в Киеве; арестован германскими войсками. В августе бежал на Дон. Весной 1920 г. эвакуировался из России, в августе возвратился в Крым. Эмигрант. На 1 апреля 1922 г. проживал в Константинополе, позднее в США. Скончался 2 февраля 1957 г. в Нью-Йорке или Флориде.

29.

«Синедрионом» Дроздовский называет штаб 9-й армии (начальник штаба – генерал-лейтенант А.К. Кельчевский), которому главнокомандующий русскими армиями Румынского фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев поручил формирование добровольческих частей.

30.

Одон – полковник французской военной миссии в Яссах (по месту нахождения ставки верховного главнокомандующего румынской армии короля Фердинанда I после оставления Бухареста).

31.

Речь идет о румынском генерале Константине Презане (1861–1943), впоследствии маршале (1923). В августе 1916 г. с выступлением Румынии в Первую мировую войну – командующий 4-й (Северной) армией; в октябре 1916 г., с разгромом румынских армий – командующий войсками в Бухарестском районе; с ноября 1916 г. – начальник румынского Генерального штаба. В ноябре 1918 г. – командующий румынскими войсками. В 1920 г. – командующий армией, оккупировавшей Трансильванию.

32.

Речь идет об Александру Авереску (1859–1938) – румынском военном, государственном и политическом деятеле, маршале Румынии (1934). К началу Первой мировой войны – генерал-майор (1912), начальник румынского Генерального штаба (1911–1913). С вступлением Румынии в войну в 1916 г. – командующий 2-й армией; с сентября – командующий 3-й армией, затем Южной группой армий. После переформирования разгромленных румынских войск – командующий 2-й армией. В феврале – марте 1918 г. – премьер-министр Румынии (впоследствии занимал этот пост еще два раза – в 1920–1921 и 1926–1927 гг.); одновременно в январе – марте был министром иностранных дел. Будучи премьер-министром начал переговоры о мире с германским фельдмаршалом А. фон Макензеном; параллельно вел переговоры с большевиками, начавшими наступление против румынских частей в Бессарабии.

33.

Вступив в Первую мировую войну в августе 1916 г. на стороне Антанты, Румыния почти сразу потерпела тяжелые поражения от германских, австро-венгерских и болгарских войск. К середине декабря 1916 г. понесшие тяжелые потери румынские армии были неспособны вести боевые действия без помощи русской армии; войска противника оккупировали большую часть Румынии, заняв Добруджу, Олтению и Валахию (вместе с Бухарестом). 9 декабря 1917 г. Румыния заключила в Фокшанах перемирие с противником. Когда ситуация приняла явно неблагоприятный для Румынии характер (она рисковала остаться один на один в войне со странами Четверного союза), ее правительство, несмотря на протесты со стороны союзных миссий, вступило в мирные переговоры с противником. 24 февраля 1918 г. в Буффе (под Бухарестом) начались мирные переговоры с представителями Четверного союза; 5 марта был подписан предварительный договор, согласно которому Румыния уступила противнику Добруджу, а также обязывалась способствовать перевозке войск Германии и Австро-Венгрии через Молдову и Бессарабию в Одессу. Проходившие с марта по май 1918 г. в Бухаресте мирные переговоры завершились подписанием 7 мая 1918 г. мирного договора, согласно которому Румыния уступала Четверному союзу помимо Добруджи часть Валахии и Молдовы.

34.

7 (20) ноября 1917 г. украинская Центральная рада в Киеве 3-м универсалом утвердила форму правления и территориальное устройство, а также основные положения внутривнутриполитического курса Украинской народной республики. Украина (в составе девяти губерний) провозглашалась «Народной республикой в составе Российской федеративной республики». Одновременно, состоявшийся 12 декабря в Харькове I Всеукраинский съезд Советов объявил Украину республикой Советов; установив контроль над Левобережной Украиной, отряды Красной гвардии под руководством большевиков начали вооруженную борьбу за установление советской власти против войск Украинской народной республики на Правобережной Украине. В сложившихся условиях делегация Украинской народной республики, прибывшая в конце декабря в Брест-Литовск, где проходили мирные переговоры между делегациями РСФСР и Четверного союза, 28 декабря 1918 г. объявила о независимости Украины. Уже 30 декабря делегация стран Четверного союза признала самостоятельность делегации Центральной рады на переговорах. 12 января 1918 г. Центральная рада объявила о выходе Украины из состава РСФСР и образовании независимой Украинской народной республики. 19 января страны Четверного союза признали Украинскую народную республику самостоятельным государством, имеющим право на заключение договоров с другими странами. Но уже 26 января части Красной армии Украины, получившие поддержку прибывших из РСФСР войск, овладели Киевом. Заключенный 27 января 1918 г. в Брест-Литовске мирный договор между делегациями Четверного союза и Украинской народной республике, позволил последней пригласить германские и австро-венгерские войска на свою

территорию, для помощи в войне против войск Красной гвардии Советской Украины и Советской России (в ответ Украина обязывалась поставить Германии и Австро-Венгрии 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, а также другие продукты, уголь и т. д.). 18 февраля германские и австро-венгерские войска, вместе с остатками войск Украинской народной республики, начали продвижение на восток и юг, заняв 1 марта Киев и 14 марта Одессу.

35.

Речь идет о помощнике августейшего командующего армиями Румынского фронта (фактически – командующем русскими армиями) генерале от инфантерии Д.Г. Щербачеве; главнокомандующим армиями Румынского фронта был румынский король Фердинанд I.

36.

Бологовский Дмитрий Борисович. Офицер горной артиллерии; к началу 1918 г. – ротмистр. Осенью 1917 г. входил в число офицеров, сформировавших антибольшевистскую организацию на Румынском фронте, послужившую кадром для дальнейшей работы Дроздовского. Возглавлял «команду разведчиков особого назначения», выполнявшую специальные задания (отправка разведчиков в большевистские центры, организации засад на дорогах, ведущих с фронта в Яссы и др.). Одной из главных задач разведчиков Бологовского был индивидуальный террор. По утверждению самого Бологовского (нуждающегося в дополнительной проверке), до выхода в поход было истреблено свыше 700 человек крупных и мелких большевиков, из которых самым видным был С.Г. Рошаль, известный революционер и участник разложения фронта (офицеры, забрав его из-под румынского ареста, расстреляли на шоссе в декабре 1917 г.). Участник похода Яссы – Дон во 2-й роте Сводно-стрелкового полка. Был направлен Дроздовским для связи с Добровольческой армией. Галлиполиец. В эмиграции проживал в Болгарии.

37.

Начавшееся 18 февраля продвижение германских и австро-венгерских войск в направлении на восток и юго-восток шло без каких-либо затруднений. В составленной офицерами германского Генерального штаба в 1936 г. работе «Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока» указывается, что «...весной 1918 г. из-за провала переговоров в Брест-Литовске германские войска на Востоке без всякого труда продвинули фронт до устья Дона, среднего Днепра и Чудского озера. Позднее к ним присоединились и войска Австро-Венгрии в составе образованной из бывшего Восточного фронта Восточной армии...» («Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014. С. 11).

38.

Речь идет о чинах конно-горской батареи, входившей в состав 1-й отдельной бригады русских добровольцев.

39.

Полученные сведения были правдивы – к моменту выступления отряда Дроздовского Ростов-на-Дону и Новочеркасск находились уже под контролем большевиков.

40.

Войналович Михаил Кузьмич (1878–1918). Полковник (1916). Участвовал в Китайском походе (1900–1901) и Русско-японской войне (1904–1905). На фронт Первой мировой войны

выступил старшим адъютантом штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии; весной – летом 1915 г. – исполняющий должность старшего адъютанта штаба Гродненской крепости; с августа 1915 г. – исполняющий должность начальника штаба 124-й пехотной дивизии; с августа 1916 г. – исполняющий должность начальника штаба 118-й пехотной дивизии; с июня 1917 г. – командир 239-го пехотного Константиноградского полка. В январе 1918 г. одним из первых поступил в отряд М.Г. Дроздовского, принимал непосредственное участие в его формировании; первоначально был назначен командиром 1-го стрелкового полка, в начале февраля 1918 г. назначен начальником штаба 1-й Добровольческой бригады. Участник похода Яссы – Дон. Погиб 21 апреля в Ростове-на-Дону, в бою на городском вокзале.

41.

Невадовский Николай Дмитриевич (1878–1939). Генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны, на фронт которой выступил командиром 4-й батареи 15-й артиллерийской бригады; в 1915 г. – командир дивизиона 15-й артиллерийской бригады; с декабря 1915 г. – командир 3-го Сибирского горноартиллерийского дивизиона; на май 1917 г. – генерал-майор, командующий 64-й артиллерийской бригадой; в конце 1917 г. – инспектор артиллерии 12-го армейского корпуса. В феврале 1918 года покинул службу и прибыл в отряд М.Г. Дроздовского. Участник похода Яссы – Дон (зачислен в отряд рядовым, но вскоре был назначен начальником артиллерии). С мая 1918 г. – инспектор артиллерии Добровольческой армии; с января 1919 г. – инспектор артиллерии Крымско-Азовской Добровольческой армии; с июня 1919 г. – инспектор артиллерии войск Северного Кавказа; в октябре 1919 – январе 1920 г. – начальник гарнизона города Кисловодска и всего Минералводского района; с марта 1920 г. – начальник Владикавказского отряда (в марте отступил с отрядом в Грузию); с мая – инспектор артиллерии Сводного корпуса Русской армии. Галлиполиец. В эмиграции жил сначала в Греции, затем во Франции, возглавлял Союз добровольцев, был издателем основанной генералом в 1936 г. А.И. Деникиным газеты «Доброволец». В октябре 1939 г. погиб под колесами грузовика в Кенси под Парижем; похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

42.

Асташев Александр Васильевич (1865–?). Генерал-майор (1915). Участник Русско-японской войны (1904–1905). К началу Первой мировой войны полковник; назначен командиром 249-го пехотного Дунайского полка. Дважды был взят в плен и дважды бежал из него. В июле 1917 г. назначен командиром бригады 48-й пехотной дивизии; в октябре 1917 г. направлен в Кишинев для заведования повторительными офицерскими курсами. 21 января 1918 г. приказом по Румынскому фронту № 1389 назначен командиром 2-й Отдельной русской бригады добровольцев. 10 февраля 1918 г. приказом по фронту № 1468, ввиду напряженных отношений его с румынскими властями, освобожден от должности, сдал ее генерал-лейтенанту Ю.Ю. Белозору. Перед выходом отряда Дроздовского в поход на Дон агитировал офицеров-добровольцев против этого. На осень 1918 г. в Добровольческой армии. После смерти генерал-майора М.Г. Дроздовского назначен начальником его 3-й пехотной дивизией. Назначение Асташева было воспринято дроздовцами как личное оскорбление, командование, ввиду его непринятия личным составом, вынуждено было отозвать его из дивизии. По некоторым данным, был расстрелян большевиками в 1918 г. в Вологде.

43.

Ракитин Леонид Семенович (1878–1962). Генерал-майор. К началу Первой мировой войны капитан 13-й артиллерийской бригады; весной 1916 г. – приватный преподаватель Одесского военного училища, исполняющий должность начальника артиллерийского полигона Одесского военного округа; с марта 1916 г. – заведующий артиллерийской частью штаба 7-й армии,

полковник; с апреля 1917 г. – командир 33-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона. До марта 1918 г. участвовал в формировании русских добровольческих частей в Кишиневе. Участник Белого движения на Юге России; во ВСЮР – начальник береговой обороны Северо-Западной части Черного моря. В эмиграции жил в Югославии, затем во Франции. Скончался в Париже; похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

44.

Белозор Юлиан Юлианович (1862–1942). Генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской войны (1904–1905). К началу Первой мировой войны – генерал-майор (1913), генерал для поручений при командующем войсками Приамурского военного округа; с октября 1914 г. – начальник санитарного отдела штаба 9-й армии; с февраля 1915 г. – временно командующий бригадой 3-й гренадерской дивизии, затем начальник 2-й стрелковой бригады; с июля 1915 г. – командующий (затем начальник) 2-й стрелковой дивизией (развернута из бригады); с апреля 1917 г. – командир 40-го армейского корпуса; в сентябре 1917 г. – исполняющий должность командующего 9-й армией. В январе 1918 г. – начальник формировавшейся в Кишиневе 2-й бригады Русских добровольцев. Подчинился приказу командования о роспуске бригады; отказался присоединиться к отряду полковника Дроздовского (несмотря на предложение встать во главе отряда). Участник Белого движения на Юге России; с сентября 1918 г. в резерве чинов при штабе Добровольческой армии; в ноябре 1918 г. – начальник 2-й пехотной дивизии; позднее в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии; по ее расформировании, с июня 1919 г. – в резерве чинов при штабе главкома ВСЮР. Эмигрант.

45.

Сфагул Цэрий (Совет края, Совет страны) – был создан 21 ноября 1917 г. Основу совета составили представители буржуазных партий. Провозгласил Молдавскую народную республику (с 27 марта 1918 г. – Молдавская демократическая республика). В противостоянии с большевиками, занявшими 1 января 1918 г. Кишинев, опирался на помощь стран Антанты, Румынии и Украинской народной республики. После занятия румынскими войсками к середине марта 1918 г. Бессарабии 27 марта 1918 г. принял решение о присоединении Бессарабии к Румынии.

46.

Участвовавший в походе капитан П.В. Колтышев вспоминал: «Мы привыкли исполнять приказы, а нас вместо этого просят; или даже объявляют, что действительность данных нами обязательств уничтожается и что мы лучше сделаем, если не пойдем на такое рискованное предприятие. Ясно, что старшие начальники сами не верят в успех, а им – виднее...» (Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 книгах. Кн. 2. / Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2005. С. 323).

47.

Samion (фр.) – большой автомобиль для перевозки тяжелых грузов.

48.

«Цыганская любовь» – оперетта австро-венгерского композитора Франца Легара, впервые поставленная в 1910 г.

49.

Коннопионеры – подразделения конных саперов, сформированные в составе Русской армии в 1913–1914 гг.

50.

Семенов Валериан Владимирович (1875–1928). Генерал-майор. К началу Первой мировой войны – капитан лейб-гвардии 4-го стрелкового полка; полковник (1915); с апреля 1914 г. – командир 10-го Заамурского пограничного пехотного полка; позднее в 42-м пехотном Якутском полку. Участник Белого движения. В начале 1918 г. поступил в отряд Дроздовского; участник похода Яссы – Дон (командир Сводно-стрелкового полка). Отрешен от должности после боя за Ростов-на-Дону; сдал полк 21 апреля 1918 г. в Мокром Чалтыре полковнику М.А. Жебраку. В 1918 г. – заведующий вербовочным бюро Добровольческой армии в Харькове; с июля – начальник 1-й дивизии Южной армии, воронежский генерал-губернатор. Позднее в белых войсках Восточного фронта; участник Сибирского Ледяного похода; в апреле 1920 г. – генерал для поручений при командующем войсками Российской восточной окраины; в 1921–1922 гг. – комендант Владивостока. В эмиграции в Маньчжурии, умер в Харбине.

51.

Гаевский Борис Анатольевич (?–1919). Полковник (май 1919 г.). К концу Первой мировой войны – штабс-ротмистр. Участник Белого движения на Юге России; в начале 1918 г. вступил в отряд полковника Дроздовского; участник похода Яссы – Дон (командир Конного дивизиона). Позднее во 2-м конном полку. Ротмистр. 5 июня, 7–17 июля 1919 г. – временно исполняющий должность командира 2-го конного полка; с августа – командир Сводно-гусарского полка. Умер в декабре 1919 г. в станице Деревянковской.

52.

Кулаковский Николай Федорович (?–1932). Подполковник. К концу Первой мировой войны – подпоручик 60-го пехотного Замосцкого полка. Участник Белого движения на Юге России; вступил в отряд полковника Дроздовского; во время похода Яссы – Дон – адъютант М.Г. Дроздовского. С 1918 г. – в Самурском полку; с 13 июля 1919 г. – поручик, с 16 августа – штабс-капитан. Эмигрант, галлиполиец. Осенью 1925 г. – в составе Дроздовского полка в Болгарии. Подполковник. В 1931 г. возглавлял группу Общества галлиполицев в Видине. Убит в 1932 г. в Болгарии.

53.

Жебрак (Жебрак-Рустанович) Михаил Антонович (1875–1918). Полковник (1916). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. По окончании войны с Японией признан негодным к строевой службе и способным занимать административные должности; в 1914 г. в чине капитана служил в Военно-морском судебном ведомстве. С началом мировой войны вернулся в строй; командир 2-го морского полка отдельной Балтийской морской дивизии, подполковник (1914); в конце 1916 г. дивизия была переброшена в устье Дуная, где вошла в состав 6-й армии Румынского фронта. Участник Белого движения на Юге России; в начале 1918 г. создал в Измаиле отряд из офицеров Морской дивизии, с которым выступил в поход на соединение с отрядом М.Г. Дроздовского; участник похода Яссы – Дон; 21 апреля после боя за Ростов-на-Дону назначен командиром Сводно-стрелкового полка, участвовал во взятии Новочеркасска. Во Втором Кубанском походе полк во главе с Жебраком взял станицы Торговую и Великокняжескую. В ночь на 23 июня возглавил атаку 2-го и 3-го батальонов полка на станцию Белая Глина. Погиб со штабом полка, нарвавшись на пулеметную батарею красных. Погребен в братской могиле в Белой Глине.

54.

Получив известие о движении отряда полковника Жебрака, Дроздовский отправил его командиру следующую записку: «Полковнику Жебраку. 1918 г. 11 марта. 23 часа 50 минут. № 4. Деревня Веселая (на реке Столбовая). На № 1. Только что был у меня Ваш начальник связи. Ваше сообщение очень обрадовало; от души приветствую непреклонную решительность и, конечно, буду ждать; завтра, 12-го именно, [проведу] здесь дневку, а послезавтра перейду небольшим переходом в пункт, который Вам назовет посланный; там в ожидании Вас снова сделаю дневку. Но ввиду обстановки, очень прошу Вас двигаться на соединение возможно скорее – лучше дать отдых уже после соединения. Автомобилей послать не могу, так как не имею бензина и принужден их бросить – должен хранить бензин для броневиков и легковых разведывательных. С нетерпением буду ждать Вашего присоединения. Оно для меня слишком ценно. Оружия и патронов для Вас найдем достаточно, пулеметчики очень нужны. Ваше личное участие для нас всегда очень ценно. До свидания. Примите уверение в совершенном уважении и преданности. М. Дроздовский» (Дроздовский и дроздовцы... С. 288).

55.

Разведчиков переодевали большевиками.

56.

Речь идет о Весеннем наступлении германской армии, проходившем в марте – июле 1918 г. – одном из наиболее крупных сражений Первой мировой войны. Несмотря на первоначальный успех наступления, ставившего себе целью перелом в ходе войны в пользу стран Четверного союза, оно окончилось неудачей. Германским войскам удалось вклиниться в оборону союзников на 60 км, однако основная задача наступления – прорыв линии фронта и разделение союзников – не была достигнута.

57.

Участовавший в походе в чине капитана (впоследствии – полковник) П.В. Колтышев вспоминал о переговорах по соединению двух добровольческих частей: «В 18 часов 13 марта в селе Новопавловка состоялись переговоры Дроздовского с Жебраком об условиях соединения. Жебрак отстаивал дальнейшее сохранение самостоятельности своего отряда как отдельной части. Дроздовский на это не соглашался, настаивая на полном слиянии и влитии отряда Жебрака в ряды наших частей. В результате два патриота русского народа не сговорились, и соединение на сей раз не произошло. [...] В дальнейшем недоразумение это было ликвидировано самим Дроздовским, согласившимся с мнением и пожеланиями Жебрака и его отряда. Но эта первая несговорчивость сама по себе была неприятна» (Дроздовский и дроздовцы... С. 289).

58.

Расстрелы пленных в первой половине 1918 г. – были характерной приметой начавшейся Гражданской войны с обеих сторон, когда захваченный в плен противник мог быть казнен без какого-либо разбирательства в вопросе. Определяющим фактором для вынесения решения о казни была принадлежность его к той или иной стороне. Во время похода Яссы – Дон, не имевший возможности брать с собой пленных и проводить какое-либо следствие, отряд Дроздовского по мере своего движения к Ростову-на-Дону расстреливал оказывавших ему сопротивление сторонников советской власти, нередко проводя карательные операции по просьбе местных жителей. Особенно жестокими были меры Дроздовского по отношению к тем, кто участвовал в убийствах чинов его отряда. Уже позднее, во время Второго Кубанского похода, после того как красноармейцами в ночь на 23 июня 1918 г. были жестоко убиты

попавшие к ним в плен полковник М.А. Жебрак и несколько десятков офицеров, Дроздовский крайне жестоко провел ответные меры. По воспоминаниям одного из дроздовцев, «...вся дивизия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывными пулями, и это тоже подбавило масла в огонь. На мельницу (куда сводили пленных красных. – Р.Г.) пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные. Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. “Вот этого – этим”, – говорил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом» (Цит. по: Абинякин Р.М. Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... / Сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 252). К концу 1918 г. подобные самочинные расстрелы пленных красноармейцев стали исключением и преследовались воинскими начальниками. В 1919 г. вчерашние красноармейцы стали одним из главных источников комплектования белых Вооруженных сил Юга России, многими тысячами поступаая в их.

59.

П.В. Колтышев в воспоминаниях приводил пример слухов, сопровождавших движение отряда по Югу России: «В руки чинов отряда попала какая-то местная провинциальная газета, где в статье “Контрреволюция в Дубоссарах” рассказывали разные небывлицы об отряде. Говорилось, что вывешен “старорежимный трехглавый флаг” над городом. “Банда” буржуев и офицеров, среди которой находился и бывший царь Николай II, терроризировала население, производя множество грабежей и “массовых расстрелов”. В конце газетной заметки стояло гордое заявление, что крепкая советская власть сумеет быстро положить конец “этой офицерской затее”» (Дроздовский и дроздовцы... С. 282–283).

60.

Кудряшов Ипполит Александрович (1885–1965). К началу Первой мировой войны служил помощником прокурора в Ломже. На военной службе с осени 1914 г. – вольноопределяющийся-артиллерист; прапорщик артиллерии (1915); к осени 1917 г. – поручик, младший офицер 2-й батареи 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона на Румынском фронте. Участник Белого движения на Юге России. Осенью 1917 г. вместе со своим однополчанином штабс-капитаном Д.Б. Бологовским вступил в подпольную антисоветскую организацию на Румынском фронте. Одними из первых группа Бологовского присоединилась М.Г. Дроздовскому (штабс-капитан Бологовский и его группа из 14 человек в отряде исполняли функции разведки и контрразведки). Участник похода Яссы – Дон, рядовой 2-й роты Сводно-стрелкового полка. В дальнейшем участник всех боев и походов Дроздовской дивизии. В 1919–1920 гг. – командир бронеавтомобилей «Кубанец» и «Доброволец». В 1920 г. после эвакуации Новороссийска – младший офицер 7-й гаубичной батареи в Дроздовском артдивизионе, подполковник. После Галлиполи эмигрировал из Болгарии во Францию. Состоял в Обществе галлиполийцев и в РОВСе, но в дальнейшем от них отошел. Скончался в Сен-Боделе.

61.

Изменчивый (фр.).

62.

Здесь и далее речь идет о чинах 84-го пехотного Ширванского полка.

63.

Колзаков Борис Яковлевич (1888–1940). Генерал-майор (1919). В Первую мировую войну – капитан Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Участник Белого движения на Юге России; во время похода Яссы – Дон – командир конно-горной батареи. В августе 1918 г. – командир 1-й конно-горной батареи; осенью – полковник, командир Дроздовской конно-горной батареи; с 13 июля 1919 г. – командир Отдельной конно-горной генерала Дроздовского батареи, генерал-майор; в августе 1920 г. – командир 3-го конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Эмигрант. В Галлиполи – командир 2-й сводной конно-артиллерийской батареи. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже.

64.

Двойченко Владимир Аврамович (1882–1939). Полковник (1919). В Первую мировую войну вступил младшим офицером 6-го эскадрона Крымского конного полка; к концу войны – штабс-ротмистр. Участник Белого движения на Юге России; во время похода Яссы – Дон – командир 2-го эскадрона Конного дивизиона; сформировал свой эскадрон, состоявший в основном из пехотных и артиллерийских офицеров, в Кишиневе. Осенью 1919 г. – командир Таврического конного дивизиона Чеченской конной дивизии, полковник. В эмиграции – доброволец армии генерала Франко. В 1937–1939 гг. – сержант испанской армии. Умер в Сантандере.

65.

Туркул Антон Васильевич (1892–1957). Генерал-майор (1920). Первую мировую войну начал вольноопределяющимся 75-го пехотного Севастопольского полка; к концу войны – штабс-капитан. Участник Белого движения на Юге России; в середине 1917 г. начал формирование ударного батальона, позднее в отряде Дроздовского; во время похода Яссы – Дон – фельдфебель в офицерской роте. 16 июля 1918 г. ранен в бою под Кореновской, оправился от раны к декабрю, принял командование 1-м офицерским батальоном 2-го офицерского стрелкового полка; с сентября по 11 октября 1919 г. – командир 2-го Дроздовского полка; с 11 октября 1919 по август 1920 г. – командир 1-го Дроздовского полка; 7 августа назначен временно исполняющим должность начальника Дроздовской дивизии, позднее утвержден в должности. В эмиграции в 1920-е гг. – командир Сводно-стрелкового генерала Дроздовского полка; руководитель группы дроздовцев в Болгарии; с 1935 г. – основатель и руководитель Национального союза участников войны. В годы Второй мировой войны участвовал в формировании Русской освободительной армии, командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. – в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев. Скончался в Мюнхене, похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

66.

Речь идет об отряде известной анархистки Марии Григорьевны Никифоровой – Маруси (1885–1919), одного из предводителей анархистов на территории Украины.

67.

Флагами полков Отдельной Балтийской морской дивизии (при создании, в 1915 г. – бригады) были пожалованные в апреле 1916 г. всем четырем полкам знаменные Андреевские флаги. В феврале 1918 г., при формировании Сводного морского добровольческого полка флаг 1-го морского полка был передан ему. После присоединения добровольцев полковника Жебрака к отряду полковника Дроздовского был отдан приказ считать знаменный Андреевский флаг знаменем 1-й бригады русских добровольцев. Позднее, с июня 1918 г. Андреевский флаг

стал знаменем 2-го офицерского стрелкового полка; с апреля 1920 г. – считался знаменем 1-го стрелкового Дроздовского полка и с 18 ноября 1920 г. – знаменем Сводного стрелкового генерала Дроздовского полка. Андреевский флаг и Николаевское знамя 1-го Дроздовского стрелкового полка, а также полковой значок (малиновый ромб с литерой «Д») ныне хранятся в Париже в храме Святого Александра Невского.

68.

Речь идет об индукционной катушке, с помощью которой можно повышать и понижать напряжение в электрической цепи или преобразовывать постоянный ток в переменный и наоборот. Это изобретение было сделано немецким физиком Генрихом Румкорфом (1803–1877); во второй половине XIX – начале XX в. она называлась спиралью Румкорфа (современное название – трансформатор). В описываемом случае речь идет о возможности применения «машинки Румкорфа» как огнепривода к заряду взрывчатки для подрыва моста через Днепр.

69.

Вагенбург (нем. Wagenburg) – передвижное полевое укрепление, создававшееся из повозок.

70.

Чакчиры – гусарские брюки, с цветной выпушкой вдоль швов по бокам и «венгерскими» узлами спереди; каждый из гусарских полков Русской армии имел чакчиры своего цвета.

71.

Фендрик (от нем. Fähnrich – знаменщик) – воинское звание или чин в вооруженных силах ряда стран.

72.

Дрон Владимир Степанович (?–1920). Капитан. Участник Первой мировой войны и Белого движения на Юге России. В 1919 г. – помощник командира 2-го Дроздовского полка; с сентября 1920 г. – командир 3-го Дроздовского полка, полковник. 27 октября смертельно ранен в боях на Перекопе.

73.

Впервые безалкогольное пиво было сварено в начале XX века чешской компанией «Budweiser».

74.

Речь идет о винах винодельческого хозяйства князя П.Н. Трубецкого (1858–1911), одного из крупнейших виноделов в России начала XX в.

75.

Речь идет о вывозе продовольствия с территории Украинской народной республики в соответствии с заключенным ею с Германией и Австро-Венгрией Брестским миром (нем. Brotfrieden – «хлебный мир»). Согласно договору, в первой половине 1918 г. Украина должна была Германии и Австро-Венгрии 60 млн пудов хлеба и 2750 тысяч пудов мяса (в живом весе), а также другую сельскохозяйственную продукцию и промышленное сырье.

76.

Перед началом похода Яссы – Дон штаб Румынского фронта передал 1-й бригаде русских добровольцев «мешок серебряных Георгиевских крестов» (Кравченко В. [М.] Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973. Т. 1. С. 30).

77.

Речь идет о сравнении с продукцией «Булочных Филиппова» – сети магазинов и пекарен, владельцем которых был И.М. Филиппов (1824–1878), выпускавших широкий ассортимент высокого качества.

78.

Клеврет (старославянское; от лат. *collibertus* – отпущенный с кем-либо на свободу) – приспешник, приверженец, не брезгающий средствами, чтобы угодить своему покровителю; в данном случае используется для обозначения приверженца советской власти, командира красного Приднепровского отряда Алехина.

79.

Дроздовский не говорит в дневнике о вестях, которые сообщили ему разведчики, отправленные на Дон для связи с Корниловым и привезшими ему вестями о гибели Корнилова и тяжелом положении Добровольческой армии. Капитан Колтышев позднее вспоминал: «Вечером 1 апреля пришлось узнать очень неприятную весть, сообщенную под большим секретом только нескольким чинам отряда. Весть эта пришла с Дона с одним из агентов Дроздовского поручиком [И.А.] Кудряшовым. Она подтвердила ранее ходившие слухи о том, что Донское Войско, в лице главным образом молодых казаков, изменило Дону, много офицеров погибло, а вся область занята большевиками. О Корнилове сведения были также неутешительны: “он дерется где-то в районе Кавказской, и ходят даже слухи, что Корнилов убит”. Катастрофа с Доном явилась большой неприятностью. Это обстоятельство сильно осложнило наше положение. Оставалась одна надежда, что армия Корнилова еще жива. Все помыслы по-прежнему были направлены только к ней. Ее тяжелое положение вызвало еще большую необходимость скорейшей помощи с нашей стороны. Но где она? Куда идти дальше? В Крым или на Дон? Эти вопросы не давали покоя Дроздовскому и всем тем, кто знал обстановку, находясь возле него» (Дроздовский и дроздовцы... С. 319).

80.

Вероятно, Дроздовский упоминает в дневнике о дошедших до него слухов о высадке японских войск на Дальнем Востоке; в апреле 1918 г. во Владивостоке японцами был высажен десант под предлогом необходимости защиты японских подданных; к октябрю 1918 г. численность японских войск в России доходила 72 000 человек.

81.

Вероятно, Дроздовский передает в дневнике искаженную информацию о действиях польских добровольческих частей весной 1918 г. Летом 1917 г. Временное правительство дало разрешение на формирование одного польского корпуса; командующим 1-м польским корпусом в августе 1917 г. был назначен генерал-лейтенант Русской армии Иосиф Романович Довбор-Мусницкий (1867–1937). Части его корпуса несмотря на разложение армии сохраняли дисциплину и подчинялись своему начальству. В январе 1918 г. Довбор-Мусницкий отказался подчиняться Совету народных комиссаров. На подавление мятежа были направлены части латышских стрелков и матросов под командованием И.И. Вацетиса и И.П. Павлуновского. Потерпев поражение у Рогачева (1-я дивизия), части корпуса отошли к Бобруйску и Слуцку.

Позднее, при поддержке германских войск корпус взял Минск. В мае 1918 г. расформирован по соглашению с германским командованием.

82.

В Северной Таврии, Херсонской и Екатеринославской губерниях большую роль в жизни общества играли органы самоуправления, созданные немцами-колонистами. Традиции самоуправления в колониях были очень крепки (начиная с конца XVIII в.). Колонисты, как правило, стремились жить замкнуто, обособленно, сохраняя свои культурные, бытовые и религиозные особенности. По свидетельствам современников, национальная солидарность позволяла немцам-колонистам поддерживать полную хозяйственную автономию от местного населения (малороссов, великороссов-переселенцев и др.). Все должности волостной и сельской администрации занимались исключительно немцами. Колонисты практически не пользовались услугами южнорусского земства, составляли собственные ссудно-сберегательные товарищества. Исключительное трудолюбие колонистов, использование интенсивных методов ведения сельского хозяйства обусловили их зажиточность. Вместе с тем, национальная отчужденность немцев, их расчетливо-эгоистическое отношение к окружающим их сельским общинам и единоличным хозяйствам вызывали ответное недоверие, подозрительность и враждебность со стороны русских и украинских крестьян, что и проявилось в полной мере в 1918–1920 гг. Сохраняя свою автономию, немцы-колонисты создавали и собственную самооборону. Еще во время германской оккупации 1918 г. колонии обильно снабжались оружием и обмундированием немецкой армии. В конце 1918 – начале 1919 г. наиболее опасным врагом для колонистов стали местные повстанческие отряды, в частности отряды Н.И. Махно и Н.А. Григорьева. Против махновцев выступили отряды колоний Блюменталь, Эйгенфельд (Ейгенфельд) – но они были разбиты, а сами колонии подверглись разграблению. Постоянные нападения на колонии немцев практиковались Махно вплоть до занятия Северной Таврии и южных районов Херсонской губернии Добровольческой армией (в июле – августе 1919 г.) (подробнее см.: Цветков В.Ж., Гагкуев Р.Г. Между красными и белыми // Красная смута: Сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев. М., 2011).

83.

Вероятно, речь идет о последнем городском голове Мелитополя накануне установления советской власти в декабре 1917 г. – Алексее Матвеевиче Панкееве.

84.

Почекаев Лев Николаевич (1887–?). К концу Первой мировой войны – подполковник. Участник Белого движения на Юге России; вступил в отряд полковника Дроздовского; во время похода Яссы – Дон – командир 1-го батальона Сводно-стрелкового полка. В январе 1919 г. – начальник колонны в Северной Таврии; с лета – командир 42-го пехотного полка, полковник. В Русской армии до эвакуации Крыма. Эмигрант.

85.

Речь идет о генерале Эрнсте Вильгельме Луи Саке (1854–1930).

86.

Оккупировав территорию нынешней Украины, Германия первоначально не вела деятельности, направленной против Добровольческой армии: в июне и первой половине июля 1918 г. германские оккупационные войска не только не чинили препятствий к отправке добровольцев на Дон, но даже оказывали содействие в отправке эшелонов. Подполковник Н.Н. Кришевский, находившийся весной 1918 г. в Крыму, вспоминал, что у вступивших на территорию

полуострова оккупационных войск к офицерам «отношение было отличное. В своем обращении начальник немецкой дивизии сказал, что офицерам теперь место или на Украине, где идет государственное строительство, или на Дону, в Добровольческой армии, и что немцы окажут содействие каждому, кто пожелает туда отправиться». Но позднее, после подписания 14 августа Советской Россией и Германией в дополнение к Брестскому миру соглашения, по которому стороны обязались прилагать усилия по борьбе внутри России с Добровольческой армией и Антантой, их политика переменялась. Находившийся с весны 1918 г. на Украине генерал Лукомский отмечал, что летом «отношение к армии резко изменилось: бюро для записи в ее состав распоряжением правительства гетмана (а штаб гетмана указывал, что это сделано по распоряжению немцев) было закрыто, и было объявлено, что впредь всякая пропаганда в пользу отправки офицеров и солдат в Добровольческую армию будет строго преследоваться, что виновные будут арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрешений на выезд на Дон без ручательства бывшего в Киеве представителя донского атамана (генерал-лейтенанта А.В. Черячукина. – Р.Г.), что отправляющиеся на Дон не едут на пополнение Добровольческой армии. Вместе с этим из немецких кругов через представителей украинского военного министерства широко началось пропагандирование идеи создания особой Южной Добровольческой армии для борьбы против большевиков и с открытыми монархическими лозунгами. [...] В Харькове и особенно в Киеве начались серьезные репрессии по отношению к офицерам, которые проповедовали необходимость идти на пополнение армии Деникина; их начали арестовывать и содержали в тюрьме как важных государственных преступников».

87.

Речь идет о Брестском мирном договоре – сепаратном мире, заключенном 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, с одной стороны, представителями Советской России, и с другой стороны – делегациями от Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарского царства); означал поражение и выход Советской России из Первой мировой войны, не признавался участниками Белого движения, как нарушающий союзные обязательства и не отвечающим интересам страны.

88.

Речь идет о флаге ведомства путей сообщений Российской империи (утвержден в 1881 г.), поднимавшемся на флагштоках над зданиями вокзалов на железнодорожных станциях. Представлял собой белое полотнище, верхнюю левую четверть которого занимали три полосы российского национального флага; нижнюю правую – скрещенные топор и якорь (эмблема Министерства путей сообщения).

89.

Впоследствии часть офицеров и генералов армии Украинской державыполнила ряды белых Вооруженных сил Юга России. Так, генерал-лейтенант Александр Иванович Березовский (1867–1940), находившийся в армии Украинской державы с мая 1918 г. и командовавший 3-м Одесским корпусом, с началом антигетманского восстания в конце 1918 г. заявил о присоединении кадра корпуса и всего Одесского района к Добровольческой армии генерала А.И. Деникина; позднее находился при штабе Крымско-Азовской добровольческой армии, затем – при штабе главкома ВСЮР. Генерал-лейтенант Леонид Васильевич Федяй (1859–?) находился в армии Украинской державы с апреля 1918 г., с июня 1918 г. был начальником 14-й пехотной, с сентября – 7-й пехотной дивизий. В конце 1918 г. выехал на Дон, в 1919–1920 гг. – состоял в резерве чинов ВСЮР и Русской армии.

90.

Речь идет о восстании «Союза увечных воинов» в Бердянске Таврической губернии, поднятом в начале апреля 1918 г. Причинами восстания стали недовольство части жителей Бердянска политикой подконтрольного большевикам городского совета и реквизиции продовольствия и материальных ценностей. Во главе восстания встали меньшевики, в то время как его военную силу составил «Бердянский союз увечных воинов». В результате восстания власть в городе перешла к городской думе, а члены большевистского совета были арестованы. Ко времени подхода отряда Дроздовского город уже был подвергнут артиллерийскому обстрелу одним из красных отрядов, использовавших для ведения огня установленные на барже артиллерийские орудия. Отряд Дроздовского занял город без боя.

91.

Абольянц (Абальянц) Аристарх Аванесович (?–1964). Участник Первой мировой войны; с конца 1916 г. в штабе Одесского военного округа; служил в 46-м запасном пехотном полку; в конце 1917 г. (после перевода полка в Бердянск) арестован, позднее освобожден. Участник Бердянского восстания в апреле 1918 г.; с мая 1918 г. на Дону, в составе 2-го офицерского (Дроздовского) полка Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции во Франции; представитель журнала «Часовой» в Марселе, руководитель Дроздовского объединения; с середины 1920-х гг. – представитель Русского национального объединения во Франции.

92.

Лайба (финск.) – простая палубная или беспалубная лодка, с одной или двумя мачтами, в качестве речных палубных судов бала распространена на реках Днепр, Десна и др.

93.

Черков Александр. Участник Первой мировой войны; на май 1915 г. – поручик 60-го пехотного Замосцкого полка. К осени 1917 г. – в том же полку, полковник.

94.

Гауптман – офицерское воинское звание в германской армии.

95.

Унтер-офицер Панасенко был одним из руководителей восстания «Союза увечных воинов»; погиб во время боев в городе.

96.

Натиев Александр (1873–1919). Участник Первой мировой войны; к концу 1917 г. генерал-майор, командир 4-й артиллерийской бригады (по другим данным – полковник, начальник 6-го тяжелого мортирного дивизиона). После «украинизации» в декабре 1917 г. 6-го армейского корпуса и его преобразования во 2-й Сечевой Запорожский корпус – инспектор артиллерии этого корпуса; с середины февраля 1918 г. – инспектор артиллерии Отдельного Запорожского отряда войск Центральной рады; с марта 1918 г. – начальник Отдельной Запорожской бригады (позднее дивизии) армии Украинской народной республики (затем армии Украинской державы); осенью 1918 г. уволен по собственному желанию; тогда же утвержден в чине генерального хорунжего; в ноябре 1918 г. занимался формированием Отдельного отряда верных запорожцев, создававшегося для обороны Киева от войск Директории. После падения власти гетмана П.П. Скоропадского был арестован. После освобождения выехал на Северный

Кавказ, вступил в ряды Вооруженных сил Юга России; весной 1919 г. назначен инспектором формирования войск на Кавказе. Убит в Батуме.

97.

Вероятно, речь идет о полковнике (в 1917 г. – генерал-майоре) Генерального штаба Льве Антоновиче Дроздовском (1869–1951), в 1910–1911 гг. служившем штаб-офицером для поручений при штабе Туркестанского военного округа (Натиев в 1910 г. был штабс-капитан 1-й Туркестанской артиллерийской бригады, расквартированной в Ташкенте).

98.

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939). Генерал от инфантерии (1917). Участник Первой мировой войны, на фронт которой вышел в чине генерал-майора, генерал-квартирмейстером штаба 6-й армии (с июня 1914); с августа – генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии; с октября 1914 г. – командующий 14-й кавалерийской дивизией; с мая 1915 г. – командующий (затем начальник) 2-й гвардейской кавалерийской дивизией (с 13.05.1915); с ноября 1916 г. – начальник 64-й пехотной дивизии; с апреля 1917 г. – командир 18-го армейского корпуса; с мая – командующий 11-й армией; с июня – командующий Особой армией. Участник корниловского выступления, в августе 1917 г. арестован. После освобождения из Быхова уехал на Дон, активный участник формирования Добровольческой армии с момента ее создания; в январе – марте 1918 г. – представитель Добровольческой армии при Кубанском краевом правительстве; в марте – апреле командующий отдельной Конной бригадой Добровольческой армии; в мае – августе – 1-й конной дивизией; с октября 1918 г. – в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР. В январе 1919 г. командирован в Закавказье; с апреля – главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (с мая – Астраханского края, с июля – Северного Кавказа). С апреля 1920 г. – в резерве чинов при Военном управлении ВСЮР, позднее в распоряжении главкома. В эмиграции жил во Франции, активный участник РОВС; с 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС.

99.

Приведенные слухи ошибочны. Вероятно, речь идет о генерале от кавалерии Николае Николаевиче Баратове (1865–1932), командующем Кавказским кавалерийским корпусом, в 1918 г. представителе Добровольческой армии (позднее ВСЮР) в Закавказье.

100.

Речь идет о типах преступников (душегуб, вор, насильник и жулик), выделенных Чезаре Ламброзо (1835–1909), итальянским врачом-психиатром, родоначальником антропологического направления в криминологии и уголовном праве.

101.

Винтовка Гра была разработана генералом Базилем Гра (1836–1901) на оружейном заводе Туль и принята на вооружение французской армией в 1874 г. В годы Первой мировой войны 450 тысяч винтовок Гра и еще 105 тысяч винтовок ее модификации Гра-Кропачека было поставлено для вооружения Русской армии из Франции; устаревшие винтовки использовались в годы мировой войны в связи с нехваткой современного вооружения.

102.

Фетисов Михаил Алексеевич (1881–1934). Генерал-майор (1920). К концу Первой мировой войны – войсковой старшина, помощник командира 7-го Донского казачьего полка. В марте – апреле 1918 г. – руководитель восстания в станице Кривянской, в апреле – руководитель

освобождения Новочеркасска. Полковник; до января 1919 г. – командир отряда своего имени Южной группы Восточного фронта; с весны 1920 г. – в Донском офицерском резерве до эвакуации из Крыма. В эмиграции во Франции.

103.

Попов Петр Харитонович (1867–1960). Генерал от кавалерии (1919). В годы Первой мировой войны начальник Новочеркасского казачьего училища (1910), генерал-майор (1913). 30 января назначен донским атаманом генерал-майором А.М. Назаровым походным атаманом. При подходе к Новочеркаску красных войск выступил в Степной поход; активно участвовал в подготовке Донского восстания; в апреле 1918 г. со своим отрядом двинулся на Новочеркасск, заняв его 23 апреля при помощи отряда полковника Дроздовского. По окончании восстания и начала формирования Донской армии – генерал-лейтенант, находился при новом донском атамане генерал-майоре П.Н. Краснове для поручений, в мае подал в отставку. В феврале 1919 г. после избрания донским атаманом генерал-лейтенанта А.П. Богаевского избран председателем Донского правительства и министром иностранных дел; в рядах ВСЮР и Русской армии до эвакуации из Крыма осенью 1920 г. В эмиграции проживал в Болгарии, Франции, Чехии, США; скончался в Нью-Йорке.

104.

29 апреля 1917 г. при прямом содействии главнокомандующего германскими войсками на Украине генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна был проведен переворот: Центральная рада была распущена, а генерал-лейтенант П.П. Скоропадский провозглашен «гетманом всея Украины». Украинская народная республика была упразднена, ей на смену пришла Украинская держава. В 1917 г. Скоропадский одним из первых приступил к формированию украинских воинских частей, переформировав части 34-го армейского корпуса (которым он командовал с января 1917 г.) в 1-й Национальный украинский корпус. Осенью 1917 г. он активно участвовал в создании Всеукраинского Союза вольного казачества и 10 октября был избран атаманом (главой военных формирований Центральной рады) на казачьем съезде в Чигирине. Акт создания гетманской власти не сопровождался проведением избирательной кампании. Гетмана избрал («выкликнул») Хлеборобский конгресс (6432 делегата из всех регионов Украины). Избрание Скоропадского гетманом многими современниками оценивалось как государственный переворот, совершенный исключительно по инициативе германского командования. Но нельзя не учитывать того, что в избрании гетмана участвовала достаточно многочисленная и влиятельная общественная организация – Союз хлеборобов-собственников.

105.

Речь идет об Отдельной Запорожской дивизии (развернутой ранее из одноименной бригады) армии Украинской народной республики (в апреле – армии Украинской державы).

106.

Весной 1918 – начале 1919 г. Таганрог стал одним из важных центров пополнения Добровольческой армии. В ведении созданного в нем Таганрогского центра находилась территория побережья Азовского моря от Бердянска до Таганрога (включая Мариуполь), где под видом ссудно-сберегательного товарищества действовало 54 вербовочных отделения. Всего за время существования Таганрогского центра (с мая 1918 по апрель 1919 г.) в армию было переправлено свыше 400 офицеров и 3500 солдат, каждый из которых получал средства на проезд в армию и суточные. Прибывавшее в армию из центра пополнение было не только из Таганрогского округа Войска Донского, но и из Бахмутского, Бердянского,

Мариупольского, Славяносербского уездов Екатеринославской и Таврической губерний. Кроме того, в Добрармию центром было передано более 100 000 единиц перевязочных средств, белье, медикаменты и др.

107.

В бою за Ростов-на-Дону дроздовцы понесли наибольшие потери за все время похода – по разным оценкам они достигали от 80 до 100 человек. Составитель дроздовской полковой истории В.М. Кравченко в 1972 г. вслед за первым изданием «Дневника» М.Г. Дроздовского писал о 82 добровольцах, выбывших из строя (Кравченко В.[М.] Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. С. 104); капитан В.А. Андреянов – о 90 (Поход Дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский. М., 1993. С. 24); капитан П.В. Колтышев говорит о 12 убитых, 5 без вести пропавших и 60 раненых офицерах (Дроздовский и дроздовцы... С. 361). В руках большевиков осталось также несколько пулеметов, патроны и часть обоза отряда. Большой утратой стала гибель начальника штаба отряда, полковника М.К. Войналовича.

108.

После отхода от Ростова-на-Дону ситуация казалась для М.Г. Дроздовского безвыходной, он был удручен понесенными потерями и не мог далее продолжать бой с большевиками и не имел сведений относительно расположения Добровольческой армии. По воспоминаниям полковника Н.Д. Невадовского, уже после того, как отряд отошел от города, он вместе с Дроздовским остановился «...в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский – этот сильный духом человек – опустил голову и слезы потекли из его глаз... [...] Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей» (Невадовский Н.Д. Первые походы // Вестник первопоходника. Лос-Анджелес, 1963. № 26. С. 36–38).

109.

26 апреля 1918 г. на площади у Войскового Свято-Вознесенского собора состоялся парад отряда полковника Дроздовского, который принимал будущий донской атаман генерал П.Н. Краснов. «Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. Светлое неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. Все это незабвенно. Мы как бы сбросили со всех темное удушье, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расстраивались. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

110.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947). Генерал от кавалерии (1918), атаман Всевеликого Войска Донского (1918–1919), военный и политический деятель, известный писатель и публицист. Участник Русско-японской войны (1904–1905). На фронт Первой мировой войны выступил командиром 10-го Донского казачьего полка (1913–1915); командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии (апрель – сентябрь 1915); командующий 2-й сводной казачьей дивизией (осень 1915 – июль 1917); командующий 1-й Кубанской казачьей дивизией (июль – сентябрь 1917); командир 3-го кавалерийского корпуса. После Октябрьского переворота, по приказу Главнокомандующего А.Ф. Керенского, выступил с корпусом на Петроград; после поражения наступления арестован, бежал на Дон. В мае 1918 г. избран донским атаманом; в феврале 1919 г. подал в отставку. Осенью 1919 г. зачислен в Северо-

Западную армию, ведал вопросами пропаганды. В эмиграции жил во Франции, занимался литературным трудом. Во время Второй мировой войны находился в Германии. С сентября 1943 г. – начальник Главного управления казачьих войск в Германии. В мае 1945 г. в городе Лиенце (Австрия) вместе со многими тысячами казаков был выдан английским командованием советским оккупационным властям. 16 января 1947 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

111.

Численность отряда полковника Дроздовского, пришедшего на Дон, составляла около 1000 человек. Согласно данным полкового историка дроздовцев В.М. Кравченко, приведенным в 1970-х гг., отряд Дроздовского в Дубоссарах насчитывал около 1050 человек, из которых не менее 650 (2/3) были офицерами (Кравченко В.[М.] Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. С. 33–34). По свидетельству капитана В.А. Андреенова, в отряде было до 700 добровольцев, а еще около 300 военнопленных большевиков находились в обозе (Поход дроздовцев... С. 12, 18–19). Согласно «Алфавитному списку чинов Сводно-стрелкового полка Отряда русских добровольцев, выступивших в поход из Румынии», только в пехотной части полка было 460 человек (при этом доли рядового и офицерского кадра составляли 22 и 78 %. Еще более подробные сведения содержатся в списке, составленном в 1922 г. полковой комиссией дроздовцев, позднее приложенном к воспоминаниям полковника П.В. Колтышева – 102 и 358 человек соответственно) (Дроздовский и дроздовцы... С. 396–419). Согласно этим данным, численность Сводно-стрелкового полка составляла 523 человека; еще 102 чина было в конном дивизионе. На протяжении похода отряд неоднократно пополнялся, но приток добровольцев не был значительным: Каховка дала около 40 человек, Мелитополь – около 70, Бердянск – 70–75, Таганрог – 50, большая группа офицеров из Одессы осталась на месте, дезориентированная ложным известием о гибели отряда. Среди пополнявших отряд Дроздовского, помимо офицеров, были учащиеся старших классов (гимназисты, семинаристы), юнкера, чиновники и др.

112.

Генерал Деникин, уже после первой публикации в 1923 г. «Дневника» Дроздовского, привел в 1924 г. несколько более полный отрывок из отправленной ему в конце апреля телеграммы: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... Отряд утомлен непрерывным походом – но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. С. 332).

113.

Романовский Иван Павлович (1877–1920). Генерал-лейтенант (1918). Участник Русско-японской войны (1904–1905). С началом Первой мировой войны – начальник штаба 25-й пехотной дивизии (1914 – август 1915); командир 206-го пехотного Сальянского Наследника Цесаревича полка (август 1915 – октябрь 1916); генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (с октября 1916); исполняющий должность начальника штаба 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова (с апреля 1917); 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (с июля). Участник Корниловского выступления (август); арестован, помещен в Быховскую тюрьму; бежал. Участник Белого движения; с ноября – в Добровольческой армии; с декабря – начальник строевого отдела штаба армии; с февраля 1918 г. – начальник штаба Добровольческой армии. Участник Первого Кубанского похода Добрармии. После создания Вооруженных сил Юга России – начальник штаба ВСЮР (с января 1919); входил в состав Особого совещания при Главкоме ВСЮР. Ближайший помощник Главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина. В марте 1920 г. сдал свою должность генерал-лейтенанту П.С. Махрову. После

отставки Деникина в марте выехал в Константинополь. Убит в здании русского посольства в Константинополе членом тайной монархической организации поручиком М.А. Харузиным, считавшим Романовского главным виновником поражения ВСЮР.

114.

Присоединение отряда Дроздовского имело большое значение для Добровольческой армии, в результате почти удвоившей свою численность. Отряд Дроздовского насчитывал около 2500–3000 человек – хорошо вооруженных, снаряженных и обмундированных, – при значительной артиллерии, с двумя броневиками, аэропланами (один из них был полностью готов к вылетам), автомобилями, радиотелеграфом, оркестром и большими запасами артиллерийских снарядов (8000), ружейных и пулеметных патронов (200 тысяч), запасных винтовок (свыше 1000). Отряд имел оборудованную санитарную часть и обоз в отличном состоянии (Кравченко В.[М.] Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. С. 126; Нилов С.Р. Рыцарь духа // Часовой. Париж. 1969. № 512).

115.

Крайне непростые взаимоотношения, сложившиеся в 1918 г. между полковником М.Г. Дроздовским и генерал-майором И.П. Романовским, стали следствием сразу нескольких факторов. Очевидно, что одним из них была амбициозность двух офицеров, которая накладывалась на ряд обстоятельств, усугубивших ситуацию.

116.

Боровский Александр Александрович (1877–1939). Генерал-лейтенант (1918). На фронт Первой мировой войны вышел подполковником 6-го Сибирского стрелкового полка; с февраля 1916 г. – командир 8-го Сибирского стрелкового полка; в 1917 г. – командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии, затем во главе дивизии; генерал-майор. Участник Белого движения на Юге России; в Первый Кубанский поход Добровольческой армии выступил во главе Студенческого батальона; после соединения Добрармии с Кубанским отрядом – командир Офицерского полка. Во Втором Кубанском походе командовал 2-й пехотной дивизией; в конце 1918 г. – командир 2-го армейского корпуса Добрармии; с конца декабря – командир Крымско-Азовского корпуса Добрармии (в январе 1919 г., после переименования его в Крымско-Азовскую Добровольческую армию – командарм); с июня 1919 г. – в распоряжение главкома ВСЮР, с сентября в резерве чинов при штабе главкома ВСЮР. В начале апреля 1920 г. был обвинен в интригах против нового главкома ВСЮР генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля и выслан из Крыма. В эмиграции проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

117.

Во время боев под Армавиром 17 сентября 1918 г. Дроздовский проигнорировал отданный ему Деникиным приказ, что привело к ухудшению положения на фронте. Командующий резко высказал Дроздовскому свое недовольство. В «Очерках русской смуты» Деникин писал об этом периоде боев: «Я был 16-го в отряде Дроздовского. Он считал бесцельным дальнейшее наступление на Армавир, пока не будет разбита Михайловская группа... Согласившись с ним, я оставил на армавирском направлении слабый заслон полковника [Н.С.] Тимановского и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской, дав ему задачу – нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и совместно с конницей [П.Н.] Врангеля разбить ее. Дроздовский вышел только к вечеру 17-го на фронт Врангеля и принял иное решение: ночью произвести смену 1-й конной дивизии на ее позиции и с 7 часов утра 18-го атаковать с востока в тыл Михайловской. Атака Дроздовского

не имела успеха; части его понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Полное истощение артиллерийских патронов послужило немалой причиной увеличения числа жертв» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. С. 651).

118.

Тимановский Николай Степанович (1889–1919). Генерал-лейтенант (1919). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. На фронт последней вышел офицером 13-го стрелкового полка. После тяжелого ранения назначен командиром Георгиевского батальона при Ставке Верховного главнокомандующего. К концу войны – полковник (1916). Участник Белого движения на Юге России; с декабря 1917 г. в Добровольческой армии; в начале Первого Кубанского похода назначен помощником командира Сводно-офицерского полка, позднее начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады; с мая 1918 г. – командир 1-го Офицерского полка; с ноября 1918 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, генерал-майор. В начале 1919 г. в Одессе, во главе отряда добровольцев, затем начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (позднее – Отдельной Одесской стрелковой бригады). В мае – июне 1919 г. – начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии; с июня – начальник 1-й пехотной дивизии; после ее разделения осенью на Корниловскую и Марковскую дивизии принял командование над марковцами. Умер от тифа.

119.

Приведенные Дроздовским сведения о потерях не являются не типичными для боев 1918 г. – аналогичные потери несли и другие части Добровольческой армии. Полковой историк Корниловского ударного полка М.Н. Левитов писал о потерях корниловцев во второй половине 1918 г.: «От начала Второго Кубанского похода и до отправки полка на пополнение в Екатеринодар полк понес потери в 2693 человека убитыми и ранеными...» (Материалы для истории Корниловского ударного полка / Сост. М.Н. Левитов. Париж, 1974. С. 209–210). Согласно сведениям марковской полковой истории, 1-й офицерский генерала Маркова полк понес большие потери в ходе Армавирских и Ставропольских боев. Во время октябрьских Армавирских боев полк потерял $\frac{2}{3}$ своего состава – 2000 штыков, получив при этом пополнение в количестве около 1000 человек. К концу боев в его составе оставалось около 1500 штыков. После Ставропольских боев к середине ноября в полку осталось всего 800 человек (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. Кн. 1. Зарождение Добровольческой армии. 1-й и 2-й Кубанский походы. Париж, 1962. С. 335, 349–350).

120.

Суворов Александр Васильевич (1729–1800). Великий русский полководец, не потерпевший ни одного поражения; один из основоположников русского военного искусства. Светлейший князь Италийский (1799), граф Римникский (1789), граф Священной Римской империи (1789), генералиссимус российских сухопутных и морских сил (1799), генерал-фельдмаршал австрийских и сардинских войск, гранд Сардинского королевства и принц королевской крови (с титулом «кузен короля») (1799), кавалер всех российских и многих иностранных военных орденов. Участник Семилетней войны (1756–1763). В 1774 году участвовал в подавлении Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Во время русско-турецких войн (1768–1774 и 1787–1791) одержал победы при Козлудже (1774), Кинбурне (1787), Фокшанах (1789), Римнике (1789), штурмом овладел крепостью Измаил (1790). В 1799 году блестяще провел Италийский и Швейцарский походы, разбив французские войска на реках Адда и Треббия и при Нови, а затем, перейдя швейцарские Альпы, вышел из окружения. Автор ряда военно-теоретических работ.

121.

Очевидно, в данном случае Дроздовский указывает генералу Деникину на существовавшую для него возможность согласно предложению атамана П.Н. Краснова весной 1918 г. войти со своим отрядом в состав Донской армии и играть самостоятельную роль в последующих событиях.

122.

Генерал Деникин, уже после публикации «Дневника» Дроздовского в 1924 г., в «Очерках русском смуты» рассказал историю появления этой резолюции Романовского: «Рапорт Дроздовского – человека крайне нервного и вспыльчивого – заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского. Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами. Так же восприняли бы этот факт и в 3-й дивизии... Принцип вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я, переживая остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским.

123.

Публикатор «Дневника» Дроздовского, очевидно, не был достаточно хорошо знаком с боевой биографией А.И. Деникина, участвовавшего в Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войнах. В последней, командуя 4-й стрелковой дивизией (развернутой из бригады) «железных» стрелков, он был награжден Георгиевским оружием и орденами Святого Георгия 4-й и 3-й степеней.

124.

Напалков Николай Иванович (1868–1938). Русский хирург. Окончил курс медицинского факультета Московского университета, получил степень доктора медицины. Состоял профессором факультетской хирургической клиники Варшавского университета. В 1912–1913 гг. принимал участие в Балканской войне, находясь с отрядом Красного Креста в Греции. В 1914–1915 гг. в Первую мировую войну стоял во главе варшавского госпиталя Красного Креста. К началу Гражданской войны переехал из Петрограда в Ростов-на-Дону. Работал на медицинском факультете Ростовского университета, один из организаторов госпиталя Белого креста. В 1919 г. организовал в Ростове-на-Дону Донское хирургическое общество (стал его председателем). После установления советской власти в 1920 г. был арестован, затем освобожден. В 1930 г. создал на базе факультетской хирургической клиники и возглавил Институт травматологии и переливания крови. Автор более 180 печатных научных работ.

125.

Игнатовский Алексей Осипович (1875–1920). Доктор медицинских наук, профессор. С 1915 г. – экстраординарный профессор кафедры факультетской терапии медфака Варшавского университета (в годы Первой мировой войны переведен в Ростов-на-Дону).

126.

Поискам виноватых в смерти Дроздовского могли способствовать и непроверенные публикации о его болезни и кончине в прессе. Так, редакция новочеркасской газеты «Вечернее время» в номерах за 28–30 ноября 1918 г., руководствуясь, видимо, ходившими слухами о смерти Дроздовского, опубликовала его некролог и другие посвященные его памяти материалы – более чем за месяц до кончины М.Г. Дроздовского. В заметке «Тяжелая потеря»

сообщалось: «При окончании номера редакцией получена тяжелая весть. В Екатеринодаре скончался полковник Дроздовский. Раненный в ногу, он подвергся тяжелой операции, которая не спасла его, однако, от заражения крови, и один из славных героев Добровольческой армии скончался в тяжелых условиях. Краткая, написанная наспех заметка, лишает возможности остановиться более подробно на этом выдающемся русском человеке – солдате с головы до ног. Отметим пока, что, если бы на фронтах, разьедаемых большевизмом, было бы больше таких офицеров, как покойный, многого бы не произошло, и наша Родина избегла бы многих страданий. Новочеркасцам должен быть особо памятен скончавшийся герой. Его прибытие в Новочеркасск 25 апреля в критическую минуту борьбы казаков с большевиками решило участь Новочеркасска. Большевики общими усилиями казаков и “дроздовцев” были разбиты. Один за другим уходят герои Добровольческой армии, внесшие столько красивых страниц в историю воссоздания России. Их имена, как и имя полковника Дроздовского, вечно будет помнить и благословлять благородное потомство».

127.

Очевидно, речь идет об известном хирурге, докторе медицинских наук, профессоре Федоре Михайловиче Плоткине (1884–1963). Судя по всему, его выезд за границу не был длительным. В начале 1920-х гг., после установления советской власти на Кубани он работал в Кубанском государственном университете на кафедре факультетской хирургии (основана в 1923 г. на базе Кубанской войсковой больницы), которой заведовал в 1930–1931 гг. Ф.М. Плоткин был автором ряда работ, посвященных хирургии. Одна из них, написанная в 1933 г., была посвящена послеоперационным осложнениям в связи с латентной инфекцией (Плоткин Ф.М. Послеоперационные осложнения в связи с латентной инфекцией // Клиническая медицина. 1933. № 11). В 1950-е гг. работал в Московском областном научно-исследовательском клиническом институте.

128.

О смерти Дроздовского и его похоронах много и подробно рассказывала пресса. Известный политический и общественный деятель В.В. Шульгин в издаваемой им газете «Великая Россия» опубликовал ряд материалов, в том числе статью «Погребение генерала Дроздовского»: «Вчера в Екатеринодар прибыло тело скончавшегося в Ростове генерала М.Г. Дроздовского. Для встречи погибшего героя Добровольческой армии на вокзал прибыли главнокомандующий генерал [А.И.] Деникин, войсковой атаман генерал [А.П.] Филимонов, генералы [А.М.] Драгомиров, [И.П.] Романовский, [А.С.] Лукомский, [Н.С.] Тимановский, [Ю.Ю.] Белозор, [И.И.] Чекатовский, представитель французской военной миссии, много военных. Построился взвод 2-го Офицерского полка под командой полковника [А.В.] Туркула, конная сотня и сотня пластунов. Поезд подошел к перрону в 10 часов утра. Офицеры 2-го Офицерского полка понесли гроб. Раздалась команда: “Слушай на караул!” Войсковой оркестр заиграл “Коль славен”. Торжественная процессия направилась в Екатеринодарский собор, где была отслужена заупокойная литургия и панихида. Протопресвитер Военного и морского ведомств о. [Г.] Шавельский сказал прочувственное слово, посвященное святой и героической памяти генерала М.Г. Дроздовского. Тело его погребено в усыпальнице собора. На гроб возложено много венков с надписями такими простыми и такими красноречивыми: “Герою Ростова и Новочеркасска”, “Соратнику Главнокомандующего”, “От офицеров броневое дивизиона”, “От старых дроздовцев бронепоезда “Витязь”, “От старых дроздовцев 2-го Офицерского полка”... Близкие скончавшегося от большевистской пули генерала Дроздовского рассказывают о его последних минутах. Генерал неоднократно высказывал желание умереть сразу, безболезненно. Незадолго до смерти он повторял: “Дайте мне моих старых офицеров”. Желание его исполнилось: он умер без агонии. После генерала

Дроздовского остался дневник, который он вел в походах и который он предполагал подготовить к печати» (Великая Россия. Ростов-на-Дону. № 18–106. 6 января 1919 г.). Обращает на себя внимание присутствие на панихиде генералов И.П. Романовского (который многими из дроздовцев считался едва ли не как главный враг Дроздовского) и Ю.Ю. Белозора (принимавшего участие в формировании добровольческих частей на Румынском фронте и отказавшегося от предложения Дроздовского возглавить выступавший на Дон отряд).

129.

В декабре 1914 г. Дроздовский был назначен исполняющим должность штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса.

130.

Сиверс Фаддей Васильевич (1853–?). Генерал от инфантерии (1912). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. В Первую мировую войну вступил командиром 10-го армейского корпуса (с 1911); с сентября 1914 г. – командующий 10-й армией Северо-Западного фронта. После ряда поражений весной 1915 г. был отстранен от командования армией; в апреле 1915 г. уволен в отставку.

131.

255-й пехотный Аккерманский полк.

132.

Жданко Александр Ефимович (1858–1917). Генерал-лейтенант (1917). Участник Первой мировой войны, с началом которой назначен командующим 64-й пехотной дивизией (до ноября 1916). С конца 1916 г. – в резерве чинов при штабе Киевского военного округа; в августе 1917 г. уволен от службы за болезнью.

133.

Лашкевич Николай Алексеевич (1856–?). Генерал от инфантерии (1917). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. На фронт последней вышел начальником 28-й пехотной дивизии в чине генерал-лейтенанта; в марте 1915 г. отчислен от должности по несоответствию с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа; с октября 1915 г. – командующий 2-й Сибирской стрелковой запасной бригадой в Иркутском военном округе; с декабря 1916 г. – начальник 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады; позднее состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа; в октябре 1917 г. произведен в генералы от инфантерии с увольнением от службы.

134.

Гернгросс Александр Алексеевич (1851–1925). Генерал от инфантерии (1910). Участник Китайского похода (1900–1901) и Русско-японской войны (1904–1905). Член Военного совета (1913–1914; 1916). Участник Первой мировой войны; с августа 1914 г. – командир 26-го армейского корпуса.

135.

Пивоваров Анатолий Петрович (1876–1922). Генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. С началом последней – командующий 76-й пехотной дивизией; в октябре 1914 – марте 1915 г. – командующий 56-й пехотной дивизией; с мая 1915 г. – начальник 24-й запасной пехотной бригады; с июня 1916 г. – командующий 3-й

Кавказской стрелковой дивизией; с ноября 1916 г. – в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. В 1918 г. в РККА; военный руководитель Московского военного округа.

136.

Пороховщиков Александр Сергеевич (1865– после 1938). Генерал-майор (1915). Участник Первой мировой войны, в которую вступил офицером 145-го пехотного Новочеркасского полка; с октября – в 333-м пехотном Глазовском полку; с декабря 1914 г. – командир 335-го пехотного Анапского полка; позднее командир бригады 64-й пехотной дивизии; с января 1916 г. – начальник штаба 18-й пехотной дивизии; с мая 1916 г. – в распоряжении начальника Генерального штаба; летом 1917 г. – в распоряжении главкома войск Юго-Западного фронта; с января 1918 г. – в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта. С марта 1918 г. – в армии Украинской народной республики.

137.

Штакельберг Максимилиан Карлович, фон (1865–?). Барон; полковник (1913). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. На фронт последней вышел командиром 2-го дивизиона 28-й артиллерийской бригады; с июня 1916 г. – командующий 49-й артиллерийской бригадой.

138.

Чины 333-го пехотного Глазовского полка.

139.

Один из Донских казачьих полков.

140.

26 октября 1917 г. Второй съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принял «Декрет о мире». Совет народных комиссаров предлагал всем воюющим странам, заключив перемирие, начать переговоры о «немедленном мире без аннексий и контрибуций». Советское правительство предписало исполняющему обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину немедленно начать мирные переговоры. Получив от Духонина отказ, председатель Совнаркома В.И. Ленин 9 ноября напрямую обратился к солдатам с предложением полкам действующей армии самим «выбрать уполномоченных» для ведения переговоров с противником, на что «Совет народных комиссаров дает вам права». Такое обращение Совета народных комиссаров привело в ноябре – декабре 1917 г. к не имеющим ранее аналога массовым браниям на фронте. 9 ноября решением советского правительства Духонин был отстранен от должности. В тот же день он направил всем главнокомандующим армиями фронтов телеграмму, в которой объяснял свой отказ выполнить указания советского правительства о немедленном вступлении в мирные переговоры с противником и объявлял о решении не оставлять свой пост. 20 ноября Духонин был убит в Могилеве толпой революционных солдат. Произошло это после прибытия в Ставку назначенного СНК новым главкомом прапорщика Н.В. Крыленко. 2 декабря между Россией и Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией) было заключено перемирие.

141.

Учредительное собрание было разогнано большевиками в Петрограде 6 января 1918 г.